

АЛЕКС ХАЙ

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ
АКАДЕМИЯ

Желание помочь Родине должно было меня убить, но у Смерти особое чувство юмора.

Угораздило же попасть в тело самого отбитого мажора Петербурга! Угнал и в хлам разбил спорткар старшего брата, охмурил первую красавицу города на глазах у ее жениха, устроил массовую драку прямо на Невском — и все за один вечер.

Его выходки привели меня в Исправительную академию, где перевоспитывают высокородных отморожков. Только сперва мне нужно просто выжить. Потому что здесь у каждого есть ко мне счеты, даже у надзирателей.

И, поговаривают, кое-кто готов дать серьезные деньги за мою «случайную» смерть...

Алекс Хай

Исправительная академия

Дерьмовая у меня работенка.

Обматерят без причины или сунут фальшивые деньги, а то и вовсе примутся тыкать стволом в лицо и требовать вырубку. Мало приятного, но я привык.

Есть и плюсы: никто не обращает внимания на парня в неприметной униформе, и курьер-невидимка без труда проникнет в те двери, куда нет хода обычным людям.

Именно этим я сейчас и занимался — лез туда, где мне быть не следовало.

Сегодняшний «заказ» был необычным. Не каждый день ко мне обращаются знакомые из УБЭП МВД. Да еще и с просьбой заскочить на объекте в одну мааленькую каморку по соседству с кабинетом главбуха и оставить там небольшой предмет. В подробности меня не посвящали, но очевидно, что это был «жук» — все инструкции на то указывали.

— Нажмешь на кнопку, затем аккуратно снимешь вот эту пленочку и прикрепишь устройство липкой поверхностью к стене, — рассказывал бывший одноклассник Витька, вертя в руках маленький... передатчик? — Старайся повесить поближе к правому углу. Ну и, само собой, чтобы не так сильно бросалось в глаза.

— А точно добьет? — усомнился я. — Здание старое, стены...

— Это не твоя забота, Хруст, — резко перебил меня Витёк. — Просто прикрепи эту хреновину куда я сказал и сразу уходи. Остальное за нами. Мы давно пасем ту бабу из вашего филиала. Осталось понять, в доле она или нет... Дерзай, Сань. Родина не забудет.

Ну и как тут отказать? Особенно если в качестве благодарности обещают решить твои проблемы. Моей матери еще не исполнилось и шестидесяти, но деменция выбрала в жертвы именно ее. Больно видеть, как с каждым днем единственный важный для тебя человек угасает, а затем и вовсе перестает тебя узнавать.

Альцгеймера не вылечить, но можно обеспечить больному комфортную жизнь. Я нашел пансионат за городом, где за ней будут ухаживать гораздо лучше, чем я. Там врачи, медсестры, постоянное наблюдение и режим. С таким уходом она протянет дольше.

Но все стоит денег, а кредит мне в упор не давали без объяснения причин. Витёк обещал по своим каналам выяснить, чем я не угодил банкам, и помочь с документами.

Ну и мне хотелось прижать наше охреневшее руководство. С каждым годом условия труда становились все хуже, штрафы росли — в отличие от зарплаты. Это при том, что компания выросла в настоящего гиганта и захватила треть рынка. Я-то все равно собирался увольняться, но хоть попытаюсь облегчить жизнь тем, кто придет работать после меня...

— Опаздываешь, Саш, — окликнул меня охранник, когда я прошмыгнул в нужный корпус. — Или опять двойную смену взял?

Тааак... Палыч в кои-то веки оторвался от кроссворда, еще и в самый неподходящий момент. Что ж, на этот случай у меня было подготовлено железобетонное оправдание.

— Так я к девчонкам, — улыбнулся я и помахал в воздухе пачкой накладных. — Надо сдать в бухгалтерию.

— Время видел, Хрусталева? — дедок поправил очки на переносице. — Разошлись уже девки. Они ж по вечерам не задерживаются.

Я отмахнулся.

— Ничего, просто положу в папку для Васильевой. Утром увидит и все проведет.

Это убедило Палыча, и он жестом меня поторопил.

— Ну лети, орел! Только Михалне на глаза не попадайся. Она только что помыла второй этаж. Заметит, что наследил — ор поднимет.

— Понял. Бывай, Палыч!

Я решил подняться по лестнице — так меньше шансов кого-нибудь встретить. Устройство слегка оттягивало карман, бумаги шелестели на легком сквозняке. Во дворе урчали двигатели грузовичков — новая смена подтягивалась, чтобы забрать со склада очередную партию посылок.

Почему-то мне стало не по себе. Вроде и задача плевая, а по спине все равно пробежал холодок. Может это остатки совести пытались так ко мне воззвать? Дескать, эта рука тебя кормила столько лет, а ты вот так... Хотя что плохого я делал? Витя со своими парнями не вцепился бы в эту контору просто так. Значит, рыльце у начальства в пушку. А я что? Я просто удачно подвернулся под руку.

Пол действительно только что помыли — кафель был скользким, и я пошел к нужному кабинету вдоль стены, стараясь уважать труд Михалны. Бумаги мне и правда следовало занести — я постучался в кабинет, где сидели девчонки-бухгалтерши. Никто не отозвался, но дверь была открыта.

Я вошел в большой опенспейс и заметил, что возле одного из столов горела лампа. Место Катерины. Значит, опять заработалась. В последнее время она что-то слишком часто задерживалась, хотя о причинах помалкивала. Может что-то личное.

— Катя? — позвал я, но никто не ответил.

Сперва я подумал, что она ушла и просто забыла выключить свет, но ее сумочка была на месте. Наверняка вышла на кухню за кофе.

Застать ее не входило в мои планы. Каморка-склад, где мне следовало оставить устройство, располагалась как раз между кабинетами девчонок и главбуха. Если я стану там шуршать, Катя наверняка услышит. Значит, нужно либо попытаться успеть сделать все сейчас, пока бухгалтерша хлопотала на кухне, либо подождать, пока она уйдет.

Но ждать не хотелось. Почему-то на душе стало еще тревожнее. И хотя внешность Катюши неизменно радовала глаз, сейчас мне не хотелось с ней пересекаться. Да и вообще хотелось свалить отсюда поскорее. Что-то было не так, но я никак не мог понять, что именно.

Ладно, черт с ним. Пойду сразу. Возле двери на гвоздике должен был висеть ключ от той самой каморки. Девчонки ревностно охраняли свои запасы ручек, бумаги и картриджей, поэтому хранили расходники под замком. Хреновым, надо сказать — такой мой отец открывал за минуту.

Да вот только ключа на крючке не было.

Блин! Если Катерина пошла туда, то что-то долго она возилась. Я заглянул в ее компьютер — даже не заблокировала экран, дурочка.

— Опаньки...

И это она зря. Судя по тому, что я увидел, в программе, Катя ковырялась в старых счетах и отмечала нестыковки. Точнее, явно пыталась понять, куда уходила часть денег. Какие-то незнакомые фирмы, а вот суммы весьма внушительные.

Эх, Катя, хреновое ты себе выбрала хобби. Оставила бы эту работу Вите и его ребятам — они все равно сели главбуху на хвост. Надо бы намекнуть ей, что зря она пыхтит здесь по вечерам.

И в этот момент я услышал скрип двери в коридоре. Совсем рядом, соседняя. Но не было привычного стука каблуков, которые здесь носили все девицы. И никто не вошел в кабинет.

У меня засосало под ложечкой. Что-то конкретно не так, Хруст!

Внутренний голос убеждал бросить все и сваливать отсюда, но я ведь уже почти все сделал. Осталось самое последнее и самое важное... Жаль, не было времени скопировать находку Кати на флешку и передать Вите. Да и плохо я шарил в этих бухгалтерских программах.

Я вышел в коридор и увидел, что дверь каморки осталась приоткрыта. Оттуда не доносилось ни звука. Странно. Обычно гремят ящиками, шуршат, ворчат, пока ищут. А тут тишина.

Я осторожно потянул дверь на себя. Тусклый свет коридорных ламп пролился в маленькое помещение, и я вздрогнул. Катя — это точно была она — лежала ниц. Стройные ножки в лаковых туфлях на шпильках торчали из-за передвижной тумбы.

— Катя! — шепотом позвал я. — Кать, ты в порядке?

Она не отвечала. Я медленно двинулся к ней, толком не чувствуя ног. Страшно, вмиг стало очень страшно. Неужели...

Я перегнулся через тележку с коробками и тихо охнул.

— Ешкин кот!

Большая рана на голове, много крови — весь ковролин пропитался. Нет, не могла она сама так упасть. Рядом валялся здоровенный дырокол со следами крови.

Спустя миг я заметил нечеткое движение откуда-то сбоку. Попытался обернуться, хотел вскинуть руки, но не успел. Что-то тяжелое ударило меня в висок. Сильно. Больно — словно звезда взорвалась у меня в голове.

«Во что же я влип?» — только и успел подумать я прежде, чем надо мной сомкнулась непроглядная темнота.

* * *

— Даже если ничего не выйдет, примите мою благодарность...

— За такое не благодарят, девочка моя. Никогда.

Голоса звучали совсем рядом и принадлежали женщинам. Один — дрожащий, словно дама едва сдерживала рыдания. Второй — старушечий, властный. Но оба были мне незнакомы.

Не похоже на галлюцинацию — все казалось слишком реальным, особенно боль во всем теле. Видимо, я начал приходить в сознание. Здорово же меня огрели. Не знаю, сколько я был в отключке, но явно прилично. Неужели люди Витька все же нашли меня и отправили в больницу?

— Витя... — не открывая глаз, шепнул я и поразился собственному голосу. У меня всегда был чуть хриловатый баритон, но сейчас он звучал выше. — Где Виктор?

Женщины умолкли. Перед сомкнутыми веками пробежали тени — видимо, дамы подошли ко мне ближе. Открывать глаза совсем не хотелось. По телу разлилась адская боль. Ноги, руки, голова, даже поясница и ребра. Дышать тоже было тяжело.

Прохладная ладонь легла мне на лоб.

— Он заговорил... Заговорил! Володя, душа моя, ты меня слышишь?

Володя?

Какой к черту Володя?

Я осторожно приоткрыл один глаз и тут же снова зажмурился от непривычно яркого света. Вторая попытка была успешнее: я медленно разлепил веки и уставился на незнакомое женское лицо.

Дама улыбнулась. А хорошенькая... Лет сорока, но это были очень ухоженные и сочные сорок лет. Стройная, миловидная, в элегантной одежде. Светлые волосы обрамляли симпатичное лицо красивыми волнами, а покрасневшие от слез голубые глаза казались очень яркими.

Она снова улыбнулась.

— Володя, сынок...

Я закашлялся.

— Простите, — я с трудом выдавливал из себя слова. — Кажется, вы ошиблись. Я не Володя.

Дама обернулась куда-то в сторону.

— Ну конечно. Врачи же сказали, что с такими травмами возможно помутнение сознания... Ничего.

— Да кто вы вообще такая?! — не выдержав, рывкнул я и попытался привстать на локтях.

О, это я зря! Боль пронзила позвоночник так, что меня вмиг прошиб ледяной пот. Я заорал и тут же рухнул обратно на кровать.

— Лежи, лежи, Володенька, — женщина, что считала себя моей матерью, склонилась надо мной и поправила одеяло. — Позволь дару делать свою работу. Чем меньше двигаешься, тем быстрее все срастется.

Я продолжал непонимающе на нее таращиться, а заодно оглядел и помещение, в котором оказался.

Совсем не похоже на больничную палату. Скорее комната в дореволюционном доме. Немаленькая — метров семь на пять, разделенная деревянными перегородками на зоны. Я лежал на большой двуспальной кровати под балдахин. Из-за ширмы виднелся край письменного стола, ряды забитых книгами шкафов. Странная планировка. Да и потолки здесь были не меньше четырех метров. Здание должно было быть старым, но здесь даже побелка на потолке сияла новизной, а хрусталь на люстре искрился, словно его только что отмыли.

— Простите, уважаемая, — я снова приподнялся на локтях, стиснул зубы от боли и уставился на женщину. — Боюсь, произошла какая-то ошибка. Меня зовут Александр Дмитриевич Хрусталеv. Двадцать семь лет, работаю курьером в...

За моей спиной каркаяще рассмеялась старуха.

— А я предупреждала тебя, Настасья! — ее тон стал серьезным. — Нельзя заигрывать с Темными силами, а коль решила играть, так будь готова ко всему.

Старуха наконец-то показалась. Она медленно проплыла мимо моей кровати и встала так, чтобы я мог ее видеть. Женщина выглядела, мягко говоря, странно. Лет семидесяти, но молодилась. Одета она была во все черное — длинное закрытое платье, плащ до пят и странный головной убор, похожий на тюрбан. На шее висело несколько длинных цепочек с

какими-то затейливыми подвесками, похожими на амулеты.

Издали эта пожилая дама могла бы сойти за монахиню, но точно ею не являлась.

— Я Темная мать Друзилла, — представилась она со снисходительной ухмылкой. — Не узнаешь?

Я нервно проглотил слюну.

— Впервые вас вижу. Из чего делаю вывод, либо я сошел с ума, либо ловлю глюки на почве удара по голове. Как бы то ни было, картинка занимательная, но я бы все же предпочел проснуться.

— Ты и так проснулся, мальчик мой, — улыбка старухи скривилась еще сильнее. — Только если я верно понимаю, проснулся ты не там, где рассчитывал.

Я тряхнул головой, пытаюсь заставить мозг соображать.

— Поясните. Пожалуйста.

Темная мать — или как она там себя называла — снова рассмеялась.

— Он попросил вежливо. Нет, Настасья, это теперь точно не совсем Володька!

Игнорируя предостережения «мамы», я сел на кровати и уставился на обеих женщин.

— Я знаю много вежливых слов, но чем дальше, тем сильнее мне хочется кричать матом, милые дамы. Вы меня очень обяжете, если нормально объясните, что здесь происходит.

Старуха откинула полу черного плаща и уселась прямо на краю моей кровати.

— Настасья Павловна, принеси зеркало, — велела она заплаканной женщине.

— Что... Зачем?

— Неси зеркало, говорю!

«Мама» вздрогнула от резкого окрика и вышла за ширму.

Тем временем старуха протянула ко мне костлявую руку с накрашенными черным длинными ногтями. Я инстинктивно отстранился.

— Не бойся, — шепнула она. — Хочу кое-что проверить, пирожочек. Не будешь мне мешать — расскажу, что случилось.

— Хорошо, — хрипло отозвался я, но на всякий случай сжал кулаки под одеялом. Женщин бить негоже, но эта бабка была похожа на настоящую ведьму — ту самую, каких в сказках изображали. Черт знает, что она еще выкинет.

Ее прикосновение обожгло мой лоб. Я дернулся, но не отстранился, хотя боль была невыносимая. Старуха что-то прошептала, прикрыла сморщенные веки и что-то начертила пальцами у меня на лбу.

— Это что сейчас было? — спросил я, когда она убрала руку.

— Проверяла свою работу. И кое в чем убедилась.

Из-за ширмы вышла элегантная Анастасия Павловна, которую хотелось называть по имени и отчеству. Подойдя к кровати, она остановилась, держа в руках небольшое овальное зеркало на длинной ручке.

— Дай ему, — распорядилась Темная мать. — Давай-давай, не мнись.

Я взял зеркало, готовясь увидеть свою рассеченную рожу. Но замер и едва не разжал пальцы, когда увидел свое отражение.

— Это что за чертовщина?

На меня пялился напуганный юнец лет семнадцати-восемнадцати. Морда побитая, но вполне симпатичная — и сейчас я заметил сходство с «мамой». Из-под головной повязки пробивались коротко стриженные русые волосы. Глаза зеленые, безумные.

— Владимир Андреевич Оболенский, — сказала старуха. — Так тебя зовут. Внук князя Николая Валериановича Оболенского, выходец из одного из древнейших родов Империи.

Я зажмурился, снова открыл глаза — нет, отражение никуда не делось. Помнится, наш охранник Палыч любил почитать книжки про попаданцев в другие миры. Правда, в его любимых опусах фигурировали всякие эльфы да гномы, но суть не менялась. Может зря я ни разу не прочитал такую книжку? Было бы проще уложить происходящее в голове. Хотя бы для самоуспокоения.

Значит, Оболенский. Княжий внук. Ну что ж, глюки могли быть и похуже.

Я отложил зеркало и поднял глаза на старуху.

— Допустим. И что случилось?

Анастасия Павловна, казалось, выдохнула с облегчением. Может ее утешило то, что я перестал отнекиваться и сопротивляться.

— Ты попал в аварию, Володенька. Взял автомобиль Лешеньки, поехал в клуб. Там... Не так важно, что там было, но на пути обратно ты не справился с управлением. Машина всмятку, тебя достали едва живого. Обычный человек погиб бы на месте, а тебе помог родовой дар — врачи успели. Но...

— Но ты уже умирал, — вмешалась старуха. — И должен был умереть. Да только матушка твоя с таким исходом мириться не пожелала и вызвала меня. Я провела ритуал, чтобы вытащить тебя с того света. Но ритуал Темный, а Тьма всегда решает все по-своему. Вот и итог, — Темная мать Друзилла покосилась на Анастасию Павловну. — Я предупреждала, что последствия могут быть любыми. Вот получай. Сына ты вытащила, теперь живи с тем, что получилось.

«Мама» разрыдалась. Настолько горько, отчаянно, что мне стало ее жаль. Если все было так, как сказала старуха — опустим бред про какие-то темные ритуалы — то все равно положение у Анастасии Павловны было печальное. Она ведь просто хотела вернуть сына.

Я откинул одеяло и потянулся к ней, чтобы взять ее за руку. Ну хоть как-то утешу. А потом будем разбираться.

— Пожалуйста, успокойтесь. Я ведь...

Но едва она подняла на меня глаза, ее взгляд скользнул ниже, на мой живот. «Мама» вмиг побледнела. Ее мокрые от слез глаза округлились, и она в ужасе шарахнулась назад.

— Боже! — охнула она. — Друзилла... Что это?

Я проследил за ее взглядом и уставился себе на живот. Надо сказать, такого пресса у меня даже в студенчестве не было. А этот Володька держал себя в форме...

Только вот примерно на ладонь ниже солнечного сплетения расплывалось какое-то темное пятно. Этот сгусток тьмы казался живым и вел себя как капля чернил в воде — двигался, тянул тонкие темные щупальца...

— Что это за чертовщина?! — взревел я, подскочив на кровати.

— Тихо! — гаркнула старуха. — Не ори. Это печать.

— Что еще за печать? — я безумно тарашился на Темную мать. — Что еще за штучки?

Старуха Друзилла пожала сухими плечами.

— После каждого Темного ритуала на жертве остается частичка Тьмы — ведь она вас коснулась. Мы называем такие следы печатями. Они бывают разными: кого-то сила просто пометит, и тогда печать растворится, иного решит со временем использовать в своих интересах...

Хм. Я с опаской взглянул на печать. Темный сгусток как раз оформился в подобие небольшой татуировки. Если не присматриваться внимательно, на партак и было похоже. Только яркий, не выцветший, словно пару недель назад сделали. Несколько кривых линий сплелись в одну, образовав непонятный знак.

Анастасия Павловна наконец-то взяла себя в руки.

— Так что теперь будет с Володей? Он теперь что... проклят?

— Мне почему знать? — отозвалась старуха. — Ты просила меня провести один из сложнейших ритуалов нашего Ордена. Не будь я сама из Оболенских, ни за что бы не согласилась. Но ради родной кровиночки уж поступилась кодексом. Ты, Настасья, умоляла вернуть человека, которого уже сама Смерть приговорила!

Губы «мамы» снова задрожали. Но старуха жестоко продолжала.

— От смерти отбить нельзя, можно только обменять одну жизнь на другую. Смерть — лучший счетовод, и ее не обманешь. Чтобы выжил твой Володя, где-то должен был умереть кто-то другой. И, сдаётся мне, Тьма решила пошутить и добавила твоему сыну часть души, что принесли в жертву ради него, раз уж теперь наш Володенька на другое имя откликается. И что из этого получится, лишь Силам известно.

Картинка начала понемногу складываться. Даже если это был бред моего умирающего мозга, то бред отменный. Даже не 4D, а все органы чувств были задействованы: и боль, и запахи, и реалистичные персонажи. Классное кино мне показывали напоследок.

Если это было кино. А если все же нет?

В сверхсилы я никогда не верил, хотя сейчас впору было задуматься о своем невежестве. Я взглянул на старуху Друзиллу.

— А мне что теперь со всем этим делать?

— Жить, мальчик мой. Может из тебя еще выйдет толк, а дед тебя уже почти что в утиль списал. Особенно после того, что ты устроил три дня назад. Нет от тебя проку, только проблемы создаешь. А сейчас, глядишь, может и опомнишься.

Я непонимающе покосился на Анастасию Павловну.

— Кажется, мне нужно знать больше. Что случилось? Что Воло... В смысле я натворил?

Старуха поднялась с кровати, поправила сложную драпировку своего черного одеяния и направилась к выходу.

— С этим вы уже без меня как-нибудь разберетесь, — бросила она на ходу. — Я свое дело сделала, но это первый и последний раз, когда я нарушила правила и пришла на помощь кровной родне. Провожать не нужно, дорогу знаю.

Темная мать Друзилла скрылась за рядами перегородок, и через пару секунд за ней с тихим хлопком закрылась дверь. Я снова уставился на печать, что теперь украшала мое брюхо.

Анастасия Павловна тихо всхлипнула и, заломив руки, отошла к окну.

— Какой позор... Неужели я сделала лишь хуже?

— Пардон, но я все еще ничего не понимаю. Объясните?

«Мама» отвела от меня взгляд, словно теперь ей было стыдно.

— Темная метка, — прошептала она. — Если печать не растворится, тебя ждет тяжелая судьба.

Я пожал плечами.

— Судя по тому, что я услышал, Володе Оболенскому следовало покоиться на кладбище. Сейчас же какой-никакой, а шанс на жизнь. Смею вас заверить, жизнь я ценю и люблю, поэтому воспользуюсь столь щедрым подарком.

— Ты не понимаешь, Володя... Если эта печать не растворится, ты... Тебя заберут! Определят в Темный Орден.

— Мне это все еще ни о чем не говорит, — виновато улыбнулся я. Хотелось орать, биться головой о стену и выбивать объяснения из людей ногами. Но дама явно была не в том состоянии, чтобы реагировать на давление. Нет, здесь нужно действовать мягко и осторожно.

«Магушка» тихо пробормотала что-то себе под нос и, описав круг у моей кровати, присела стул у изголовья.

— Темная Мать Друзилла — одна из нас, — пояснила дама. — До посвящения она именовалась Марией Валериановной Оболенской. Она сестра твоего деда, князя. Но в юности у нее проступила Темная метка — а это свидетельство связи с Темным даром. Поэтому ей пришлось покинуть род, взять другое имя и... И теперь ее семья — Темный Орден.

— Я верно понимаю, что Темный дар — это что-то злое?

— Не совсем. Темный дар — это обратная сторона могущества наших родов. Носитель связи с Тьмой может родиться в любой одаренной семье, Володя. Не они выбирают Тьму, а Тьма выбирает их сама. А уж чем она руководствуется при выборе, мне неизвестно. Но Тьма — не зло. Просто особая сила, способная разрушать. Но сила соблазнительная и опасная даже для могущественных одаренных. Это... хаос, наверное. Пожалуй, так проще всего описать ее суть.

Что ж, становилось немного понятнее. Видимо, так здесь именовали черных магов? Колдунов? Старуха Друзилла постоянно говорила о Тьме, причем так, словно эта Тьма была чем-то одушевленным, обладающим собственной волей.

— То есть, раз на мне появилась печать, то я связан с Тьмой, — я пытался уложить в голове факты. — Если печать останется со мной, то у меня может проявиться так называемый Темный дар? То есть некая сила, которая позволяет, например, вернуть к жизни почти умершего. Что же в этом плохого?

Анастасия Павловна покачала головой.

— Неужели ты совсем все позабыл? Ты как... чистый лист.

— Боюсь, это и правда так. Я ничего не знаю и ничего не помню о вас.

А кроме того, я вообще другой человек. Другая личность, черт возьми! Но судя по всему, об этом следовало помалкивать, так что лучше держаться идеи о полной амнезии вследствие обилия полученных травм. А что, удобно. Хрен прикопаешься. Только вот выяснить нужно куда больше, чем мне расскажут. Потому что говорить они будут лишь то, что полезно им, а не мне.

«Мама» вытащила из уха сережку и у меня на глазах оцарапала ею мою ладонь. Я вздрогнул.

— Зачем?

— Смотри.

Царапина была глубокой и болезненной, но крови проступило совсем немного. А затем прямо у меня на глазах эта ранка начала затягиваться.

— Видишь, Володя? — улыбнулась женщина. — Это дар рода Оболенских.

Я удивленно моргнул, не веря увиденному.

— Усиленная регенерация? Такая быстрая...

— Именно поэтому ты уже можешь сидеть и говорить, — улыбнулась женщина. — Другие называют его пренебрежительно — «собачья шкура». Но суть понятна: рожденные Оболенскими исцеляются быстрее остальных. Таков один из основных даров рода Оболенских.

— А другие? — хрипло спросил я, еще не отойдя от удивления.

— Оболенские — род воинов. Потомки Рюриковичей, и за мужчинами нашей семьи тянется длинная боевая слава. Потому и дары у нас такие, какие нужны воинам. Сила, выносливость, «собачья шкура» — все, что поможет одолеть противника в бою. У твоих деда и отца есть и другие дары — они проявляются у князей и их наследников. Именно сила рода позволила тебе дожить до того момента, как я вызвала Темную Мать.

— Значит, повезло Володе Оболенскому, — вздохнул я.

Зато теперь становилось понятно, почему тушка, в которой я сейчас теснился, была такой здоровой. Что ж, неплохой старт. Молодой, крепкий... Правда, судя по всему, на этом достоинства Владимира Оболенского заканчивались.

Анастасия Павловна взглянула на часы.

— Скоро приедут князь и твой отец. Нужно предупредить их о том, что ты очнулся и... подготовиться. Пока лежи, Володя. Тебе нужно поскорее восстановиться.

Она подошла к окну и задернула шторы.

— Отдыхай. Постарайся поспать — во сне ты восстановишься еще быстрее. Если что-нибудь понадобится, позвони в колокольчик, и слуги все принесут.

— Хорошо. Спасибо...

— И еще, — женщина приложила палец к губам. — Не рассказывай никому того бреда о том, что ты — другой человек. Не называйся другими именами. После того, что ты устроил, да еще и с появлением этой проклятой печати, твое положение стало совсем шатким. Князь давно хотел от тебя избавиться и выслать подальше, но мне удавалось уговорить его дать тебе очередной шанс. Я-то все надеялась, что ты возьмешься за ум... Но после вчерашнего я уже бессильна. И если ты начнешь вести себя как сумасшедший, в сумасшедшем доме и окажешься. Дед в ярости от твоих выходок, а у Николая Валериановича нрав тяжелый.

— Да что я такое устроил-то? — не выдержал я.

— Потом, — отмахнулась Анастасия Павловна. — Об этом потом. Пока же просто вееди себя тихо.

Туфли «матушки» застучали по паркету. Она бросила мне ободряющую улыбку на прощание и оставила меня в одиночестве.

Я рухнул на подушки и уставился в потолок.

Ну и ну... Нет, на сон не похоже. Да и бред как-то затянулся. Будем исходить из того, что темный ритуал Друзиллы действительно перенес меня... Куда? Год-то сейчас какой?

Осторожно, стараясь распределять вес равномерно, я выбрался из кровати. Пошатнулся, заскрипел зубами от боли, но равновесие удержал.

— Уже хорошо, — шепнул я, так и не привыкнув к новому звучанию своего голоса.

Для начала обследуем комнату. Я вышел за перегородку и осмотрелся. Большая зона была похожа на смесь гостиной и рабочего кабинета. Между двух окон располагался массивный стол с кожаной столешницей. За ним — дорогое кресло. При этом столом, казалось, по назначению не пользовались: он просто был поверхностью, на которые сбрасывали ненужные предметы. Даже кощунство для такого роскошного предмета мебели.

У противоположной стены стоял обитый пестрой тканью диван, низкий столик на витых ножках. На стенах висела живопись, больше похожая на современные полотна — какая-то абстракция, смысла которой я не уловил.

Но больше всего меня заинтересовал книжный шкаф. По дороге к нему, я заметил на столе журнал.

«Мужской домъ», — прочитал я. На обложке красовалась дама с пышными формами в наряде, стилизованном под костюм Снегурочки. Белобрысая коса спускалась от плеча до самых сапожек, а кокошник подпирал алые буквы названия журнала. Кич какой-то. Но меня интересовала дата.

Журнал был за декабрь 2021 года. Под ним нашелся еще один, за март 2022.

Мило. Ну, раз год тот же самый, значит, это либо бред, либо параллельная реальность.

Я подошел к шкафу. Пыль здесь протирали регулярно, а вот книги выглядели так, словно их никогда не брали в руки. Многие фамилии оказались мне знакомы: Державин, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Некрасов... Собрания сочинений в разноцветных дорогих переплетах. Но владелец явно не интересовался классикой.

Зато одна книжка показалась мне немного потрепанной. Открыв дверцу шкафа, я вытащил ее и усмехнулся.

— «История Российской империи для детей», — шепотом прочитал я название.

А что? Раз уж я — «чистый лист», то можно начать знакомство с миром с этой находки. По крайней мере, авторы этого труда точно все разжуют.

Я забрал книгу и направился в кровать. Лежа читалось хорошо, да и книгу украшали искусные иллюстрации — загляденье. Я пролистал добрые три четверти — до конца XIX века история этого мира, судя по всему, мало расходилась с моим. И я даже с удивлением обнаружил главы о Февральской и Октябрьской революциях 1917 года...

— Ну-ка, с этого места поподробнее, — я принялся вчитываться в простой текст.

Конечно, книжка была детская, поэтому кровавые и жестокие события тех времен преподносились... скажем так, весьма поверхностно. Но я узнал главное.

«Самодержец со всею семьей, включая императрицу Александру Федоровну и

цесаревича Алексея, был предан мученической смерти. Это одна из самых страшных страниц истории всей нашей империи, юный читатель. Но даже в самые темные времена находится место героизму, самопожертвованию и отваге.

Так, дорогой друг, поступил сын Великого князя Константина Константиновича Романова — Константин Константинович младший. Герой Мировой войны, известный своими благочестием и верностью.

После Революции Константин Константинович был арестован и выслан из Петрограда в Алапаевск. Его и братьев ждала смерть, но узники вовремя узнали о планах своих тюремщиков. Им удалось сбежать и объединиться с другими верными Государю людьми. Их план был дерзок и рискован — освободить из плена императорскую семью.

Однако спасти удалось лишь одну дочь самодержца — Великую княжну Ольгу Николаевну.

Будучи однажды в церкви возле дома Ипатьева, Ольга Николаевна молилась, когда рядом с ней опустилась на колени девушка в крестьянской одежде и шёпотом предложила обменяться молитвенниками.

Открыв свой новый молитвенник, Ольга прочла записку, приказывающую ей, закончив молитву, немедленно отправляться в ризницу. Там её уже дожидалась та крестьянка и велела обменяться платьями. Так Ольга Николаевна, никем не признанная, вышла наружу, где её ждали верные люди Константина Константиновича.

Они объяснили Великой княжне, что императрица через слуг сумела связаться с ними и приказала похитить Ольгу. Увы, на тот момент цесаревич Алексей был уже слишком слаб, потому надеждой рода Романовых стала старшая дочь.

Крестьянка же по собственной воле решила умереть за царевну и была убита Ипатьевском доме вместе с императорской семьей. А Великую княжну доставили в безопасное место, чтобы позже она объединила вокруг себя войска для возвращения трона...»

— Ну и ну, — выдохнул я, прикрыв книгу. — Это, получается, все же отбили тогда страну и большевиков...

Да только к тому моменту наверняка было сложно собрать силы. Как им это удалось? И почему до этого момента не было упоминаний ни о Темном даре, ни о других особых способностях родов?

«Именно в ту страшную ночь произошло нечто более важное, чем гибель законного государя, юный читатель», — продолжали авторы. — «Великая жертва государя и его семьи, их пролитая священная кровь освободили великую силу. Последняя воля священна, и, говорят, что в последние секунды перед гибелью император пожелал, чтобы кровь его семьи и всех невинно убиенных была отмщена.

А уже следующим утром верные самодержцу люди, его родичи и соратники заметили в себе странности. Слепой прозревал, хромой ходил ровно, слабый становился сильным. Иные могли и словом убивать, а другие обнаруживали в себе способности понимать, о чем говорят звери.

Много смуты внесли эти изменения в души верных императору людей. Но Ольга Николаевна успокоила — так свершилась последняя воля ее отца. Сила была дана самым верным, и дана для того, чтобы защитить дочь императорскую и восстановить

справедливость.

С тех пор минуло уже почти столетие. Но именно та страшная ночь стала началом новой эпохи в истории Российской империи, юный читатель. Сейчас ты можешь видеть несравненных воинов Оболенских, Орловых, Долгоруковых. Наверняка ты встречал лечебные дома, основанные лекарями Нарышкиными. Быть может, ты даже встречал потомков Кочубеев и Багратионов, разъезжающих по лесам и полям и внимательно следящих за тем, чтобы земля родила довольно пшеницы.

Так самопожертвование и верность были вознаграждены, друг мой. И пусть этот пример служит для тебя назиданием...»

— Да уж... Вот, значит, откуда сила появилась.

Видимо, гибель царской семьи что-то нарушила в равновесии этого мира. А может быть сила должна была уравновесить какой-нибудь баланс. Как бы то ни было, раз род Оболенских обладал особыми способностями, то в той заварушке они явно были за императора. И судя по всему, княжеский род и сейчас не бедствовал.

Я хотел прочитать книжку до конца — все было интересно найти упоминание о Темном даре. Но не успел я перевернуть страницу, как двери моей комнаты распахнулись. Толкнули так сильно, что створки ударились о стены.

Я поднял голову на звук.

— Что, только угроза оказаться на том свете заставила тебя взяться за книги?

Молодой человек лет двадцати с небольшим обошел ширму и направился напрямик к моей кровати. Высокий, крепко сложенный, тоже русоволосый и зеленоглазый, он имел портретное сходство с моей новой внешностью, да и в целом лицом походил на Анастасию Павловну. Строгий пиджак едва сходил на его груди — мощен юноша, ох мощен.

Точно Оболенский. Но кто? Брат? Кузен какой-нибудь?

— Прошу прощения? — сдержанно ответил я на ехидство.

Без разрешения парень вырвал из моих рук книгу и, прочитав название, расхохотался. Правда, почти сразу же его лицо снова посерьезнело, а книгу он швырнул в сторону.

— Что ж, с твоим уровнем развития самое то читать детские книжки.

— Обязательно начинать с оскорблений, уважаемый? — криво улыбнулся я. — Это было неуважительно по отношению к столь прекрасному познавательному труду.

Кажется, этим я заставил его рассвирепеть окончательно. Парень ринулся ко мне, схватил за плечи и рывком поднял меня над кроватью. Я едва успел прикрыть срам куском одеяла.

— Уважаемый? — прошипел он. — После всего, что ты наделал? Для тебя я Алексей Андреевич, придурок.

— Допустим, — спокойно ответил я. — И не нужно так нервничать, поговорить можно и сидя. А у меня спина болит.

Глаза парня налились кровью.

— Ну все...

Он швырнул меня на кровать с такой силой, что я отпружинил от матраса как на батуте. Превозмогая боль, я сгруппировался в полете и приземлился, готовясь принимать удары.

Но не учел, что этот сукин сын был быстр. Нечеловечески быстр. Оболенский — без сомнений.

Ухо зазвенело от удара, и я расслышал только окончание фразы:

— ... так что лучше бы ты погиб в той машине. Впрочем, это еще можно исправить.

— Так, блин! — я тряхнул головой и увернулся от очередного удара. — А ну, успокоился, Алексей Андреевич! Руки убрал, говорю.

Он снова замахнулся, но на этот раз я уже лучше чувствовал новое тело. Прибавил к молодости немного опыта, полученного на улицах Веселого поселка... Заблокировал удар, извернулся, шипя от боли в спине, и взял не в меру разгорячившегося парня в захват.

— Утомился, быстро, — прошипел я ему на ухо. — Я ничего не помню. Вообще. Даже не знал, как меня зовут. Так что если хочешь выяснить отношения, сперва скажи, в чем вообще дело.

Тяжело дышавший Алексей покосился на меня из-под захвата.

— Серьезно? Не врешь?

— Я даже не знаю, кто ты. Впервые тебя вижу.

— Да как...

Парень выглядел настолько ошарашенным, что даже перестал сопротивляться. Я осторожно разжал руки и выпустил его из захвата. А силушки в моем тельце и правда было на троих, даже у раненого. Что ж, отличное подспорье. Усиленная регенерация, богатырская мощь — с таким набором можно жить.

— Ладно, — он поправил съехавший пиджак, пригладил растрепавшиеся волосы и уселся на край кровати.

Я потянул одеяло на себя, стараясь, чтобы он не заметил метку на моем животе.

— Так что мы с тобой не поделили? Хотя сперва лучше представься. Пожалуйста.

— Леша я. Твой старший брат.

— Старший, а бьешь как девчонка, — ухмыльнулся я.

— Щадил калечного, — огрызнулся Алексей. — Ты же у нас контуженный, как мама сказала. Хотел проверить, так ли это. Если не врешь, то даже не знаю, хорошо это для тебя или плохо.

Я удивленно вскинул брови.

— Это еще почему?

— Потому что если бы ты однажды стал нормальным человеком и припомнил все, что творил раньше, то просто застрелился бы от стыда, — проворчал Алексей. — На твоём месте я бы так и поступил.

Опять двадцать пять!

— Так, Алексей Андреевич, — я подтянул ноги к груди и уставился на гостя. — Я ничего не знаю об этих своих деяниях. Давай ты мне просто все расскажешь, а там решим, что делать. Если нужно повиниться, повинюсь. Исправлю что возможно, если и правда виноват.

«Братец» странно на меня покосился.

— Видимо, ты и правда хорошо головой стукнулся, Володь. Не узнаю тебя.

— Мама так же сказала. Давай уже к делу.

Алексей достал из внутреннего кармана ключи. Судя по характерному брелочку, это была автомобильная связка.

— Это все, что осталось от моей машины, — он бросил ключи на простыню. — По

твоей милости. И угораздило тебя угнать именно тот автомобиль, что отец подарил мне на совершеннолетие. Уверен, ты это специально.

Я скользнул взглядом по логотипу. Неизвестный. Какой-то затейливый герб, который поддерживали две лошади.

— А специально или нет, не знаю. Мама говорила, что я попал в аварию.

— Ага. Но это уже было в самом конце вечеринки, что ты устроил в центре города. Сперва ты нарушил запрет, стащил ключи и угнал мою машину. Поехал в город, в центр. Завалился в «Карфаген», спустил там пятьсот рублей на выпивку. Свидетели говорят, всех угощал...

— Видимо, это не конец истории.

— Это ее самое начало, черт тебя дери!

— Тише, Алексей Андреевич, — осадил его я. — Рассказывай дальше.

— В «Карфагене» как раз гулял Вяземский со своей свитой. И Орлова была там же с подружками. Не знаю, сколько ты выпил, что набрался наглости лезть к ней прямо на глазах у Вяземского...

Я поперхнулся. Фамилии были мне знакомы, но разве что по учебникам истории.

— Так... А кто все эти люди? Вяземский, Орлова...

— Олег Иванович Вяземский, старший сын князя Вяземского, — зло процедил брат. — Между прочим, он с твоим дедом заседает в одной из сенатских комиссий. Не знаю, как дед будет смотреть ему в глаза после этого. Они с отцом как узнали, что ты выкинул, сорвались из Москвы первым поездом.

— Я понял, что князь Вяземский — большая шишка. А Орлова — кто? Графиня, что ли?

— А говоришь, ничего не помнишь, — мрачно взглянул на меня братец, и я прикусил язык. — Мария Александровна — дочь графа Орлова. Первая красавица Петербурга. И они с Олегом Вяземским уже полгода как помолвлены.

Я поперхнулся слюной.

— Так я, получается, на глазах у всех к ней...

— Ага. Причем не знаю, что ты сделал, как ты эту Машу загипнотизировал, но она и шампанское от тебя приняла, и три танца с тобой оттанцевала... Сам понимаешь, на это обратили внимание.

— Особенно Вяземский, полагаю, — заключил я.

— Именно. Олег тебя вызвал на дуэль, ты согласился и науськал его устроить ее немедленно. Как итог — разнесли половину «Карфагена», ибо вашим безумием заразились и остальные. Вылилось это в массовую драку, огромный счет от клуба и две кареты «скорой помощи».

— А кто в дуэли-то победил? — ухмыльнулся я, понимая, что этот вопрос взбесит брата еще сильнее. Но мне и правда было интересно.

— Ты, — мрачно отозвался он. Хоть в чем-то не уронил чести Оболенских. И все же это тебе не поможет.

— А дальше что было?

— А дальше подъехал твой дружок Долгоруков. Как обычно, к самому финалу. Умеет этот скользкий тип избегать неприятностей. Он увез Орлову домой, пока не приехала полиция. Вы с Вяземским замешкались, бросились по машинам. Только Вяземскому повезло — его друзья везли. А ты, уж не знаю, сколько в тебе на тот момент было градусов, сел за руль сам. Ну и доехал... До первого моста. Не справился с управлением, влетел в здание на

полной скорости. Итог знаешь.

Я слушал рассказ брата, молча глядя на складки одеяла. Да уж, ничего себе поездочка. Этот Володя Оболенский явно был полным отморозком.

— Слушай, Алексей... А у меня права-то на вождение есть? Или как это называется... Ну разрешение водить, в общем.

— Нет. Но тебя это никогда не смущало. Причем, надо сказать, водил ты с детства очень неплохо. Уверенно. Лихачил порой, конечно. За это дед и приказал больше тебе кататься не давать. Но ты все равно изворачивался. Любил ты быструю езду.

— Как и всякий русский, — отозвался я, припомнив «Мертвые души».

Алексей снова удивленно моргнул.

— Когда это ты Гоголя успел прочитать?

Я замялся.

— Не знаю. Может память как-то фрагментарно возвращается, — отшутился я. — Гоголя помню, тебя — нет.

— Как бы то ни было, быстрая езда тебя едва не убила. И я очень зол на тебя, Владимир. Мне плевать, помнишь ты или нет, но ты совершил большую глупость. Своими выходками ты опозорил не только себя, но и весь наш род.

Я кивнул.

— Не спорю. Это перебор. Значит, понесу наказание. Изворачиваться не буду, выбора, чую, все равно нет.

Да уж, ситуация, как говорится, патовая. Интересный поворот сюжета в этом кино. Настоящий Володя, конечно, отжег напалмом. Надо умудриться так накосячить за один вечер. Может убейся он в самом деле, семья бы вздохнула с облегчением. Держать рядом с князем такое позорище себе дороже. Сплошные убытки — финансовые, репутационные. Да и нервы такой отпрыск наверняка выматывал.

Но только вот теперь вместо Володи был я, а я очень хотел жить, причем жить спокойно. Ну интересно мне стало, чем все это закончится! А ничем хорошим оно, судя по всему, заканчиваться не собиралось.

— Набил бы тебе лицо и переломал каждую кость, честное слово, — прошипел Алексей. — Да толку? Все равно залечишься, а делу это не поможет. Теперь отец с дедом будут умасливать чинуш, чтобы замять этот скандал. Но все равно слухи уже понеслись по городу, так что не жди, что на этот раз тебе все сойдет с рук...

Он не договорил — умолк, прислушавшись к шуму, доносившемуся с первого этажа.

— Приехали, — сказал он и поднялся с кровати. — Пойду встречу.

— А мне что делать?

— Молиться, чтобы радость деда от твоего возвращения к жизни перевесила его желание самолично тебя придушить.

Алексей расправил пиджак и торопливо вышел. Я сполз с кровати, нашел брошенную в угол книгу и сунул под подушку. Потом дочитаю, как все устаканится. Живот начал урчать от голода — видимо, усиленная регенерация требовала потребления многих тысяч калорий. Но звонить слугам не хотелось. Сперва бы понять, как себя вести, чтобы влетело с правом прощения.

Но подумать мне не дали.

В дверь робко постучали, словно спрашивали разрешения войти. Ну хоть кто-то проявил уважение к больному.

— Заходите! — крикнул я и натянул одеяло по самые подмышки. Хорошо бы раздобыть одежду и облачиться самому. Чем меньше народу увидит печать, тем лучше.

Створки заскрипели и медленно отворились. Пожилой мужчина в ливрее слуги — больно уж он походил на ряженного в униформу швейцара в каком-нибудь дорогом отеле — катил перед собой пустое кресло.

— Владимир Андреевич, с возвращением, — добродушно улыбнулся мужчина. — Вижу, дар родовой работает — вон, уже и раны затягиваются...

— Простите, я не помню, как вас зовут. Головой ударился.

— Лука я, ваше сиятельство. Лука Афанасьевич, — старичок подкатил кресло ближе. — Их сиятельства Николай Валерианович и Андрей Николаевич требуют вас к себе.

— А это еще зачем? — я указал на кресло-каталку.

— Так вы ж раненый у нас...

— Бросьте, Лука Афанасьевич, — я встал, прикрываясь одеялом. — Сам пойду, своими ногами. Что мне сейчас по-настоящему нужно, так это одежда.

— Владимир Андреевич, так то ж приказ...

— Что мне, в первый раз приказы нарушать? — я улыбнулся старику. — Да и вас заставлять катить такую тяжесть я ни за что не буду. Еще же и по лестнице, небось, придется спускаться...

— Не придется. Вас ожидают в верхней гостиной.

— Тогда еще проще. Лука Афанасьевич, поройтесь, пожалуйста, в платяном шкафу и дайте что-нибудь, что не будет раздражать их сиятельств.

Заставлять старика, да еще такого божьего одуванчика, здоровенного лба тащить, пусть и на колесах? Князь там с дуба рухнул?

Не знаю, обиделся или, наоборот, обрадовался Лука Афанасьевич, но бодро подвинул кресло-каталку к стене и принялся копошиться в массивном шкафу.

— Я бы выбрал это, — он положил передо мной простые коричневые брюки и хлопковую рубашку. — Дед ваш излишеств не любит. Все же военный человек, аскет...

— Прекрасно. Спасибо, Лука Афанасьевич. Вас не затруднит подать белье и обувь?

Через пару минут передо мной выросла стопка одежды, и я отпустил слугу за дверь. Старичок пытался возмущаться — дескать, всегда помогал мне одеваться, а тут я еще и калечный. Но я был непреклонен. Пусть думают, что сильно башкой треснулся. На травму головы можно списать любую прихоть.

По-хорошему, кое-какие привычки или особенности поведения этого отморозка Оболенского надо бы сохранить. Но я не знал, как именно он общался со слугами, каким тоном разговаривал и какие обороты речи использовал. Перемена будет слишком заметной.

С другой стороны, если это будет перемена к лучшему, может и прокатит?

— Готов, — сказал я дождавшемуся у дверей Луке Афанасьевичу. — Проводите меня, пожалуйста, к их сиятельствам.

Дедок почему-то улыбнулся себе в усы, но ни слова не сказал. Мы шли по застеленному ковром коридору, лишь подтвердившему мою догадку о старинном доме. Точнее, зданию могло быть и меньше сотни лет, но убранство создавали явно под старину.

Стены на одну треть от высоты были убраны деревянными панелями, а выше их обили тканевыми обоями. Всю дорогу меня сопровождали картины в строгих деревянных рамах — пейзажи, сцены охоты, изысканные натюрморты и жанровые портреты. Освещение было электрическим, но бра стилизовали под старинные настенные подсвечники.

Наконец Лука Афанасьевич остановился перед широкими двустворчатыми дверями.

— Прошу, Владимир Андреевич, — слегка поклонился он. — С Богом.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я.

Казалось, во всем этом доме обо мне заботились лишь красавица-мать да этот старый слуга. Но Анастасия Павловна, раз уж была женой наследника князя, не была урожденной Оболенской. А Лука наверняка происходил из простого люда. Так что, выходило, что среди урожденных Оболенских у меня пока что друзей не было. Впрочем, неудивительно. Такого придурка-сына я бы сам хотел придушить.

Без стука я потянул дверную ручку на себя и вошел внутрь.

— Добрый день, ваши сиятельства.

Верхняя гостиная явно предназначалась для сбора членов семьи и самых близких друзей. Окна небольшой комнаты выходили на оживленную улицу, но от шума спасали высаженные перед домом деревья и кустарники. Сама гостиная показалась мне по-семейному уютной. Стены украшали портреты родственников, было много совместных фотографий.

В центре зала располагались два дивана, по краям поместили кресла. У дальней стены стояло фортепиано, а на стуле дремал пушистый сибирский кот. Когда я поздоровался с родней, усатый лениво приоткрыл один ярко-зеленый глаз, повел ухом, а затем демонстративно свернулся калачиком задницей ко мне.

Володю что, даже кошки местные не жаловали?

— Проходи, Владимир, — донесся властный голос из глубины комнаты.

Я прошел дальше и остановился, увидев князя. Это точно был дед, хотя со спины признать в нем старика было трудно. Высокий, широкоплечий, все еще подтянутый, с ровной спиной — он всматривался в один из групповых портретов на стене.

— Присаживайся, Владимир, — обернувшись, велел он.

Нет, все же годы взяли свое. Наверняка в молодости у князя не было отбоя от поклонниц. Даже сейчас язык не поворачивался назвать его стариком. Импозантным мужчиной — да. Но дед был в отличной форме. Да и густота его совершенно седых волос наверняка вызвала бы зависть у многих мужиков.

— Лука Афанасьевич сказал, что будет и отец...

— Мы с тобой потолкуем наедине, Владимир. Довольно я наслушался адвокатов в лице твоих родителей. Настало время поговорить по-мужски.

Я молча кивнул и сел на указанное дедом место.

— Настасья сказала, что ты лишился памяти, — сказал дед, опустившись в кресло. — Не прикидываешься?

Я пожал плечами.

— Разве бы это мне помогло, ваше сиятельство?

— Ты всегда умел надавить на жалость. Пользовался тем, что материнское сердце готово к всепрощению. От тебя я уже жду чего угодно.

— Нет, ваше сиятельство, это правда. Память ко мне не вернулась, и я чувствую себя по-дурацки.

— А уж как я себя чувствую твоими-то стараниями! — дед треснул богатырским кулаком по деревянному столику, но быстро взял себя в руки и погасил вспышку гнева. — Я вызвал тебя не для того, чтобы о чувствах толковать. Бабам это оставь, они в том больше смыслят. Я должен решить, как с тобой поступить. По Петербургу пошли толки, я всю дорогу

из Москвы до дома висел на телефоне — каялся, извинялся, отбивался от нападков и сулил блага за то, чтобы замять этот скандал. Но это уже не скандал — скандалище, Владимир. И вести о нем дошли до Романовых. Мне сама Великая княгиня Анастасия Николаевна звонила. Требовала наказания для тебя. Да, впрочем, и без ее звонка я все равно уже терпение потерял.

— Виновен, ваше сиятельство, — кивнул я. — Оправдываться не буду, вину признаю и готов к справедливой каре.

Дед подозрительно прищурился.

— Что-то ты легко признался. Обычно ж вьешься, как уж на сковороде!

— Да стыдно мне, — отозвался я. — Может и правда в голове что-то повредилось, ваше сиятельство. Но поведение свое считаю недостойным и готов исправиться.

Князь ухмыльнулся и вытащил из внутреннего кармана пиджака трубку. Но раскуривать не стал — просто вертел в руках, то и дело поглядывая на меня. Изучал. Прощупывал. Пытался понять, брешет ли несносный внучек. Наверняка думал, что я сменил тактику и рассчитывал своей покорностью смягчить наказание.

— Ну что, раз готов исправляться, так тому и быть, Владимир, — наконец сказал дед. — Только больше у меня к тебе доверия нет, как и к родителям твоим. В свои руки я твое воспитание не возьму — не до того сейчас будет. Зато знаю, где за тебя возьмутся со всем рвением. Там таких, как ты, превращают в образцовых слуг государства.

Из уст деда-солдафона эти слова звучали несколько угрожающе.

— Что же это за место такое, ваше сиятельство?

— Исправительная академия имени императрицы Марии Федоровны, — дед улыбнулся, но глаза оставались ледяными. — На Кареджском острове в Ладожском озере. Место занятное, им еще меня в детстве пугали. Порядки строгие, надзиратели и воспитатели — зубастые, контингент тебе под стать — сплошь избалованные и зарвавшиеся отпрыски знати, позабывшие о том, что есть дворянская честь. Места там дикие: даже если сбежишь и переплывешь пролив, приключения не закончатся.

— Похоже на тюрьму, — нахмурился я.

— А ты тюрьмы и заслуживаешь, — отрезал дед. — Отправишься туда завтра же. И не вернешься в Петербург, пока сам директор не даст тебе положительную характеристику.

Брат решил отвезти меня сам. Утром состоялось сдержанное, если не сказать сухое, прощание с домашними, а затем Леша загнал меня в машину и повез прочь из города. Автомобиль, надо сказать, был интересным. Пламенно-красный, явно импортный, но устаревшего дизайна. При этом состояние машины было почти идеальным, словно она выпрыгнула из старого фильма.

Я заметил, что здесь вообще в моде было все, что мы привыкли называть «ретро»: машины, вывески, даже наряды — особенно женские. Какие-то модели напоминали «шестидесятые», какие-то — «тридцатые», и особенно дико это смотрелось на фоне вполне современных мобильных и высотных зданий из стекла и бетона.

Короче, полная мешанина стилей и фасонов, но удивительным образом все это воспринималось органично.

Ехали молча. От «братишки» до сих пор несло злостью и обидой, а я не стал усугублять ситуацию. Ничего, Алексей Андреевич, скоро ты от меня избавишься. Может даже оба вздохнем с облегчением.

— Уже Кобона, скоро будем на месте, — сказал он и сбросил скорость. Дальше дорога напоминала скорее направление — невнятная грунтовка в колдобинах.

— Ага.

Мне Кобона была известна по истории Великой Отечественной войны — сюда от Осиновца по льду пролегла знаменитая Дорога жизни. Сколько судеб спасли эти машинки-«полуторки»...

Но здесь, как я понял из той детской книжки, Великой войны и Блокады не было. Точнее, война была, но затронула лишь запад империи. С одной стороны, хорошо — люди не пережили тех чудовищных событий. С другой...

Нас, в моем мире, учили ценить жизнь на примере этой войны. Бабушка, хотя и не застала Блокаду, все равно била меня в детстве по рукам и приговаривала: «В Ленинграде хлеб не выбрасывают». Заставляла съесть все корки.

Наверняка и этот Володя Оболенский слишком уж привык, что все доставалось ему легко. Не думаю, что человек, терпевший лишения, мог бы вести себя столь гнусно. Здесь же у нас был просто охреневший от вседозволенности и безнаказанности мажорчик. Но и это не могло длиться вечно.

— Погода дрянь, — тихо сказал Алексей. — Видимо, придется подождать, пока шторм уляжется.

Часы показывали полдень. Июньский шторм разошелся по полной программе: в лобовое стекло били крупные капли дождя, ветер с Ладоги клонил молодые деревья к земле.

Вскоре мы доползли по размокшей грунтовке до небольшой деревеньки, откуда уходил паром до Исправительной академии. Вообще расположение этого учреждения вызывало у меня не самые приятные ассоциации. Прямо Алькатрас какой-то.

Остров Кареджский оказался плевком на карте юга Ладожского озера. Располагался он ровнехонько на границе бухты Петрокрепость, названной так в честь крепости Шлиссельбург в устье Невы, и губы Черная сатама. Название, конечно, своеобразное, даже зловещее. Но в этих местах вообще было много непривычных для русского уха финских слов.

— А красиво, — сказал я, глядя на открывшуюся картину.

Место было живописным. От деревни отходила вполне приличная асфальтированная дорога, плавно переходившая в мост. А мост вел на настоящую косу — узкая полоска суши между двумя бухтами тоже была заасфальтирована. Ветрина дул адский, Ладога волновалась, но даже шторм по-своему был красив.

Доехав до конца косы, мы уперлись в пустую пристань. От большой земли остров отделял пролив шириной метров двести, не больше. Как-то неожиданно. Я-то думал, что Академия будет окружена километрами водных преград.

— Пролив-то совсем узкий, — заметил я. — Такой и переплыть можно, если очень постараться.

— Но лучше не стоит, — предупредил Алексей. — Это в бухтах мелко, а здесь, вокруг острова, сделали особую глубину. Только на северной стороне более-менее есть несколько банок, да и то потому, что продолжают расширять остров. Так что настоятельно не рекомендую пускаться в свободное плавание. Плюс ловушки.

— Какие ловушки?

— Заколдованные.

— Пугаешь? — улыбнулся я.

— Нисколько. Просто из Кареджской академии действительно не выбраться без разрешения администрации. Такое уж место — сделали все, чтобы предотвратить побег воспитанников. Говорят, даже силу применяли, чтобы поставить какие-то хитрые защиты. В общем, Володя, не рискуй.

Отсюда остров совсем не выглядел опасным. Я-то ожидал увидеть настоящую крепость на неприступных скалах, а тут... Симпатичное светлое трехэтажное здание с кучей построек помельче, какая-то часть территории была обнесена стеной, на дальнем конце острова полыхали огни маяка. Не так уж и страшно. Может, зря пугали?

— Насколько там все строго? — спросил я, кивнув в сторону острова.

Алексей пожал плечами.

— Точно не знаю, я же там не бывал, — ответил он. — Но говорят, почти как в тюрьме. Собственно, это и есть своего рода тюрьма — одновременно изолятор и исправительное учреждение для позорищ вроде тебя. Просто вас убирают подальше от лишних глаз и ушей, чтобы сберечь репутацию знатных семей. Вот только сроки пребывания там устанавливает сама администрация. Перевоспитался быстро — вышел раньше. Упорствуешь и упрямишься — будешь торчать там годами.

Я изумленно приподнял брови. Годами, значит... Что ж, выходит, раз там все так жестко, нужно быть паинькой. Потому что перспектива месяцами безвылазно торчать на этом маленьком островке меня не прельщала.

У Алексея зазвонил телефон, и он быстро ответил.

— Да. Добрый день... Верно, это мы... Да, готовы. Ждем.

Он сбросил звонок и обернулся ко мне.

— Нас увидели с острова. Сказали, сейчас вышлют паром. Готовься.

Я снова взглянул на затянутое тучами небо, на разбушевавшуюся стихию...

— А говоришь, я без царя в голове... Какой к черту паром в бурю? Я бы не рискнул даже двести метров плыть по таким волнам.

Но, к моему удивлению, погода начала улучшаться прямо на глазах. Стих ветер, успокоились волны, из-за стремительно рассеивающихся туч показались солнечные лучи...

Алексей усмехнулся, наблюдая за моей реакцией.

— Что, забыл, как природники работают? Хотя да, ты же у нас ничего не помнишь... В общем, полюбуйся — работа носителя природной силы. Управление погодой — редкий дар. Но ценный.

Я тихо присвистнул. Да уж, наверняка эти мастера нарасхват во время праздников...

Не успел я захлопнуть отвисшую от удивления челюсть, как от островного пирса отделился небольшой катер. Резво пробиравшись по уже совсем слабым волнам, он пришвартовался к берегу деревни.

Алексей уставился на меня.

— Тебе пора. Выходи. Только документы сперва проверь.

Я похлопал себя по нагрудному карману куртки.

— Все здесь. Багажник открой, сумку заберу.

«Братец» кисло усмехнулся, но нажал на рычаг под приборной панелью. Я выбрался из машины и вытащил небольшой саквояж из багажника.

— Что, провожать не пойдешь? — Связвил я. — А как же убедиться в том, что я точно сел на паром?

— Мне и отсюда все отлично видно, — ответил он. — Проваливай. И постарайся не остаться там на пять лет.

— И тебе пока.

Подхватив саквояж, я направился напрямик к пирсу. Хорошо хоть, что здесь положили асфальт, а то увяз бы по щиколотку в грязи. Солнце начало припекать, под кожаной курткой стало жарковато. Зато от Ладоги шел непередаваемый запах свежести. Даже свободы. Довольно иронично, учитывая обстоятельства.

Едва я ступил на пирс, как с катера выскочила длинноногая девица в странной темно-синей форме. Узкие брюки, заправленные в высокие ботинки по типу берцев, приталенная куртка с широким ремнем. На этом самом ремне болталась дубинка. Хорошо хоть, не наручники.

— Оболенский? — скорее формальности спросила барышня и поправила съехавший набок головной убор, напоминаящий фуражку.

— Он самый. Владимир Андреевич.

Я потянулся к карману, чтобы вручить ей документы, но девушка меня остановила.

— Запрыгивайте. Проверка документов и регистрация будет на острове.

Я забросил саквояж на палубу и, крикнув от легкой боли, перепрыгнул сам. Организм хотя и проявил чудеса регенерации всего за одну ночь, но до конца не восстановился. Больные мышцы и кости постоянно напоминали о себе, но хотя бы голова уже не так раскалывалась.

— Стартуй! — велела девушка управлявшему паромом мужчине.

Кто-то из местных помог нам отшвартоваться, и уже через минуту мы направлялись к острову.

Девушка не только не пыталась со мной заговорить, но даже лишний раз на меня не смотрела. А она была хорошенькая: из-под фуражки пробивались пышные пшеничного цвета волосы, заплетенные в длинную толстую косу, симпатичное личико со свежим румянцем портило уж излишне суровое выражение. Наверняка она преображалась, если позволяла себе улыбнуться.

Уже через несколько минут катер пристал к берегу острова. Девица первым делом

бросила на сушу мое барахло, а затем предложила мне помощь.

— Да я уж сам как-нибудь, — возмутился я. Еще чего не хватало.

Во второй раз вылезать было проще, и я изобразил чистый прыжок. Впрочем, у девушки все равно получилось лучше. Ну у нее практика...

— Прошу за мной, Оболенский, — велела она и, не оборачиваясь, направилась по мощеной дорожке в сторону главного здания.

Болтая саквояжем в воздухе, я шел, изучая местность. Ладога отличалась суровым нравом, поэтому острова разнообразием флоры и фауны не изобиловали. Здесь было полно валунов на узких полосках песчаного пляжа, кое-где росли сосны и какие-то низкие кустарники. Все остальное было рукотворным.

Перед нами вырос трехэтажный главный корпус. Белизна здания резко выделялась на фоне северной природы. Подойдя ближе, я понял, что территория была явно больше, чем казалось на первый взгляд. Главный корпус, судя по размерам, мог вместить целый университетский факультет.

Возле входа нас уже ждали другие сотрудники в точно такой же странной форме. Эти были молоды — не больше двадцати пяти лет. И над ними начальствовала солидная дама лет под пятьдесят — единственная из них она носила форменную юбку и туфли на невысоком каблуке. Да и фуражки на ней не было, зато обтянутый тканью объемный зад, высокая прическа, очки и надменный взгляд придавали ей вид почти что учительский.

Видимо, начальница остальных надзирателей.

— Добро пожаловать в Исправительную академию имени императрицы Марии Федоровны, — обратилась ко мне старшая. — Прошу следовать за мной, Владимир Андреевич.

— Добрый день, — отозвался я и поспешил за женщиной.

Девушка и остальные последовали за нами, но разошлись в разные стороны, когда мы вошли в холл здания. Да уж, строили это учреждение с размахом. Почти никаких украшательств, но все равно внушало. Хотя бы то, что внутри все в холле было таким же белым и удивительно чистым.

В холл спускалась широкая лестница из белого камня, и единственным украшением зала был вышитый на ткани герб Империи. Черный двуглавый орел на желтом полотне. Все остальное сияло белизной.

У меня начали закрадываться подозрения, уж не привлекали ли к поддержанию этой чистоты воспитанников...

— Первым делом нужно уладить формальности с документами, а также проверить ваши личные вещи, — вещала женщина, стуча каблуками по каменному полу. — Прошу за мной в секретариат.

Мы поднялись по лестнице и тут же свернули в какой-то закуток. Здесь пафоса было гораздо меньше — ряды выкрашенных белой краской дверей, за которыми доносились привычные офисные звуки: клацанье клавиатуры, трели телефонов, тихие разговоры и шелест бумаг. Ну хоть что-то привычное.

Женщина остановилась перед дверью.

— Евдокия Павловна, — представилась она. — Старший надзиратель.

Я замялся, не зная, как правильно ее поприветствовать. Не думаю, что будет рада лобызанию руки. Поэтому я просто кивнул.

— Рад знакомству, Евдокия Павловна. Владимир Андреевич Оболенский.

— Это мне известно, да и ваши фотографии в газетах встречались не раз. И все же необходимо подписать ряд бумаг. Ваш дедушка направил официальный запрос, и Секретариат администрации уже утвердил ваше поступление. Однако оригиналы документов все же нужно предоставить.

— Разумеется, — я улыбнулся, стараясь изображать покорную невинность. — Все, что скажете.

Пока на тюрьму нисколько не походило. Дама общалась вежливо, даже разъясняла порядок действий. Узником я себя не чувствовал. Но это пока...

Евдокия Павловна скользнула по мне насмешливым взглядом поверх опущенных на нос очков.

— Как удивительно быстро меняются иные люди, оказавшись в стенах этого учреждения. Не иначе как волшебство... А ведь вы еще даже свои новые апартаменты не видели.

Я пропустил ее сарказм мимо ушей и ответил добродушной улыбкой. Ясное дело, что здесь каждый надзиратель держал ухо востро и видел самые невероятные чудеса изворотливости воспитанников. Так что наглеть не будем, а станем придерживаться доброжелательного нейтралитета.

Чем быстрее они перестанут считать меня проблемным, тем проще станет жить. Отец после тюрьмы рассказывал всякие истории, так что я заранее настроился на худший сценарий. Но хотелось верить, что среди аристократов порядки будут погуманнее.

Старшая надзирательница постучала и, выждав пару секунд, открыла дверь.

— Документы оставьте на этом столе, — распорядилась она, и я вытащил из куртки удостоверение личности. — Девочки, оформляйте Оболенского.

Не дав мне толком осмотреться, Евдокия Павловна весьма эффективно вытолкала меня объемным задом обратно в коридор.

— Теперь досмотр, — сказала она и повела меня дальше. — У нас строгий запрет на целый список личных вещей. Все запрещенное будет конфисковано и возвращено вам, когда срок вашего перевоспитания закончится.

На этот раз мы оказались на узкой лестнице, что, по моим ощущениям, вела в подвал. Помещение делилось на две части: досмотровая комната и хранилище.

Хранилище было похоже на вокзальное: окошко для приема вещей, врезанное в крепкую решетку, а за ней — ряды камер. Только здесь не было номеров — каждый отсек подписывался фамилией «заключенного». В окошке дежурил весьма колоритный дядька с внешностью типичного трудовика. Увидев нас, он поднялся со стула.

— О, свежая кровь прибыла, — улыбнулся он, сверкнув золотым зубом.

Старшая надзирательница взмахом руки велела открыть досмотровую, и меня отвели туда. Я поставил на железный стол свой саквояж.

— Здесь все мои вещи. Остальное на мне.

— Вытащите все из карманов, — велела женщина.

Я пожал плечами и принялся вываливать немногочисленное содержимое: телефон, упаковка мятных леденцов, пузырек с обезболивающим...

Евдокия Павловна удивленно на меня уставилась.

— И все?

— Ну я примерно представлял, куда направлялся...

Видимо, я ее разочаровал, потому как надзирательница принялась с особой

тщательностью потрошить барахло в сумке. Но и там она бы не нашла ничего возмутительного: я прихватил пару книг, белье, сменную верхнюю одежду на случай, если все же выпустят на большую землю...

— Удивляете, Оболенский, — закончив обыск, хмыкнула надзирательница. — Вы что, даже не курите?

— Да мне вроде по возрасту не положено...

— Ездить на собственноручно угнанных автомобилях вам тоже не было положено, но вас это не остановило, — отрезала дама. — Последнее предупреждение, Оболенский. Либо сами сдаете запрещенное, и тогда все обойдется. Либо, если мы впоследствии находим неуставные вещи... Тогда карцер.

— Честное слово, ничего не пронес. Вот вам крест!

Евдокия Павловна недобро улыбнулась, оценивающе на меня посмотрела и достала из шкафа бумажный пакет.

— Тогда переодевайтесь. Всю верхнюю одежду придется сдать сейчас. В дальнейшем будете ходить в форме воспитанника Академии.

Она, сволочь такая, даже не отвернулась.

Ну да ладно, хочет смотреть на крепкую мужскую задницу — мне не жалко. Я снял одежду и остался в одних трусах. Открыл пакет и тяжело вздохнул.

Почти что роба, разве что материал был поприятнее.

Серый комбинезон, комплект белья и кроссовки на резинке. Изверги, не могли нормальные кеды положить? Или так боятся, что мы здесь на шнурках вешаться станем?

— Что, непривычно? — не удержалась надзирательница. — Ничего, быстро освоитесь в новом образе. Здесь красоваться не перед кем.

— Крестик-то хоть можно оставить? — спросил я.

— Предметы веры мы не отбираем.

Что ж, ну хоть что-то святое у них осталось. Я быстро натянул новую форму и аккуратно сложил старую одежду в пакет.

— Подпишите, — надзирательница достала из кармана ручку и протянула мне. — Ничего с вашими модными вещичками не случится, не волнуйтесь.

Да я не особо и волновался. К тому же модными назвать их не мог. Просто черные джинсы, черная же водолазка и куртка. Разве что ботинки были хорошие, вот их было жаль. Потому как в этих кроссовках на резинке нога болталась, и щиколотку ничего не фиксировало.

Ну да ладно.

Я отдал надзирательнице все, в чем и с чем пришел. В том, что отберут телефон, я не сомневался. Но отнимать обезболивающее было жестоко. Хотя и оправданно: раз они тут боролись с пороками, могли предположить, что вместо анальгетика я засуну в пузырек кое-что поинтереснее.

— А таблетки можно будет получить в медпункте? — с надеждой спросил я. Регенерация — дело хорошее, но слишком быстро сраставшиеся кости и мышцы тоже адски болели!

— Разумеется, Владимир Андреевич, — на ходу бросила надзирательница и направилась к окошку хранилища. — Вы имеете право на медицинское обслуживание и помощь штатных врачей.

Закончив в хранилище, мы продолжили безумную беготню по кабинетам и отделам. У

меня уже голова шла кругом от бланков, подписей, досмотров и допросов. Казалось, надзиратели специально усложняли процедуру приема в Академию, чтобы сбить новоприбывших с толку и деморализовать.

Но со мной не пройдет. Я в свое время набегался по инстанциям и приобрел иммунитет к бюрократическим процедурам. Меня просто так не сломаешь.

— Почти закончили. Остался последний этап, — сказала Евдокия Павловна.

Она жестом поторопила меня, и, свернув в один из коридоров, остановилась перед дверью с красным крестом. Медпункт?

Прежде чем она толкнула меня внутрь, я успел прочитать табличку — «Первичная обработка». Эээ... обработка? Не могли другое слово подобрать?

— Входите, Владимир Андреевич, — велела дама. — Время дорого, а вам еще Правила пребывания изучать.

— Прошу прощения, но что значит «обработка»?

— Сейчас увидите. Не волнуйтесь, ничего смертельного.

Ну да, это меня здорово утешило. Впрочем, черт с ним. Раз уж влез в это дело, отступить нельзя. Я решительно шагнул внутрь залитого ярким светом помещения.

В абсолютно белом кабинете было чисто как в операционной. На потолке чуть трещали, помигивая, люминесцентные лампы. Сидевшая за длинным столом барышня в белом медицинском халате и чепце поднялась нам навстречу.

— Новый воспитанник прибыл, — объявила сопровождавшая меня дама. — Пожалуйста, проведите детальный осмотр.

Я покосился на девушку в чепчике.

— Осмотр... Медицинский? И насколько детальный?

А то знаю я. Еще заставят нагибаться и будут щупать всякое...

— Конечно, медицинский, — невозмутимо ответила девушка. — Нужно оценить состояние вашего здоровья, исключить наличие вшей и иных неблагоприятных состояний.

— Да какие вши у аристократов? — возмутился я.

— Положено, — ледяным тоном отрезала барышня и жестом велела мне отправляться за белоснежную ширму. — Раздевайтесь.

Евдокия Павловна вышла — видимо, чтобы забрать из секретариата бумаги о моем распределении — пока мы бегали по кабинетам, сотрудники администрации должны были определить мне место в отряде.

А я замер в нерешительности и инстинктивно прижал руки к животу. Эта медсестра или кто она там — она точно заметит печать. Тут даже беглого осмотра достаточно — пятно Тьмы только слепой бы не увидел. Что там говорила «мама»? Печать — это клеймо и проблемы?

Только проблем мне сейчас не хватало, особенно из-за связи с Тьмой, которой все боялись как огня.

Что делать?

Медсестра, как назло, не сводила с меня глаз. Подбоченилась и выжидающе пялилась, вскинув тонко выщипанные брови.

— Юноша, вам помочь раздеться? — съязвила она. — Вообще-то комбинезоны легко снимаются. Или настолько привыкли к слугам, что сами раздеться не в состоянии?

Да, любили они здесь желчь сжевывать. Открыто сотрудники грубость не проявляли, зато в их яде и сарказме можно было утонуть. Тоже инструмент давления на психику? Это вы бывшего курьера решили напугать хамством. Удачи.

Думай, Хруст! Думай, думай, думай. Спрятать метку не получится. Значит, нужно придумать объяснение. Хотя какое-нибудь. Потому что если доложат о метке... Неизвестно, что меня ждет в этом случае, но мать явно считала Академию лучшим вариантом. А это уже весьма красноречиво.

И я заготовил самое дурацкое из всех, что могли прийти мне в голову. С другой стороны, от испорченного баблом Оболенского наверняка много не ожидали. Оказывается, иногда полезно казаться придурком.

Я разулся и вылез из комбинезона, оставшись только в футболке, трусах и носках. Вообще шмотка практичная, только девчонкам, наверное, не очень удобно...

— До трусов! — велела медсестра.

Эх.

Я снял оставшееся и уселся на кушетку. И первым делом, конечно же, дамочка уставилась на мой живот.

— Это еще что такое? Неужели...

— Татуировку набил пару месяцев назад, — широко улыбнулся я. — Похоже, правда?

Не знаю, имела ли эта дамочка дела с Тьмой — сейчас мне приходилось действовать наугад. Но я решил до последнего прикидываться непробиваемым идиотом.

— Девчонки любят опасных парней, — ухмыльнулся я. — Знай я, что будет столь ошеломительный эффект, сделал бы ее раньше.

Медсестра вытаращилась на метку.

— Вы в своем уме, Оболенский? — прошипела она. — Запрещено наносить любые символы Тьмы всем, кто не принадлежит Ордену!

— Боюсь, это не единственный мой проступок, — осклабился я. — Иначе я бы здесь не оказался.

— Да не в запрете дело! Вы хоть понимаете, чем это грозит? Не имеющий способностей к работе с Тьмой, но связавшийся с ней может быть просто поглощен ею. Да, такие случаи редки — но потому, что за этим следят. О чем вы думали, когда... — она покачала головой. — Ладно, Господь с вами. Но мой вам совет — сведите ее при первой же возможности, а лучше обратитесь за помощью к Темному Ордену, чтобы они проконтролировали процесс. Женское внимание не стоит проблем, которые вы можете обрести из-за этого символа.

Вот оно что. Похоже, это как чертить пентаграммы на полу, а потом удивляться, если к тебе в гости заглянул демон? В целом логично. Если человек наносит на себя символ принадлежности к какой-то силе, то не удивительно, если эта сила зайдет на огонек. Судя по

всему, так было и с Тьмой.

Неужели мое объяснение прокатило?

Медсестра — хотя, возможно, она была фельдшером или даже врачом — принялась меня осматривать. К счастью, в задницу не полезла — все ограничилось прослушиваниями, простукиваниями, проверкой зрения, кожных покровов и детальными расспросами. Но все равно я проторчал в кабинете довольно долго.

Правда, большую часть времени заняли записи, которые дама делала в моей карте.

— Благодарите родовой дар за то, что так быстро приходите в форму. Еще пара дней — и будете совсем как новенький, — проговорила она, не отрываясь от писанины.

Кстати, почерк у нее был такой же, как и у большинства врачей в моем привычном мире: проще расшифровать шумерскую клинопись, чем понять, что она там строчила.

— Прямо сейчас есть жалобы? — она оторвалась от карты.

Я пожал плечами.

— Обезболивающего бы...

— На руки не выдаем, прием только под присмотром. Сейчас я могу дать вам таблетку, но не более трех в сутки и только в медпункте.

— Боитесь, что торговать ими начну? — улыбнулся я.

Медичка тяжело вздохнула.

— Если бы только это... У нас как-то один умник чуть не схлопотал инфаркт в двадцать лет. Набрал кофеиносодержащих лекарств и запил кофеиновым же напитком. А сердце слабое... Хорошо, что лекари всегда дежурят — воспользовались силой и быстро вытащили.

Женщина отложила ручку и уставилась на меня. Не сказать, что она была писаной красавицей, но какой-то неуловимый шарм в ней имелся. Вроде и черты лица по отдельности неправильные, и глаза чуть навывкате, и нос тонковат, и подбородок маленький — а, надо же, вместе все складывалось во вполне приятный образ.

— Вы что думаете, Оболенский, здесь такие строгие правила лишь потому, что мы нашим воспитанникам зла желаем? Думаете, сюда в надзиратели отбирают самых жестоких, чтобы они на вас отводили душу? Нет же. Правила стали жесткими потому, что мы вас спасти пытаемся. От самих себя. Здесь у меня через одного такие, как вы — те, кого родители берегли, кому потакали, не замечали или сознательно игнорировали ваши выходки... А как клюнул жареный петух в одно место, так спохватились! Обычно же у нас как в родовитых семьях — отец крутится в политике или делах, мать ведет светскую жизнь. А дети в лучшем случае, остаются на бабушках да гувернантках. Да и гимназии превратились черт знает во что... Таких выпускников доводилось видеть, что невольно задумываешься, чему их там учат. А потом — бах — и сыночек родной разбился на угнанной машине, да так, что едва с того света вытащили. Или девица нанюхалась какой-то дряни в дорогом клубе — и лекари едва успели сердце запустить...

Я молча слушал — даже затаил дыхание, позволяя медичке выговориться. Насколько же, видать, ее все это достало.

— Запомните, Оболенский: правила пишутся кровью и слезами, — тихо сказала женщина и снова взялась за писанину. — Вам назначаю обезболивающее на два дня. Утром и вечером. При необходимости можете обратиться в обед — вашего надзирателя я предупрежу.

— Спасибо... Боюсь, вы не представились.

— Елена Зиновьевна, — наконец-то представилась она.

— Спасибо, Елена Зиновьевна.

Медичка вытащила из ящика небольшой пузырек, вытряхнула оттуда крупную таблетку и положила на блюдце.

— Вода на тумбочке.

Я с трудом проглотил обезбол, таблетка едва не застряла в глотке. Ну, жизнь понемногу налаживалась. По крайней мере, эта Елена Зиновьевна показалась мне просто уставшей от бесконечной работы с глупыми людьми женщиной. Но ни злости, ни презрения к себе я в ней не почувствовал. Просто каждый защищается от негатива по-своему.

— Карта останется у меня до вашего выпуска, — сказала медичка. — О необходимости посетить медпункт сообщайте своему надзирателю. Имейте в виду, что у него будет доступ к вашим медицинским данным. А я обязана фиксировать все.

Не знаю, на что именно она намекала, но на ус намотал.

— Понял. Еще раз благодарю, Елена Зиновьевна.

— Тогда вы свободны, Оболенский.

В коридоре меня уже дождалась старшая надзирательница. Судя по всему, мое здоровье никаких опасений не вызывало, потому как медичка ничего ей не сказала. О печати, к слову, тоже не сочла нужным упомянуть.

— Что ж, Владимир Андреевич, — улыбнулась она. — Теперь можно поздравить вас с окончательным зачислением в ряды воспитанников Академии. Сейчас мы пойдем в жилой корпус, я познакомлю вас с вашим надзирателем и покажу место, где вы будете жить.

Наконец-то меня провели по более-менее парадным частям здания. Жилой корпус занимал западное крыло главного здания. От лестницы налево по широкому коридору до конца, затем через стеклянную галерею в сам корпус.

А вот здесь уже во всем чувствовался суровый быт. Двери становились тяжелее, замки — крепче. Стены коридоров здесь просто отштукатурили, а пол был выложен чуть шероховатым кафелем, чтобы ноги не скользили. Пустовато, но идеально чисто.

Пока мы шли, Евдокия Павловна зычным голосом рассказывала о жизни «узников».

— Воспитанники разделены на четыре группы, — вещала она. — Первая группа — исправившиеся. Это кандидаты на скорейший выпуск из Академии. Как правило, воспитанники проходят небольшой испытательный срок, в течение которого мы окончательно определяем, готовы ли они выйти отсюда.

— А вторая?

— Вторая — те, кто встал на путь исправления и делает заметные успехи. Им еще далеко до полного перевоспитания, однако их поведение нас обнадеживает.

Я набрался наглости и задал волновавший меня вопрос:

— В какую же группу определили меня?

— В третью. Все новоприбывшие по умолчанию попадают в третью категорию. Но многие надолго в ней остаются. Третья группа — это новички и воспитанники, прогресс которых незначителен. Это, увы, самая обширная категория.

— Но, выходит, есть еще группа и похуже?

— Неверная формулировка, Оболенский, — криво улыбнулась старшая надзирательница. — Хуже — не самое верное слово. Четвертая группа — это безнадежные. Те, в ком мы вовсе не видим потенциала для исправления. Обычно бьемся до последнего за каждого из воспитанников...

— И все же находятся те, о кого вы ломаете зубы? — улыбнулся я.

— Скверный повод для шуток, Владимир Андреевич, — отрезала женщина. — Чаще всего в четвертую группу попадают либо убежденные... маргиналы, либо попросту нездоровые люди. К сожалению, отклонения встречаются и у аристократии. И порой эти отклонения не так уж и невинны. Если у нас возникают подозрения, что воспитанник имеет проблемы ментального характера, мы стараемся подобрать для него специализированный пансион. Утешает лишь то, что четвертая категория — самая малочисленная.

Короче говоря, четвертая группа — это наверняка постоянные «клиенты» карцера, психи и другие напрочь поехавшие личности. Очаровательная компания. Как же мне повезло оказаться в третьей.

— Должна заметить, Оболенский, что вертикаль перемещения по группам работает как вверх, так и вниз, — предупредила старшая надзирательница. — Количества и тяжести ваших проступков достаточно для того, чтобы вас определили в четвертую группу. Ваш собственный дед считает вас... В общем, он не особенно верит в то, что вы исправитесь. Однако мы руководствуемся правилами и милосердием. Вам дали шанс, как всякому новоприбывшему. Вас авансом перевели в группу с более мягким режимом. Но первая ваша провинность, первый карцер — и это решение будет пересмотрено. И, боюсь, общество воспитанников четвертой группы вам совершенно не понравится. Мы друг друга поняли, Владимир Андреевич?

Я сглотнул застрявший в горле ком и кивнул.

— Более чем, Евдокия Павловна.

— Прекрасно.

— Разрешите еще один вопрос?

— Задавайте.

— Четвертая группа... Раз они безнадежны, зачем вы продолжаете держать их здесь? Допустим, психов... То есть душевнобольных и людей с прочими отклонениями вы определяете в особые пансионы. А остальные? Не можете же вы удерживать их здесь вечно...

Старшая надзирательница впервые взглянула на меня без презрения. Казалось, в ее глазах даже промелькнуло любопытство.

— Почему вас это так волнует, Оболенский?

— Просто хочу понять, что происходит с такими людьми в будущем. Как складываются их судьбы, как они живут дальше.

Наверняка она подумала, что я интересовался для себя — с учетом того, что меня заочно в безнадежные и записали. А я просто прощупывал почву и пытался понять, как здесь все устроено.

— Судьбами несовершеннолетних воспитанников распоряжаются их родственники, — ответила Евдокия Павлова. — Кого-то высылают с глаз долой в глубинку с запретом появляться в Петербурге и Москве. Иных по достижении минимального для службы возраста определяют в армию — не всегда, но порой помогает. Впрочем, случались и казусы. Доходило и до тюрьмы. Хуже всего было на моей памяти, когда воспитанник за время пребывания в Академии стал совершеннолетним сиротой. Мы не имели права его удерживать. Погиб в дуэли через месяц. Род угас. Он был единственным наследником.

Короче, перспективы сомнительные. Ну это и так было понятно. Чего ждать от личности, которую признали безнадежной те, кто специализируются на переламывании людей?

— Исчерпывающий ответ, Оболенский?

— Благодарю, — кивнул я.

Мы как раз подошли к странному коридору. Слева располагался ряд окон, справа — двери, штук десять, не меньше. И каждая была распахнута. Проветривание устроили, что ли?

Евдокия Павловна повела меня почти в самый конец и остановилась у двери с табличкой 3–2.

— Это ваше жилье, — сказала старшая надзирательница. — Третья группа, второй отряд.

Но заходить внутрь она не торопилась. Вместо этого она достала из нагрудного кармана изящный металлический свисток и дунула в него.

Я вздрогнул от резкого звука, но украдкой заглянул в комнату.

Да уж, кажется, придется забыть о приватности. Комната была небольшая, на четыре койки. Точнее, это были две двухэтажные кровати. Возле зарешеченного окна стояли несколько тумб для личных вещей, чуть дальше — стол и пара стульев. Единственное, что порадовало — наличие туалета и душевой в небольшом отсеке прямо в самой «камере».

А кровати, к слову, были заправлены с особой тщательностью. Видимо, за это здесь тоже дрючили.

Я как раз высунулся обратно, когда в коридоре послышались тяжелые шаги. К нам вышла та самая девица, что встречала меня на пароме. Несмеяна с длинной косой и дубинкой на поясе. Интересно, что нужно сделать, чтобы получить этой штуковиной по хребту?

— Полагаю, вы уже знакомы с Софьей Петровной, — представила свою подчиненную старшая надзирательница.

Девушка скользнула по мне полным презрения взглядом и, казалось, даже чуть сморщила носик от отвращения. Да что я ей такого сделал, что кривится, словно у нее над верхней губой кучу навалили? Ну да, сволочью оказался, но вроде же лично не гадил.

Или и тут умудрился отличиться? Надо бы выяснить.

Софья Петровна выглядела лет на двадцать пять, может даже помладше. И хотя длиной ног природа ее не обделила, ростом она была мне ну чуть выше плеча. Трудно воспринимать всерьез девицу, которая весит вдвое меньше тебя и наверняка физически слабее. Все же за мной была еще и сила Оболенских, а это давало еще больше преимуществ.

Тем не менее я решил не настраивать девушку сразу против себя.

— Рад знакомству, Софья Петровна, — я даже слегка поклонился.

Она приподняла одну бровь и фыркнула.

— Ну что, моя миссия закончена. Вверяю вас в руки моей коллеги, — улыбнулась старшая надзирательница. — Пожалуйста, введите Владимира Андреевича в курс дела. К ужину он должен быть готов.

— Разумеется, госпожа, — кивнула девушка.

Едва ее начальница скрылась за поворотом, Софья резко толкнула меня в комнату и захлопнула дверь.

— Видит бог, я знала, что это однажды случится, Володя, — яростно прошипела она. — Знала, что ты здесь окажешься. И ждала этого.

Я настолько растерялся, что даже не попытался ее оттолкнуть. Может и к лучшему — еще посчитает это нападением на должностное лицо или как это здесь у них правильно называется — и засунет в карцер. А один карцер — четвертая группа.

Так что никаких резких движений, Хруст. Надо сперва выяснить, чего это она так взбеленилась.

— Я тебя не помню, — громким шепотом ответил я, стараясь как можно аккуратнее освободиться из захвата. К слову, барышню я недооценил — сильна. Но все равно уступала мне. Так что с ней лучше помягче.

— Еще бы...

— Я память потерял после аварии! — рявкнул я. — Имя свое не помнил и до сих пор хожу как космонавт! Отпусти и выскажи все нормально.

Ярость в ее глазах сменилась недоверием. Ну, валькирия, у меня спина болит, а ты меня толкнула прямиком на какую-то железную балку. Неудобно.

— Не веришь — карту мою посмотри в медпункте, — продолжал говорить я.

Она наконец-то ослабила хватку, и я осторожно отцепил ее руку от своего воротника.

— Ну, Софья...

— Софья Петровна, — прошипела надзирательница. — Обращение к сотрудникам администрации только по имени и отчеству.

— Понял. Так что же вы на меня так взъелись?

В ее глазах снова запылала ярость.

— Может и хорошо, что ты ничего не помнишь. Но это ничего не меняет. Я ждала этого несколько лет. И ты даже не представляешь, что тебя ждет...

Я отстранился, одернул воротник комбинезона и уставился на надзирательницу.

— Давайте сперва проясним вот что. Что бы я ни сделал вам, потеря памяти с меня ответственности не снимает. Я понимаю это и готов принести извинения.

— Извинения? — воскликнула Софья. — После такого, Оболенский, не извиняются.

— Тогда, быть может, расскажете, что я натворил? Для меня это важно.

Она снова наградила меня недоверчивым взглядом. Было заметно, что девушка ожидала от меня другой реакции. Ее рука то и дело скользила к поясу, поближе к дубинке — видимо, ждала повода пустить оружие в ход.

А тут я такой, смиренный аки агнец на заклание, участливым тоном интересуюсь, в чем же дело, и излучаю готовность сотрудничать.

Кажется, у девицы даже немного закипели мозги от такого злостного несоответствия. Но был и плюс: сбитая с толку и растерянная, она больше не пыталась раздавить меня о железную кровать.

Я бросил взгляд на стол и увидел почти полный графин с водой.

— Может, присядете? — предложил я. — В ногах правды нет.

Она снова странно на меня посмотрела, словно не особо верила своим глазам. Но согласилась.

— Конечно. Благодарю.

Я отодвинул перед ней стул — хвала урокам этикета в школе, плеснул воды в чистый стакан и поставил перед надзирательницей.

— Увы, больше никакого гостеприимства проявить не могу. Я и сам здесь еще гость...

— Садитесь, Оболенский, — София постучала ладонью по столу. — Если вы действительно ничего не помните о своей старой жизни, то этот рассказ вас неприятно удивит.

— Я готов.

— Мы с вами встретились два года назад. На Рославльском шоссе под Смоленском. Там, в Кошино, у вашей семьи родовая усадьба. А мой род имел земли близ Стригино, юго-восточнее ваших владений. Вы проводили лето в родовом гнезде, я приехала погостить к родне. Мы не должны были пересечься. Разница в статусе и достатке между нашими семьями слишком велика. Единственное, что у нас общего — обладание родовой силой. Но и в этом моя семья не чета Оболенским.

— И все же мы встретились, — возразил я. — Как это произошло?

— Я ехала в Смоленск на несколько дней — нанести несколько визитов, передать подарки и приветы от родных друзьям. Вы решили прокатиться на автомобиле. Насколько мне известно, вам разрешали ездить при условии, что не будете выезжать на оживленные магистрали. Но вы выехали.

Я нервно проглотил слюну, уже предчувствуя неладное.

— И... что было дальше?

София отвела взгляд. Я заметил, как она стиснула кулаки под столом.

— Вы нарушили запрет, оказались на Рославльском шоссе и поехали на юг, — тихим бесцветным голосом, словно была в трансе, проговорила она. — Я двигалась в

противоположном направлении, на север. Вы не справились с управлением ровно в тот момент, когда по встречной полосе проезжала я. К счастью, больше никого в моей машине не было.

Она молча расстегнула ремень и куртку и приподняла рубашку. Я охнул, увидев чудовищный шрам на животе. Бледная полоса рубца тянулась от пупка вверх, к ребрам. Страшный шрам. Даже не прикинуть сразу, как именно она получила такую рану. Хотя в аварии возможно что угодно, особенно если не пристегнешься.

— Значит... Это я с вами сделал, — мрачно заключил я.

— Да. И не понесли должного наказания. Случись это в Петербурге или Москве, наверняка можно было бы раздуть шумиху и заставить вас ответить. Но у вашего рода все схвачено в Смоленске и губернии.

— Так мы что, совсем вас бросили? — удивился я. Я, конечно, только познакомился со своей новой семьей, но даже этого хватило, чтобы понять: род у меня довольно порядочный, если не считать попытки семьи меня отмазывать.

Дед — в хорошем смысле солдафон, которому старались не доносить о моих выходках. Благо он был вечно в делах и не особенно мной интересовался. С отцом толком пообщаться не удалось, но и за ним вроде бы не водилось особых пороков. Мать — как и любая мать, пыталась защитить любимое дитя, пусть даже это в итоге пошло мне во вред. Ну и старший брат казался адекватным.

Иными словами, моя тушка была пока что единственной паршивой овцой, если не считать Темную мать Друзиллу. Но к Ордену, как я понял, было особое отношение.

Так что меня бы здорово удивила новость о том, что моя родня никак не помогла бедной девушке.

— Не совсем, — ответила София. — Пока я лежала в больнице, ваша семья привлекла лучших врачей Смоленска для моего исцеления. У них получилось, вытащили. Я долго была без сознания, и за меня все решили родители. Они посчитали, что значительная сумма и дарственная на кое-какие земли от вашей семьи в обмен на молчание моей будет справедливым обменом. К тому моменту, как я пришла в себя, все уже было улажено. Я только успела попросить сохранить мне шрам. Они не успели удалить его, и я потребовала его оставить. Как напоминание.

Я слушал Софию в каком-то ступоре. Чем больше я узнавал о своем предшественнике в этом теле, тем сильнее мне самому хотелось придушить его голыми руками. А лучше — забить ногами до смерти. По каждому удару за каждый проступок. Умирал бы долго и в муках.

И сейчас я чувствовал себя совершенно по-дурацки. Вроде и стоит признать вину, стоит понести должное наказание... Но я-то ничего этого не делал! Да уж, у Тьмы и правда черное чувство юмора. Подарить мне шанс еще раз прожить жизнь, но организовать все так, что жизнь эта сахаром не покажется.

— София... Петровна... У меня нет слов, — искренне признался я. — Честно говоря мне не верится, что я был способен на подобное.

— Меня злит не то, что вы тогда едва меня не убили, Оболенский, — резко перебила меня надзирательница. — Я в бешенстве от того, что вы после всего этого не сделали никаких выводов! Наоборот, с каждым годом ваши бесчинства лишь набирали оборот, а управы на вас так и не находилось. Но я верила, что это не будет длиться для вас вечно. И вот вы здесь. Помните вы или нет, другой ли вы теперь человек, но это не отменяет вашей

ответственности за дела прошлого.

— Согласен. Так что же мне делать? Я не могу ничего исправить, но как мне загладить вину?

София поднялась со стула. Дубинка глухо стукнулась о дерево.

— Станьте другим человеком. Изменитесь до неузнаваемости. Докажите, что изменились. Доказывайте снова и снова, пока я и остальные в это не поверим, — она сжала спинку стула так сильно, что ее пальцы побелели. — И не думайте, что это дастся вам легко. На вашей совести много грязи, и чтобы очистить ее, вы должны сделать вдвое больше хорошего, чем делали скверного.

— Что ж, справедливо, — ответил я. — Возражений не имею. Более того, вы вправе вымещать на мне обиду и злость.

— Я надзирательница, а не садистка, — оскорбилась София. — Я действую в рамках правил. Но не думайте, что остальные будут ими руководствоваться. Признаюсь, я не случайно определила вас именно в отряд 3–2.

У меня засосало под ложечкой от дурного предчувствия.

— Что вы имеете в виду?

Но София уже сменила тему.

— Во ваше спальное место, — она указала на верхний ярус левой кровати. Как раз близко к окну и сквозняку. Уверен, если бы какая-нибудь из кроватей стояла возле туалета, меня бы непременно попытались определить на нее.

— Понял.

— Внимательно изучите, как заправляют спальные места. Это будут проверять. За нарушения последуют штрафные санкции, — она достала из-под подушки тонкую брошюру и бросила мне. Я поймал ее на лету. — Изучайте, до ужина есть два часа. Учить наизусть не требую, но в ваших интересах знать правила.

Я взглянул на обложку — и точно, «Правила Исправительной Академии им. Императрицы Марии Федоровны». Что ж, изучим внимательно. В карцер мне нельзя.

— Скоро с работ вернутся ваши соседи, — предупредила София. — У вас будет время для знакомства и подготовки к ужину. Построение — перед дверями ваших комнат.

— Благодарю, София Петровна.

Она молча кивнула и вышла за дверь, оставив ее открытой настежь. Видимо, так здесь было принято. Ладно, все равно я не собирался заниматься ничем постыдным.

Я остался за столом и принялся изучать свод правил. Чтение было бы скучным, если бы от него не зависела моя дальнейшая судьба. Так что приходилось впитывать написанные сухим языком правила.

Вообще и правда походило на тюремный распорядок. Не то чтобы я был знатоком, но после прочтения я убедился, что братец Алексей был прав. Это тюрьма. Просто режим облегченный, а так все атрибуты были в наличии: остров, закрытая территория, множество ограничений, трудотерапия и отсутствие развлечений, кроме спортивных и загадочных культурных мероприятий.

Ну ладно, посмотрим. Моя цель — как можно скорее переместиться в первую группу и выбраться отсюда. Тактика простая: избегать проблем с другими «узниками» и быть молодцом в глазах администрации. Сказать просто, а вот сделать...

И меня не переставала тревожить странная фраза Софии о том, что я не случайно попал именно в этот отряд. Насколько я понял, в рамках каждой группы могло быть несколько

отрядов. Как минимум существовал еще 3–1, наверняка были и другие. Так почему же я попал именно сюда?

Впрочем, не успел я додумать эту мысль, как коридор наполнился топотом и приглушенными голосами. Я спрятал брошюрку под подушку и приготовился встречать соседей.

— Первым на порог залетел смуглый крепкий парень с явно южными корнями. Он хотел было как ни в чем не бывало зайти в комнату, но, увидев меня, застыл.

— Добрый день, — поприветствовал я. — Я ваш новый сосед. И, видимо, соотрядник.

Парень не отвечал. Молчание затянулось. Повисла долгая почти МХАТовская пауза. И лишь появление еще двоих молодых людей разбавило напряженную тишину.

Теперь на пороге застыли все трое. Кроме южанина на меня ошарашенно пялился парень удивительной для этого места ботанической наружности и нахальный тип с бегающими глазками.

— Глаза меня не обманывают, господа, — покосился на остальных последний. — Это сынок Оболенский?

Ботаник кивнул, не сводя с меня полного ужаса взгляда.

— Или же у нас коллективная галлюцинация...

— Нет, вам не померещилось, — ответил я. — Это и правда я. Владимир Оболенский Прибыл сегодня.

Парни переглянулись. Все они были примерно одного со мной возраста — лет семнадцать-восемнадцать. Только южанин выглядел постарше, да и то потому, что они обычно раньше созревали. Видимо, комнату подобрали по возрасту. Или не только?

Что же задумала София Петровна?

Южанин обернулся к ботанику.

— Веник, закрой дверь. Сейчас будем знакомиться. Точнее, освежать в памяти дела былых времен...

Я метнул взгляд на дверь — ботаник и шнырь вошли, первый захлопнул дверь, а второй остался возле нее на страже. Замков и щеколд здесь не было — видимо, решил подстраховаться.

А на моей памяти так себя вели только в одном случае — когда разговор рисковал перетечь в обмен тумаками.

Горец попер на меня.

— Я, кажется, обещал тебе, что если еще раз попадешься мне на глаза, убью, — прошипел он, медленно надвигаясь. Мало того, что спровоцировал меня на дуэль, так еще и подстроил все так, что забрали одного меня... Ничего, Владимир, бог все видит. И, судя по тому, что ты все же оказался здесь, он справедлив.

Руки сами собой сжались в кулаки. От южанина исходила угроза — настоящая, это была не бравала. Темно-карие, почти черные глаза парня горели животной яростью.

— Ты тогда не меня опозорил, а себя, Оболенский, — сказал он, когда между нами осталось не больше полутора метров. — Но тебе же плевать на репутацию. Лишь бы шкуру свою спасти.

Он бросился на меня так быстро, что я едва успел отскочить. Молниеносный удар — я каким-то чудом его заблокировал. Тут же последовал второй — этот я пропустил, и бок словно ошпарило.

Быстрый сукин сын! Почти как Алексей. Неужели тоже из рода воинов?

Гадать времени не было. Сам не понимая, как — казалось, тело само знало, что делать — я увернулся от следующего тумака. Кулак пролетел в каких-то миллиметрах от моей щеки. Пока что я просто защищался и не пытался атаковать — не казалось мне это хорошей идеей. В идеале бы скрутить его и нормально пообщаться. Это в случае если парочка у дверей не решит вписаться за своего товарища. Не знаю, смог бы я справиться с тремя противниками сразу...

— А ну дерись! — взревел южанин. — В этот раз от боя не уйдешь. Это дело чести!

Я снова отскочил, перехватил его руку и отправил парня лбом в стену. Раздался неприятный звук, и на его темных курчавых волосах остались следы побелки. Он зарычал как зверь и тут же снова на меня бросился.

Мне это начинало надоедать. Особенно бесило то, что драться было нельзя. Наверняка сейчас на шум слетятся надзиратели.

— Давай поговорим сперва! — крикнул я.

Южанин тряхнул наполовину белой головой.

— Поздно уже разговаривать... Раньше нужно было думать, что говоришь.

Судя по всему, Володя нарвался на классического горячего парня. Видимо, язык у Оболенского был без костей — вот и ляпнул что-то грубое или оскорбительное. А у этих ребят разговор был короткий... Но Оболенский, очевидно, в последний момент испугался и слился с дуэли. Такое порицалось.

Насколько я понял, дуэли в принципе были запрещены. Но раз уж решил вписаться в такую рискованную движуху, неси ответственность до конца. А Володя Оболенский, вероятно, оценил шансы и решил по каким-то причинам не связываться. Еще наверняка и доложил о месте дуэли, чтобы этот парень получил побольше проблем.

Опять захотелось набить морду своему предшественнику. Потому что теперь рисковала пострадать уже моя физиономия. Нет, серьезно, если бы однажды встретил этого Володю, сам бы закопал...

— Бүх!

Все-таки он попал. Крепкий тумак влетел мне прямо в грудину, и из меня с шумом вышел весь воздух. Я согнулся почти пополам и едва не упал, но удержал равновесие.

Ну все. Пора заканчивать.

Я покосился на парней у дверей. Ботаник наблюдал за происходящим с суеверным ужасом, уж губы дрожали. А вот шнырю этот перформанс явно доставал истинное наслаждение. Ну и, ясное дело, болел он не за меня.

Южанин даже дал мне секунду на передышку.

— Давай, дерись нормально, — тихо сказал он. — Мы еще не закончили.

Я выпрямился, мысленно моля родовую силу ускорить регенерацию. Тело слушалось плохо, словно я надел скафандр не по размеру. Ощущения совсем другие, да и не было еще нормальной практики в драке. Нужно привыкать...

Но времени на раскачку не было.

Едва он замахнулся, я угадал его намерение и поднырнул под открывшийся бок. Молниеносный короткий удар по солнечному сплетению. Даже не кулаком — темя пальцами. И снова я не успел удивиться — вроде такого приема я не изучал...

Южанин резко побледнел, да так сильно, что его кожа начала казаться восковой. Он вытаращил глаза, и в них застыла смесь непонимания, удивления, злости... Я тут же отпрянул. Он шагнул на меня, но покачнулся.

— Все, хватит, — шепнул я, подхватив его. — Хочешь драки — потом подеремся. Но потом, чтобы не рисковать другими.

Он зарычал мне в ухо, попытался отпихнуть, но я крепко в него вцепился.

— Не нужно. Пожалуйста, — я обернулся к остальным. Они явно не собирались вступать в драку. — Где его кровать?

Ботаник молча указал на правую нижнюю койку. Южанин снова принялся отпихиваться — мне легонько прилетело по голове, но я уже не замечал таких смешных оплеух, спасибо родовой стойкости.

И в этот момент дверь распахнулась.

Ботаник взвизгнул и шарахнулся в сторону, шнырь отпрыгнул, как напуганная кошка — разе что уши не прижал.

На пороге возникла София Петровна — с дубинкой в руках и горящими огнем глазами. И это была ни хрена не метафора — они, черт возьми, на самом деле полыхали янтарным огнем.

За спиной девушки выросли две мощные фигуры надзирателей.

— Что за возня здесь происходит? — рявкнула она ни разу не нежным голоском. — Оболенский! Кантемиров! Разойтись и объясниться!

Ботаник и шнырь разбрелись по разным углам и встали чуть ли не по стойке «смирно». Я в нерешительности застыл, не зная, что именно делать. Но на всякий случай отошел от южанина к своей кровати.

Значит, его фамилия — Кантемиров. Мне это ни о чем не говорило. Хотя... Был у нас курьер с такой же фамилией, осетин. Шербан Кантемиров. Хороший парень, только гонял сильно.

— Так что здесь творится, господа? — снова спросила надзирательница. Пламя в ее глазах погасло, но от этого спокойнее не стало. — Драка? В первый же день?

— Софья Петровна, разрешите обратиться, — Кантемиров поднялся и выпрямился. Все еще бледный, на лбу проступила испарина. Видимо, я немного переборщил, когда ткнул его в «солнышко». Но надо же было как-то успокоить этого темпераментного товарища...

Надзирательница кивнула.

— Разрешаю. Объяснитесь.

— Не было никакой драки, Софья Петровна, — сказал южанин. — Грохот я поднял. Не нарочно — упал. Голова резко закружилась, ухватился за кровать, но потерял равновесие. Товарищи не успели поймать. А потом Оболенский поднял меня и хотел дотащить до кровати.

Надзирательница чуть приподняла бровь.

— Голова, значит, закружилась?

— Да, госпожа. Мы же сегодня после обеда на работах были, песок раскидывали. Солнце сильно светило. Видимо, мне голову напекло.

— Ну-ка подойдите.

Кантемиров послушно направился к ней. Не шатался, но походка у него была нетвердой.

Девушка приложила ладонь к его лбу.

— Температуры нет.

— И слава богу.

Она покосилась на остальных.

— Есть что добавить, господа воспитанники?

Шнырь тут же замотал лохматой головой.

— Нет-нет, Софья Петровна. Кантемиров, должно быть, и правда слегка перегрелся. Он еще по дороге в корпус на тошноту жаловался...

Ботаник ничего не добавил, просто кивнул.

— Оболенский?

Софья внимательно посмотрела на меня. Мысли я читать не умел, но в ее глазах был даже не вопрос — предложение рассказать, как все было на самом деле. Очевидно же, что она им не поверила. Но за руку поймать не успела и теперь предоставила мне возможность сдать нападавшего.

Да только если я сейчас его сдам, стратегически проиграю. Прослышу ябедой или стукачом, а это точно не добавит мне здесь друзей. Репутация Оболенского и так не способствовала обретению товарищей, а после жалобы можно и вовсе на это не надеяться.

Кроме того, наши с Кантемировым конфликты касались только нас. Нечего приплетать

к ним остальных, да еще и надзирателей. Уже не сосунки, сами как-нибудь разберемся.

— Кантемиров все сказал верно, — ответил я. — Ему резко стало плохо. Упал, ухватился за ножку кровати, сполз... Тяжелый он, вот грохот и поднял.

— Вы уверены?

— Конечно, — улыбнулся я. — Видимо, ему стоило надеть панамку. Кстати, нам по форме положены головные уборы?

Софья закатила глаза и вздохнула.

— Переговорю с интендантом. Кантемиров, лежите до построения на ужин. Пейте больше воды. Если появятся новые симптомы или вам не станет легче, позвоните мне — отвезем в медпункт.

— Понял, Софья Петровна, — кивнул южанин.

— Остальные — готовиться к ужину.

Она крутанулась на каблуках своих ботинок и кивнула двум здоровенным надзирателям.

— Идемте.

Мужики были прямо как двое из ларца — похожи, словно близнецы. Оба здоровенные, выше двух метров, косая сажень в печах, бритые наголо и с абсолютно непроницаемыми лицами. Не сказав девушке ни слова, они молча последовали за ней.

Я оперся локтем о свою верхнюю койку и посмотрел на южанина.

— Давайте так, господа. Мне проблемы ни к чему. Вам, как я понимаю, тоже. Я не стукач и выгоды за ваш счет искать не буду.

— Ты не стукач. Ты мудака, Оболенский, — ответил Кантемир, присев на койку. — Но негласные правила ты, судя по всему, понял.

— Слушай, я уже понял, что у тебя руки чешутся со мной подраться, — раздраженно ответил я. — Так сделаем это там, где нам никто не мешает. На этот раз от драки я не убегу.

— Куда ж ты денешься с острова-то? — хихикнул шнырь.

— Согласен, — перебил его Кантемиров. — Будет интересно сразиться с сильным противником. А ты сильнее, чем я думал. Почему тогда сбежал с дуэли?

Я развел руки в стороны и улыбнулся.

— Я не знаю.

— Это как?

— Наверняка знал. Но не помню. Вообще ничего не помню. Врачи сказали, что-то в голове нарушилось после недавней аварии. Тело восстановилось быстро даже без их помощи, а вот с башкой беда.

Я кратко рассказал им выдуманную и уже немного отшлифованную историю о моей потере памяти.

— Амнезия, — поправив дурацкие овальные очки в тонкой оправе, вмешался ботаник. — Точнее, судя по симптомам, это ретроградная амнезия. Нарушение памяти о событиях, предшествовавших травмирующему событию. Проявляется при травмах головного мозга или при внезапном возникновении травматического шока. Основная характеристика заболевания — потеря памяти о событиях, предшествовавших поражению мозга. Что ж, есть вероятность, что память еще может вернуться.

Я пожал плечами.

— Ну а пока вот так, господа. Так что давайте знакомиться заново.

Кантемиров выглядел удивленным.

— Так, значит, ты меня совсем не помнишь?

— Я тебя не то что не помню, я тебя не знаю! Как и всех в этой комнате.

Южанин еще больше озадачился, поскреб пятерней все еще местами белую шевелюру.

— Максим я, — сказал он. — Максим Михайлович Кантемиров, хотя здесь меня Горцем называют. Ну ты понял...

— Ага, — улыбнулся я. — Не обижаешься?

— Не обижаюсь — горжусь. Я происхожу из старинного княжеского рода из Осетинской Дигории. Собственно, потому здесь и оказался — нрав у меня вспыльчивый, как у многих моих родичей.

Я улыбнулся.

— Это я уже понял. Я-то ладно, моя слава вперед меня идет. А ты-то как умудрился очутиться на острове? Неужели из-за той несостоявшейся дуэли?

Горец отмахнулся.

— Да то не в счет. Дуэль-то не состоялось, так что все обошлось выговором. А вот позже... Я же на первом курсе учился, в Университете. Короче, я врезал своему преподавателю.

Я удивленно вытаращился на Максима.

— Эээ... За что?

— Валил. Не просто валил, а хорошо так заваливал. Я знал предмет на твердую «четверку», неделю зубрил этот его французский. Мне тот язык ни к чему не сдался, я вообще этих французишек недолюбливаю. Но как же... Язык Стендаля! Бальзака! Гюго... Тыфу ты. Ну учил я его как мог, пошел на экзамен. А препод пристал как банный лист — и произношение не то, и губы я не так складываю, хотя и текст, и диктант написал прилично. Нет, это он точно специально... Может, обиделся, что я иногда его занятия пропускал. Ну, когда он сказал, что ставит мне удовлетворительную отметку, я и вышел из себя... А препод в прошлом оказался репетитором самого Великого князя Павла Константиновича, второго сына императора...

Я присвистнул.

— Да уж, повезло тебе.

— Так-то бы вряд ли засунули сюда, но учитель уперся рогом и подключил все связи. Понятно, что и отец меня по головке не погладил за такую выходку, а уж когда ему позвонили от Романовых... В общем, засунул он меня сюда от греха подальше. Говорил я ему, что не сдался мне этот университет, что в армию хочу... А он все заладил про классическое образование... Вот потому я и здесь, Оболенский.

Я снова прислонился к кровати. Занятная история, конечно. Впрочем, Кантемиров и выглядел так, словно к нему должны прилипнуть проблемы. И шнырь со своими бегающими глазками очень уж был похож на плута. И наличие в нашей компании «ботаника» удивляло меня больше всего.

— А ты? — Я кивнул пареньку в дурацких очках. — Не похож ты на злого нарушителя...

— А я и не то чтобы нарушал, — ответил он. — Просто чуть не убил тридцать человек. Схитрил немного.

Я поперхнулся слюной.

— Чего?!

— Барсуков Вениамин Филиппович, — с достоинством представился ботан. — Здесь

меня иногда Веником называют, но мне это не нравится.

— Боюсь спросить, как ты чуть не угробил столько людей. Это ж время нужно...

— Так я разом... — невинно улыбнулся парень. — Я вас чуть помладше. Выпускной класс гимназии. И последние пять лет надо мной издевались. Житья вообще не давали. Свои же, одноклассники. Ну слаб я в спорте, ну толстым был. Зато умом более-менее вышел. Просто защищаться не умею. Опущу подробности — однажды мне это окончательно надоело, после очередной их выходки. И что-то в голове перещелкнуло... Как раз должны были быть занятия в классе химии. Ну я в перерыв пошел в класс, пошуровал немного в лаборантской, набрал нужных реактивов... Точнее, подменил реактивы, приготовленные к эксперименту. Как итог — тридцать два человека на «скорой».

— Я, пожалуй, не буду тебя Веником обзывать, — я опасно покосился на Вениамина. — А то еще отравишь...

— Здесь это сложно. Но если немного поднапрячься...

«Колумбайн» — для слабаков. Веня Барсуков может уложить класс без единой пули... интересный персонаж, да и опасный — вон какие черти из тихого омота вылезли.

И все же по-человечески паренька было жаль. Меня никогда не травили в школе — пресекал попытки кулаками. Но я видел, как доставалось изгоям. Кто-то выдерживал натиск и давал сдачи, кто-то ломался и замыкался в себе. Наверняка могли быть и те, у кого в один момент срывало резьбу и... У нас страшных инцидентов не случалось, но и издевались не сказать, чтобы особо жестоко.

Интересно, чем же одноклассники так доконали Веню, что он решился на столь радикальный шаг?

— Ну а ты, — я взглянул на шныря. — Ты за что здесь?

— А угадай, — улыбнулся он.

Я соорил позу мыслителя.

— Воровал?

— Ну что так сразу-то! — оскорбился он. — Ничего я себе незаконно не присваивал. Честный бизнес. Только немного незаконный...

— Приторговывал запрещенкой?

Шнырь оскалился.

— Уже ближе. Я бы сказал, горячо.

— Наркотики что ли?

— Ну, не совсем, хотя при большом желании можно чем угодно накидаться... Лаптев Илья Борисович, он же Лапоть, он же Доктор, — улыбка шныря стала еще шире. — Была у меня способ получать всякие интересные таблеточки. Наркотики — это неинтересно. Ими много кто занимался. У меня была особая ниша. Помогал студентам учиться. Медикаментозными средствами.

— Стимуляторы какие-то? — уточнил я.

— Ага. Ты же, небось, знаешь, что многие наркотики изначально создавались в медицинских целях? Ну вот, есть несколько препаратов, которые стимулируют умственную и физическую активность. А отличники и двоечники, которым нужно срочно выучить предмет к передаче, нашли применение таким таблеточкам... У меня был канал поставки, у них — потребность. Мы помогали друг другу, и все были довольны.

Я приподнял брови.

— Пока не...

— Пока одна девица не начала биться в припадке прямо в аудитории. Зрелище, по словам ее одноклассников, было страшное. Эта дура от неуверенности или от страха решила выпить еще одну таблеточку прямо перед началом экзамена. Я ей говорил, что это не так работает, что нужно тщательно подбирать дозировку, потому как если переборщить, эффект будет совсем другим... В общем, больница, скандал, расследование. Меня сдали ее подружки, а там, как выяснилось, кто и сколько у меня брал, скандал угрожал принять уже опасный масштаб. Слишком уж много громких фамилий в этом списке оказалось. Так что засунули меня на остров, пока все не уляжется.

— А девчонка-то та хоть жива осталась? — спросил я.

— Жива, конечно! — отмахнулся Лаптев. — Что ей сделается-то? Она же просто психоз словила. Ну и народу в аудитории было полно — быстро заметили, отреагировали, вызвали врачей. Отлежалась денек под капельницами — и пришла в себя. Пересдачу, к слову, завалила.

Я устало провел ладонью по лицу. Итак, отличная у нас подобралась компания. Избалованный мажор-вредитель, вспыльчивый горец, поехавший ботаник-химик и пронырливый барыга. Оказывается, благородные месье тоже знают толк в развлечениях.

— И у нас здесь все такие, да?

Лапоть, он же Доктор, усмехнулся.

— Ага. Других тут, знаешь ли, не держат.

— Ладно. А что из себя представляет подготовка к ужину?

Ботаник снял очки и принялся тщательно протирать стекла носовым платком.

— Приведение одежды в опрятный вид, умывание, чистка обуви...

— И все?

— Ну а ты чего еще хотел? — мрачно буркнул Горец. — Чего тебе еще надо?

Мне? Мне — ничего. Мне надо, чтобы ботаник Веня не траванул меня каким-нибудь газом, да и чтобы остальные не особо покушались на мою шкурку. Ну и пожрать бы, да. Завтрак был ранним, быстрым и не особо питательным.

В коридоре зазвучала трель звонка.

— Это предупреждение, — пояснил ботаник. — Через десять минут построение.

Парни забегали по комнате. Горец стряхивал побелку с волос, Лаптев принялся торопливо отчищать замаранный комбинезон, а ботаник просто плеснул в лицо немного воды. Мне чистить было нечего, поэтому я просто внимательно наблюдал за действиями своих «сокамерников».

Вскоре прозвучала еще одна трель звонка — ну почти как в театре. Парни вышли, ботаник поторопил меня жестом и показал, как строиться. Собственно, никакой хитрости: мы вчетвером стали в одну линию перед нашей комнатой, меня поставили в середину.

И наконец-то я смог увидеть остальных.

Правда, никаких предварительных выводов сделать не получилось. Просто перед каждой дверью стояли молодые люди в одинаковых серых комбезах. Все более-менее опрятные, но вот взгляд у всех был разный. У кого-то потухший, у иных — затаенная злость, у третьих — равнодушие. Лишь немногие открыто радовались предстоящей трапезе.

Какой-то парень из соседней комнаты кивнул Горцу, тот ответил.

София Петровна в сопровождении двух одинаковых амбалов встала перед нами.

— Переключка, господа.

Она принялась называть фамилии. Барсуков, Кантемиров, Лаптев, Оболенский... На

свою фамилию каждый отзывался коротким «Я!».

— Регель, — громко произнесла надзирательница.

Кивнувший Горцу парень из соседней комнаты отозвался. Я мельком скользнул по нему взглядом. Невысокий, светловолосый, не особо крепкий. Роба надменная.

— Теплов!

— Я!

Рядом с Регелем отозвался еще один из нашего отряда. Этот явно происходил из рода воинов — высокий и крепкий, парень буквально излучал богатырскую мощь. А вот лицо у него было открытое, даже доброе. Или просто оно создавало такой разительный контраст с мрачными физиономиями остальных.

— Все на месте. Шагом за мной, — велела надзирательница.

Нас вывели в ближайший коридор. Поскольку наши комнаты располагались ближе всего к выходу, я толком не увидел ни других надзирателей, ни воспитанников. Ничего, сейчас в столовой осмотримся.

Мы прошли по нескольким длинным коридорам и вскоре вышли в отдельно стоящий корпус, где располагалась столовая. Пришлось остановиться и подождать, пока запускали остальных.

Как я понял, отряды были смешанными. Видел, что перед входом в обеденный зал два людских ручейка — мужской и женский — соединялись. Спали мы в разных местах, а вот работали и ели вместе.

Девушек было ощутимо меньше, но оно и понятно. Все же аристократы обычно более тщательно следили за воспитанием и поведением своих дочерей — по крайней мере в моем мире. А уж если и случался какой-нибудь инцидент, чаще всего его решали внутри самой семьи. Вряд ли в этой реальности было иначе.

Наверняка и в нашем отряде должны быть девушки. Интересно, какие они и за что сюда попали?

— Группа «Два-два» заходит...

Мы все еще торчали в коридоре. До соединения с остальной частью отряда было далеко — впереди была как минимум группа «3-1», а может и «двоек» было больше...

— Жаль, что ты меня забыл, — услышал я тихий шепот за спиной и обернулся.

Лаптев слегка улыбнулся.

— Что, я и тебе что-то сделал?

Улыбка Доктора стала еще шире.

— Открою страшную тайну, — выдохнул он. — В камере нет никого, кто бы не пострадал от твоих выходов в той или иной мере. Так что ты повнимательнее, Оболенский. Ночи длинные, двери не запираются, а дежурные надзиратели иногда могут засыпать...

Я покосился на Доктора. Не нравилась мне его ухмылка, совсем не нравилась. Да и вообще не производил он впечатления человека, которому стоило доверять.

Но все же можно было попытаться что-нибудь разузнать.

Я улыбнулся ему в ответ.

— Пугать изволишь, Лаптев?

— Предупреждаю, — подмигнул он и понизил голос до шепота. — На всякий случай.

— С чего бы такая доброта?

— Кто сказал, что доброта? Исключительно холодный расчет. Я, знаешь ли, преследую свои интересы.

Ну вот от Доктора я примерно этого и ожидал. С первого взгляда показался скользким типом — им и оказался. Другой вопрос, какой ему был от меня прок. Сейчас я был той еще кандидатурой в друзья. Или его так впечатлило, что я обезвредил Кантемира?

— Ну и какой интерес во мне? — шепотом спросил я, стараясь, чтобы стоявший передо мной Горец нас не услышал. Впрочем, он переговаривался с Тепловым, поэтому наверняка не обратил внимания на наши шушуканья.

— Ты мне здесь не нужен, — ответил Лаптев. — Ты нужен мне на воле. Связи у тебя полезные, Оболенский. Мне бы не помешали. Потому и пекусь о филее вашего сиятельства. А то ж сгинешь в этих стенах, бедолага.

Ну с этим я бы поспорил. Эту тушку не так просто убить, как мы уже выяснили.

— И какие же связи тебя интересуют? — спросил я.

— Об этом потом. Имей в виду, что мне главное — получить приглашение в пару уважаемых домов, дальше сам разберусь. Я умею быть убедительным.

Я слегка кивнул.

— Допустим, мы договорились. С меня услуга. Но ты чем расплатишься? Что дальше?

— Спи чутко, Оболенский, — шепнул Лаптев и отодвинулся от меня. — Очень чутко.

Наконец-то всю вторую группу запустили, и отряд «3-1» начал собираться и заходить в столовую. Доктор отодвинулся еще дальше и принялся о чем-то болтать с горе-химиком Барсуковым.

Тем временем я смог разглядеть нескольких девушек в очереди. Все ненакрашенные, в таких же, как у нас, комбинезонах и кроссовках без шнурков. Разные — были и красавицы, и милые симпатяжки, и уж откровенно на любителя.

Мне приглянулась одна девица с длинными темными волосами, убранными в высокий хвост. Тонкокостная, изящная, но выпуклости присутствовали, где нужно. Даже мешковатый комбинезон не скрывал достоинств фигуры, а отсутствие макияжа было только плюсом — красота у этой барышни была настоящая. Чем-то она даже походила на темную эльфийку из игр. Было в ней что-то... Не злое, нет. Необычное, с маленькой щепоткой романтической мрачности.

Словно почувствовав на себе мой взгляд, она уставилась на меня в упор. Из вежливости следовало отвести глаза, но я не стал — захотелось посмотреть на нее повнимательнее.

Она явно меня узнала. Темные брови нахмурились, между ними появилась суровая складка. Губы изогнулись в кривой недоброй усмешке, а чуть раскосые ярко-синие глаза

вспыхнули ледяным огнем.

Да черт возьми! В этих стенах есть хоть кто-нибудь, кто меня не знает?

— Группа «три-два», построиться на вход.

Две девушки — и эта темновласка была одной из них — отошли от женской очереди и присоединились к нам.

Вторая девица выглядела несколько экстравагантно даже в этих почти что казарменных условиях. Явный перманентный макияж — краситься здесь запрещали, а она все равно выглядела накрашенной. Стрелки, брови и, кажется, даже с губами она что-то сделала. Аккуратно, почти незаметно, но у меня глаз был наметан.

Волосы она не убрала — хотя длина по плечи позволяла. Но забавно было другое. Корни были темно-русыми, а вот ниже — светло-фиолетовая краска. Почти сиреневая. Нежненькая такая, пастельная. И совершенно, блин, неестественная. Симпатично, но не мое.

Судя по длине отросших волос, девица провела в Академии четыре-пять месяцев. Если предположить, что в среднем человеческий волос растет на полтора сантиметра в месяц, то по длине в как раз так и выходило.

Девица скользнула по мне томным взглядом, рассеянно улыбнулась и заняла место в колонне.

— Группа «три-два» заходит.

Рядом с нами вышагивала Софья Петровна. С девушками из нашего отряда была еще одна надзирательница — похожая на колобок, низенькая и очень упитанная. Широкий ремень на полном отсутствии талии смотрелся на ней как кольцо у планеты.

Зал столовой оказался вполне стандартным: к раздаче тянулась очередь воспитанников. Трапезничать предлагалось за длинными железными столами, сидя на приваренных к полу лавках. Такой вот суровый быт.

Маршрут был прост:ходишь, занимаешь очередь, получаешь свою порцию ужина, садишься за еду, а затем идешь в противоположный конец зала, оставляешь грязную посуду и поднос и выходишь через другие двери. Там как раз построился отряд первой группы, которой была оказана привилегия есть раньше всех.

Почему привилегия? Да потому что можно было забрать самые румяные булочки, самое нажористое мясо и так далее. Кто первый встал, того и тапки, короче.

— Что дают? — спросил Кантемиров у Теплова.

Тот прищурился, глядя на подносы забравших еду воспитанников.

— Гречневая каша с... судя по запаху, жареной печени. С подливой. И салат из огурцов и помидорок.

— Опять гречневая...

— Вчера был рис переваренный, — пробасил Теплов. — Уж лучше гречка. Хотя я бы еще раз навернул тех щей, что в обед давали... Удались.

Печень я не любил, но тут было не до жиру. Организму, особенно моему, требовалось много есть. Не просто много, а МНОГО — за особые способности следовало платить. И не только кашу. Без мяса будет туго. Печень так печень.

На раздаче я улыбнулся суровой кухарке, но эффекта это не возымело. Дама неопределенного возраста в фартуке, печатках и белой шапочке молча навалила в тарелку гречку, плюхнула сверху порцию печени и залила все грибной подливкой. Сервис так себе, зато пахло и выглядело вполне прилично.

— А можно мне двойную порцию? Хотя бы каши, — попросил я. — Пожалуйста.

Кухарка наградила меня тяжелым взглядом и шлепнула еще половник каши.

— Благодарю сердечно, — улыбнулся я. — Кстати, белый цвет вам очень к лицу.

Кажется, я нарушил какую-то программу. Потому как кухарка зависла, держа половник в воздухе, пару раз моргнула, а затем немного смущенно уставилась на следующий поднос.

— Спасибо, — буркнула она себе под нос.

Ну что, большие победы начинаются с малых деяний. Вежливость берет иные стены, что невозможно взять силой.

Пройдя дальше, я получил ломоть черного хлеба, плоску салата и стакан черного чая из здоровенной бочки. Хорошо бы, чтоб с сахаром.

Поискав глазами стол, где расселись ребята из моего отряда, я пристроился к ним. У окна дежурила София Павловна в компании других надзирателей. Какой-то парень в форме явно к ней подкатывал, но она явно не отвечала взаимностью.

Сидевший справа Регель тут же отодвинулся. Я вскинул брови.

— Что не так?

Он отодвинулся еще дальше.

— Регель, я с тобой разговариваю.

Кантемир и Теплов обменялись красноречивыми взглядами.

— Это твой одноклассник, между прочим, — ответил за Регеля Горец. — Знакомься, Регель Арнольд Карлович. Насколько я понял, ты был его ночным кошмаром в гимназии.

Я невольно бросил взгляд на Барсукова. Ботаник делал вид, что не слышал разговор. Только вот что-то уж слишком тщательно он пережевывал печень...

Доктор быстро объяснил остальным мою ситуацию.

— Друзей ты здесь не найдешь, — сказала Темновласка. — Плевать, что у тебя беды с памятью. Память может и отшибло, но человек-то остался тот же.

А вот здесь я был готов поспорить. Правда, рассказывать недружелюбно настроенным людям о том, что я был замешан в проведении какого-то архисложного Темного ритуала, было не очень разумно.

— Я изменился, — сухо ответил я. — Не знаю, как было раньше, но теперь точно все будет иначе. Поверите мне — станем друзьями. Решите строить козни и вредить — получите в ответ. Все будет по справедливости.

— Справедливо было бы ударить тебя камнем по башке и засыпать песком, — впервые заговорил Регель. — А перед этим пару раз макнуть башкой в унитаз, где до этого испражнились. Прямо как ты делал. Можно еще что-нибудь припомнить. У тебя была богатая фантазия.

Я треснул кулаком по столу так, что все подносы подпрыгнули. На меня тут же уставилась Софья Павловна и угрожающе покачала головой.

— Да вы достали уже требовать от меня извинений и ответов! — прошипел я. — Я вашими претензиями и обвинениями уже по горло сыт! Не помню я ничего. Не помню! А что до наказания — так я здесь, отбываю его. К слову, вместе с вами. Вы у нас тоже не ангелы, раз здесь оказались. Или начнете мне заливать о том, что вы невинны, что вас оговорили? Брехня! Мы здесь все одинаковые, и все в одной лодке. Я мог бы вам помогать, но не стану, пока не станете разговаривать нормально.

Томная девица с сиреневыми волосами поставила локоть на стол и оперлась подбородком о ладонь.

— А ты и правда изменился, Володя, — странно улыбнулась она.

— А ты еще кто?

— Знаешь, девушкам обидно, когда с ними проводят ночь, а потом не перезванивают и не отвечают на сообщения, — проворковала девица. — Но я зла не держу, к тому же ты у нас как эти герои бульварных романчиков для скучающих домохозяек.

Значит, Оболенский умудрился поматросить и бросить эту девчонку. Ну, приплыли. Нет, по ней было заметно, что она ни во что не ставила ценности вроде целомудрия до брака и прочих архаизмов. И все же признаваться так открыто...

— Агния я. Елисеева, — девушка отодвинула подальше недоеденный ужин и сделала глоток чая. — Господи, какой же мерзостью здесь кормят...

— Елисеева...

— Ой, да ладно тебе, сладкий. Говорю же, я не в обиде. Но начиналось все довольно многообещающе. Впрочем, раз уж мы оба здесь, все еще можно наверстать...

Я покосился на Кантемирова.

— Она что, под кайфом? В смысле принимает что-то?

— Принцесса у нас последние несколько лет под кайфом, — усмехнулся Горец. — Допрыгалась с приемом таблеток да порошков. Денег куча, а мозги все пронюхала.

Судя по всему, Максим Кантемиров питал искреннюю неприязнь к людям со всякого рода зависимостями. Впрочем, я тоже не знал, жалеть Елисееву или нет.

— Она к нам сразу после наркологии попала, — добавил Барсуков. — Родители спихнули сюда, чтобы не мозолила глаза.

— Я уже четыре месяца чиста, — томно улыбнулась Агния. — Ну да, говорят, что-то в мозгах там поменялось. Но читать, писать, считать и думать могу. Просто медленно... Папа сказал, здесь свежий воздух и экология хорошая, что мне это пойдет на пользу. Ну я, дурочка, и согласилась. Они же не сказали, что это будет тюрьма. Такая же, как та, где меня сперва лечили. Но та хоть была в городе. Там слышно, как живет город... Как машины ездят, как трамваи гремят на рельсах, из окна было видно салюты в праздники... А здесь только чайки срут.

Я аж вздрогнул от неожиданного оборота речи.

Темновласка сокрушенно качала головой, глядя на Елисееву. Осуждала? Жалела?

— А ты кто и как здесь оказалась?

— Меньше знаешь — крепче спишь, — отрезала девушка.

— Юль, ну он вроде пока и правда не нарывался, — сказал Кантемир.

Странно. Горец — и защищать меня взялся? Или просто хотел, чтобы я таки дожил до дня дуэли?

Темновласка мрачно на меня покосилась.

— Дашкова. Имя ты слышал.

Дашкова? Неужели потомок той самой Дашковой — подруги Екатерины Великой? Вроде была дама большого ума, ученая...

Больше Темновласка не проронила ни слова. Юлия, значит. Вроде необычное имя для дворянок. Я редко его встречал. Хотя здесь все-таки мир пошел по другому пути, может с выбором имен стало посвободнее.

Черт, а ведь мне стало интересно! Что она такого могла натворить, эта хрупкая девчонка? Но приставать с расспросами я не стал — не то время и не то место. Задал лишь один последний вопрос.

— А тебе-то я что сделал? Вижу же, что злишься. Так просвети.

— Не мне, — после долгого молчания ответила Дашкова. И спрятала нос в кружке.

Видимо, на этом беседу можно было считать оконченной.

Почему меня это так зацепило? Потому что она красивая? Да вряд ли — красивых полно. Вела себя загадочно? Да черт его знает. Но я ощутил почти охотничий азарт. Нужно разузнать об этой Дашковой побольше. Не люблю недосказанностей.

Кантемир тем временем доел свою порцию и устался на Теплова.

— Ну что, Теплыня, у тебя к Оболенскому претензии есть?

— Теплыня? — удивился я.

— Добрыня я. Теплов. Здесь сократили до Теплыни, — прогудел здоровяк. — Да был один случай... Но я тоже не в обиде. Сам сплоховал.

— Ну-ка, ну-ка... Что там было? — Тут же оживилась, насколько могла, Агния Елисеева.

— Да в клубе этот подлец подсыпал мне какую-то дрянь в выпивку. А мне ранним утром нужно было ехать по важному делу. Ну и развезло меня так, что до обеда не могли растолкать. Ну и, говорят, я там всякие дикие вещи творил...

Елисеева рассмеялась.

— А, так это был ты... Помню-помню, как же... Еще на стойке плясал вместе с девчонками-танцовщицами. И стойка под тобой рухнула... Да ладно, весело было.

— Ну так я и не обижаюсь. Говорю же — сам дал маху. Надо было следить за бокалом.

Нет, ну это еще было более-менее невинно.

Почему-то вспомнился анекдот про тонущий в бурю корабль. Мужик в отчаянии восклицает: «Господи, ладно я, грешник, мне поделом. Но за что ж народ-то гибнет?» А Бог ему и отвечает: «Я вас, сволочей, три года на этот корабль собирал!» Вот здесь было так же.

Одно из трех: либо Оболенский успел насолить вообще всем отпрыскам петербургской аристократии, либо я случайно оказался в обществе людей, которым насолил, либо это был чей-то извращенный расчет.

В случайности я не верил. В то, что так может не повезти, тоже.

Мог ли Оболенский, которому вроде как с пару месяцев назад стукнуло восемнадцать, так достать большой пласт знати? Как-то сомнительно. Нет, были за ним серьезные проступки, если не сказать — преступления. И все же я не верил, что Володя мог успеть насолить всем.

Оставалась версия с тем, что все это было подстроено.

Что там говорила София? Она вроде намекнула, что мое попадание в этот отряд не было случайным. Ее работа? Или кто-то еще решил устроить мне веселую жизнь?

Как бы поаккуратнее выведать, чьих рук это дело. Потому что чем дальше, тем ярче во всей этой ситуации виделся какой-то план. Только вот кому это было нужно, зачем и, главное, чего этот некто хотел добиться?

— Третья группа, заканчиваем трапезу! — крикнул один из надзирателей.

Народ начал активнее работать приборами. Кто-то торопливо допивал чай. За этими разговорами я умудрился слопать все, что было на подносе, а желудок, зараза, требовал еще и еще. Ну уж нет, дорогой, учимся обходиться малым и экономим энергию. Нас здесь как на убой кормить не будут.

Хотя, как по мне, порция была увесистая, и взрослому мужику хватило бы, чтобы объесться до отвала.

Я поднялся, перелез через лавку и прихватил почти что вылизанный до блеска поднос

— даже всю подливку коркой хлеба собрал, каждая калория была на счету. За мной семенил пухленький Барсуков, умудряясь на ходу поправлять свои дурацкие очки.

Возле окна сдачи посуды царило небольшое столпотворение — воспитанники торопились избавиться от подносов и построиться. Я выждал, пока этот хаос немного уляжется, и почти подошел к окошку, когда чья-то рука легла мне на плечо.

Резко обернувшись, я увидел рослого парня с сочным фиолетовым фингалом под правым глазом и разбитой губой. Эх его отделали...

— Думал сбежать от ответственности, да? — широко улыбнулся он. — Думал, здесь от меня спрячешься?

— Вот черт... — нервно сглотнул Барсуков и отпрянул от нас. — Ой-ой... Это нехорошо!

Я уставился на парня с бланшем.

— Ты кто?

— Это Олег Вяземский, — прошептал за моей спиной ботаник.

Вяземский!

Тот самый, после драки с которым меня сюда и упекли. Только вот что он здесь забыл? Неужели его определили в Академию только из-за одного махача? Да вряд ли, замаяли бы вопрос, благо можно было спустить всех собак на Оболенского.

Или Олеженька у нас тоже любитель повыпендриваться?

Он улыбнулся, растянув разбитые губы.

— Зарос, я смотрю. Быстро восстанавливаешься, сукин сын.

— А ты, вижу, нет, — пожал плечами я. — Ты-то что здесь забыл?

В воздухе повисло нездоровое напряжение. Воспитанники от греха подальше отошли от нас, чтобы в случае чего, не прилетело подносом.

Ну уж нет, я так глупо на провокацию не поведусь. Улыбаемся и машем.

Вяземский двинулся на меня и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но захлопнул челюсть, увидев, что к нам направились надзиратели.

— Вяземский! Оболенский! По два шага назад!

Я ухмыльнулся и сделал ровно то, что приказали. Олег разжал кулаки и, помедлив, тоже отступил.

— Еще увидимся, Володя.

— Непременно, — елеинным голосом ответил я.

София Павловна вытащила из моих рук поднос и грохнула его на стол у окна сдачи.

— Оболенский, иди в строй.

Нас развели по разным отрядам, но глаза Вяземского все еще метали искры. Горячий и мстительный, однако. Впрочем, кажется, я и правда его опозорил. И все же нужно выяснить, какого ляда он оказался здесь.

— Давно Вяземский в Академии? — спросил я у стоявшего позади Барсукова.

Ботаник пожал плечами.

— Вчера привезли. Мы сперва думали, что его к нам определяют — у нас как раз место освободилось на прошлой неделе. Но его засунули в первый отряд.

Ага. Значит, о скандалчике администрации все было известно — развели по углам во избежание конфликтов. И будут пристально наблюдать за нашим поведением.

А Вяземский обязательно попробует что-нибудь выкинуть — у него это прямо на лбу было написано. Пока не смоеет оскорбление моей кровью, не успокоится. Что ж, удачи, Олежка.

Мы построились у выхода, и София Павловна вышла вперед.

— До девяти — свободное время. Кто отправится на спортплощадку?

Кантемиров, Теплыня, Регель и Дашкова шагнули вперед. Надзирательница кивнула.

— Остальные?

— Я слышал, здесь есть библиотека, — сказал я. — Можно мне туда?

Брови Софии недоумевающе поползли вверх, но она кивнула.

— Разумеется, Оболенский. Кто-то ее желает в библиотеку?

Барсуков и, к моему удивлению, Елисеева подняли руки.

— Поняла, — отозвалась надзирательница и уставилась на Доктора. — Лаптев?

— А у меня отработка за встречу с родственниками. Мастер сказал, могу сегодня прийти помочь.

— Хорошо, — сказала София. — Те, кто на спортплощадку — идите к Василию Дмитриевичу, он ждет вас у выхода. Те, кто в библиотеку — идите с надзирателем Платоном Михайловичем. Лаптев, идите со мной. Сама отведу. Нужно подбить ваши часы работы.

Все разошлись, и Барсуков указал на мужчину в форме, собиравшего воспитанников около входа в корпус.

— Нам туда.

— Агния, а ты-то что в библиотеке забыла? — украдкой шепнул я.

— А что, нельзя?

— Да просто странно...

— Там можно прикорнуть на диванчике. Я сплю много, мне восьми часов не хватает, — объяснила Принцесса. — Врачи сказали, во мне что-то там в мозгах восстанавливается, поэтому нужно больше спать. А там сядешь в уголке, возьмешь книгу форматом побольше, упрешь ее в живот — и можно подремать...

Я улыбнулся. Хитрость безобидная, но каждый тут выкручивался как мог.

На завели в просторный читальный зал. Все выглядело, как гибрид комнаты отдыха и, собственно, библиотеки: ряды шкафов и стеллажей с книгами, между которыми бродили воспитанники, выбирая чтение на вечер. Весьма уютно. У длинного ряда окон располагались диваны, кресла и журнальные столики. Были и рабочие столы с лампами, как в институтских библиотеках. Вдалеке поставили несколько столов для игр — кто-то уже сопел над шахматами.

Но меня игры не интересовали. Задача была иная.

— Добрый вечер, — обратился я к симпатичной молоденькой библиотекарше. В отличие от надзирателей, она была одета не в форму, а в классическую белую блузку и узкую юбку чуть ниже колена.

Туфельки на низком каблуке чуть кляцнули, и она развернулась в мою сторону.

— Добрый вечер, воспитанник. Чем могу вам помочь?

— Могу я взять на вечер пару книг?

— Разумеется, — сдержанно улыбнулась девушка. — Весь библиотечный фонд в распоряжении наших воспитанников. Однако брать книги в комнаты запрещается. Вы можете читать только в зале.

— Превосходно, — кивнул я. — Мне все ясно.

— Так какие книги вас интересуют? В прошлом месяце мы значительно пополнили фонд новыми изданиями. Может что-то из современной литературы?

Я постарался изобразить самую очаровательную из возможных улыбок.

— Боюсь, мои интересы лежат в иной плоскости. Исторической.

Девушка удивленно на меня взглянула.

— У нас много исторических трудов. Быть может, я смогу подсказать?

Надо отдать должное, девушка была очень любезна. И когда я отказался от современной беллетристики, она, казалось, даже всерьез заинтересовалась — голубые глаза сверкнули неким азартом под стеклами очков в толстой роговой оправе.

Как же назывался этот труд... Отец о нем рассказывал. Он вообще прекрасно ориентировался в истории и искусстве — издержки его темной профессии. Как-то он признался, что в юности ходил в учениках у вора, специализировавшегося на краже

исторических ценностей. Да и на зону попал после кражи какой-то очень старой и редкой иконы.

Ну эта книжка с гербами знатных семей... Бархатная книга? Нет, вроде не она. Гербовник вроде?

— Мне нужен гербовник дворянских семей империи, — сказал я.

Библиотекарша улыбнулась.

— Общий гербовник дворянских фамилий Российской империи, полагаю?

— Именно! Если возможно, издание до 1917 года и обновленное.

Интерес в глазах девушки стал неподдельным.

— Весьма странный выбор для новоприбывшего воспитанника.

— Я тот самый, у которого память отшибло, — виновато улыбнулся я. — Решил взяться за учебу, раз уж обстоятельства так сложились.

Девушка кивнула.

— Что же, в таком случае я вам с удовольствием помогу. Пожалуйста, подождите здесь.

Она скрылась за рядами стеллажей и шкафов. Надзиратель в углу бросил на меня пристальный взгляд, словно напоминал, чтобы я не делал глупостей, поскольку за мной наблюдали.

Я и не собирался. Сейчас моя задача — получить информацию. А два издания мне были нужны затем, чтобы понять, насколько изменился состав дворянства после реставрации монархии. И раз верные Романовым семьи получили особые способности, наверняка где-то должно было быть указание на то, какие...

— Прошу, Владимир Андреевич, — девица вернулась и положила на стол две здоровенные толстые книги. Причем одна была раза в полтора толще другой, что уже само по себе напрашивалось на некоторые выводы...

— Вы меня знаете? — удивился я.

— Ну вы же сами поведали о вашей особенности, — улыбнулась библиотекарша. — В Академии больше нет воспитанников с ретроградной амнезией. Пожалуйста, распишитесь в книге учета.

Я поставил закорючку напротив своей фамилии и списка выданных книг, развернул книгу учета к библиотекарше и подхватил обе книжки.

— Я могу выбрать любое место или здесь зал разделен на зоны для групп?

— Сейчас у вас свободное время. В свободное время воспитанникам из разных групп и отрядов разрешено общаться друг с другом. Располагайтесь там, где вам комфортно.

А библиотека начинала мне нравиться!

На пути к рядам столов, диванчикам и креслам я увидел стопку чистых листов и стакан с ручками. Прихватив канцелярию, я расположился за столом в конце последнего ряда рядом с лампой. Теплый желтый свет делал это место более уютным.

Итак, с кого бы начать?

Давай-ка с себя, Хруст-Оболенский. Узнаем побольше о своей семье.

Сперва я открыл дореволюционное издание гербовника.

Оболенские — русский княжеский род, Рюриковичи, отрасль князей черниговских, ветвь князей Тарусских. Род князей Оболенских внесён в Бархатную книгу.

Существуют две фамилии Оболенских...

«ПРОСНИСЬ!!!»

Невыносимо громкий вопль в собственной голове заставил меня распахнуть глаза.

На долю секунды мне подумалось, что я очнулся — дома, в родном Питере. В какой-нибудь больничной палате под капельницами с катетером в члене. Что сейчас придет врач и скажет, что я слишком долго отходил от наркоза и бредил. Что придет Витек и пообещает помочь маме, пока я тут откисаю...

На одну секунду, всего на одну, я поверил в то, что этот странный сон наконец-то закончился. Дернулся, чтобы подняться...

А в следующее мгновение живот пронзила острая боль.

Из меня вырвался тихий хрип — я кричал, но вопль булькал в горле, словно ему что-то мешало. Попытался пошевелиться — и с ужасом осознал, что тело меня не слушалось.

Даже голову не повернуть. Черт побери.

А меня тем временем, кажется, убивали...

Что-то тонкое и острое снова вонзилось в мою плоть, а проклятое оцепенение не спадало. Чудовищное ощущение. Словно проснулся от нехватки наркоза посреди операции — все чувствуешь, а пошевелиться и сказать ничего не можешь.

В чёртовой комнате было темно. В коридоре не горело даже ночное освещение. И ни одна сволочь на соседних кроватях не проснулась.

Или это был кто-то из них?

Я собрал всю силу, на которую был способен. Все, чего мне сейчас хотелось — чтобы эти странные путы спали. Смогу пошевелиться — попытаюсь отбиться.

Я зарычал от напряжения. Казалось, сейчас голова взорвется. Почему-то запылала огнем печать Тьмы. У меня не было времени думать, почему — я просто продолжал бороться с оцепенением.

И когда показалось, что у меня сейчас лопнут глаза, проклятые путы спали.

Ублюдох, мать твою, а ну иди сюда!

Я резко вскочил с постели — двухъярусная кровать опасно покачнулась. Человек — точнее, окутанная тьмой тень — метнулась в сторону. Попытался бежать, сволочь. Ну, погоди...

Подобравшись, точно кот, я спрыгнул с кровати и метнулся за тенью. В комнате было темно, но света от окна хватило, чтобы понять — это была какая-то чертовщина. Нападавший не имел лица. Фигура антропоморфная, точнее, вполне себе человеческая. Только она была словно густо покрыта светонепроницаемой черной краской. Тени окутали убийцу так плотно, что невозможно было различить ни единой черты.

Просто фигура. Среднего роста, худощавая — и совершенно черная.

— Что за хрень? — Я тряхнул головой, когда противник замер передо мной.

А в следующий миг он бросился к выходу. Я прыгнул за ним. Ухватил за руку — и тут же зашипел от боли. Она была настолько ледяная, что меня обожгло этим неестественным холодом. Но руки я не отдернул. Наоборот — как можно крепче схватил нападавшего и развернул «лицом» к себе.

Черт. Словно в бездну смотришь...

По моему позвоночнику пробежали искры ужаса. И этот ужас внушал не убийца, а тьма, которой он был окутан. Что-то животное, первобытное и очень опасное.

Он дернул руку на себя, и я покачнулся вперед. Оружие он выронил — я услышал звон чего-то металлического. Я толкнул убийцу к стене, пытаюсь преградить путь к бегству. Но он умудрился коротко провести свободной рукой перед моим лицом и, кажется, бросил какой-то порошок мне в лицо. Рот наполнился кисловатым вкусом пепла.

А затем все перед моими глазами взорвалось.

* * *

— Хр... Хр... Ахрр! Тьфу!

Я зашелся в приступе кашля и, перевернувшись набок, выплюнул сгусток чего-то черного.

Озираясь по сторонам, с трудом поднялся. Сперва на четвереньки, затем выпрямился и тут же пошатнулся, благо успел ухватиться за кровать.

На нижнем ярусе мирно спал Лаптев. Живой и вроде бы здоровый. Дрых без задних ног. Кантемиров и Барсуков тоже видели десятый сон. Да как это вообще возможно? Почему никто не проснулся? Почему никто не прибежал на шум из надзирательской?

Чертовщина какая-то. Так не бывает... Я выкашлял еще один черный сгусток.

А нападавший ушел, падла. Не знаю, что за порошок он использовал, но, сдавалось мне, что природа у него была магическая. Если этот порошок вообще имел какое-то физическое воплощение. Может такая же темная субстанция, как то, чем он себя окутал.

Темный дар?

Сердце колотилось как у бешеной синицы. Раны болели. Я дотронулся рукой — кровь. Подо мной растеклась лужа. Но, что хуже, кровотечение наверняка и внутреннее. А это означало, что у меня было не так много времени. Нужно успеть растолкать хоть кого-нибудь.

Почему он не прикончил меня, если я вырубился? Растерялся оттого, что я не вовремя отошел от оцепенения? Побоялся, что сейчас поднимется шум, и решил спасти свою шкуру? Странно. Я бы попытался нанести еще один удар.

А еще он не забрал оружие.

Я отлип от кровати и нетвердыми шагами подошел к выходу. С трудом опустился на корточки и поднял тонкую металлическую иглу. Похожа на спицу, только заточена. Ну, собственно, заточка и есть.

Тем более не складывается. Если нападавший обладал Темным даром, почему решил убивать столь прозаичным инструментом?

В глазах начало плыть. Я сжал заточку в руках и выполз в коридор.

Тишина. Абсолютная и неестественная.словно весь наш этаж попросту вымер. Кто-то же должен был храпеть или тихонько перешептываться... даже из надзирательской не доносилось ни звука, а ведь наши надсмотрщики должны были бодрствовать.

Не нравилось мне все это. Ой как не нравилось...

Передвигаясь по стеночке и, кажется, оставляя кровавый след на свежей побелке, я добрался до штаба надзирателей. Свет не горел, но я нашарил на стене выключатель. Когда вспыхнули лампы, пришлось зажмуриться — глаза слишком привыкли к темноте.

Сегодня дежурила София. Она и двое охранников-амбалов спали. Надзирательница заснула прямо за столом с какими-то бумагами. Один из охранников спал на стуле, прислонившись всем телом к шкафу. Его товарища сон застал совсем врасплох — он растянулся на полу в уголке. Казалось, они отключились внезапно.

Значит, усыпили всех на этаже?

— София Павловна, — прохрипел я, подобравшись к ее столу. Ноги уже не держали. На меня резко накатила ужасная слабость. Казалось, вся кровь отхлынула от головы и конечностей. И было холодно. Очень, очень холодно...

Она не ответила. Даже не засопела и не пошевелилась.

Из последних сил я дернул ее за плечо.

— София Павловна! Очнитесь!

Ноль реакции. А у меня, казалось, уже каждая минута была на счету. Я бросил ей на стол спицу-заточку и обеими руками вцепился в ее плечи и тряхнул со всей силы.

— София! Проснитесь! София!

Не считаю правильным бить женщин, но сейчас выбора не было. Я зарядил ей оплеуху.

— София, черт возьми!

Она медленно открыла глаза, с трудом сфокусировалась... А затем резко подпрыгнула.

— Оболенский?! Что вы здесь...

— Помоги...

Я не смог договорить. Просто сполз, схватившись за рану.

— О господи! — услышал я словно издалека. — Владимир, держитесь. Владимир, вы меня слышите? Оболенский...

* * *

— Вы уверены?

— София Павловна, милая моя. Я на дырки в человеческом теле уже тридцать лет смотрю. Поэтому если говорю, что ваш Оболенский будет как новенький, то так оно и есть. А вы, душечка моя, сдайте-ка кровь. По-хорошему у всего этажа нужно произвести забор. У вашего подопечного взяли, но не уверен, что сделаем быстро и качественно. Все же у нас здесь не больница, а почти что полевой лазарет... Так что я бы отправил материал на анализ в Петербург.

Способность воспринимать реальность возвращалась медленно, но я был упрям и цеплялся за незнакомый мужской голос. Больно уж колоритны были его интонации. Воспользовавшись паузой в разговоре, я осторожно открыл глаза.

Лазарет как он есть. Палата на шесть коек, пять из которых были свободны. Можно сказать, все для меня. Судя по забрезжившему рассвету, откачали меня быстро. Значит, не обошлось без колдовства лекарей.

Правда, это в случае, если я проснулся тем же утром. А если провалялся несколько суток?

Я поерзал на кровати, прислушиваясь к ощущениям. Да вполне нормально, жить можно. Брюхо побаливало, но терпимо.

— О, наша подушечка для иголок изволила очнуться.

Надо мной навис курчавый мужчина в стильных очках, которые, впрочем, не скрывали его усталости. С виду я дал бы ему лет пятьдесят. Лицо приятное, но глаза... Эти глаза повидали разные ужасы. Несмотря на даже несколько утонченную внешность, было в этом человеке что-то жесткое. Причем не с рождения — приобретенное. Панцирь, броня, скорлупа — стена, которую он возвел, чтобы не сойти с ума от своей работы.

Врач вздохнул и даже выдавил из себя улыбку.

— Ну с возвращением, Владимир Андреевич, пирожочек вы наш. Должен сказать, давно я не встречал такой начинки...

Это он к чему?

— Судя по тому, что обо мне говорят, пирожок-то с говном, — хрипло отозвался я. — Можно мне стакан воды?

— Стакан нельзя. Половину — можно. Софья Павловна, вас не затруднит?

Побелевшая, как бумага, надзирательница тут же вскочила с табуретки, на которой сидела у изголовья моей кровати, и бросилась к тумбе, на которой стоял дежурный графин с водой. В Академии вообще питали особенную нежность к потреблению жидкостей. «Попить водички» было едва ли не единственным предлогом, чтобы прервать любую деятельность — и всегда разрешали. Видимо, блюли нормы.

Надзирательница поднесла мне наполовину полный стакан, и я с благодарностью ей кивнул.

— Спасибо. Спасибо, что успели.

Она рассеянно отмахнулась. Было заметно, что Софья испугалась не на шутку. Ну еще бы! В ее дежурство происходит такая хренотень! Княжеского внука едва не закололи, да еще и предварительно усыпили весь этаж. Ох, чую, шухер сейчас будет до небес... И Софье прилетит в первую очередь.

И зря. Я был уверен, что она ни при чем. Во-первых, едва ее растолкал. Во-вторых, явная имела место темная магия. А Софью, обладай она Темным даром, и близко бы не подпустили к острову.

— Тимофей Викторович, — представился мужчина, пока я жадно хлебал воду. — Лекарь этой богадельни.

— Высокого же вы мнения о месте службы.

— Я не о форме, а о содержании, — отрезал лекарь и повернулся к надзирательнице. — Софья Павловна, вы же еще не ели с вечера?

— Н-нет...

— Тогда прошу вас зайти в медпункт и сдать кровь. Уверяю, мы с господином Оболенским пока без вас справимся. Жизни вашего воспитанника ничто не угрожает, так что идите с богом. У вас, сдастся мне, полно дел в свете последних обстоятельств...

Софья тряхнула головой, и растрепанная золотистая коса свесилась с ее плеча.

— Да, разумеется. Благодарю, Тимофей Викторович. — Она уставилась на меня. — Оболенский, я зайду к вам позже.

Я кивнул.

— Конечно.

Едва надзирательница скрылась за дверью, лекарь вытащил из моих пальцев пустой стакан и поставил на тумбу. А затем развернулся ко мне и уселся прямо на кровать.

— А теперь, юноша, просветите меня, почему я нашел в ваших внутренностях сажу.

— Прошу прощения? — опешил я. — Сажу? Прямо... внутри?

— Именно.

Чего?! Какая еще, блин, сажа?

— Боюсь, мне нечем вас порадовать, — тихо отозвался я. — Потому что я понятия не имею. Помню только, что, когда очнулся, кашлял чем-то черным. Но там было некогда рассматривать...

— Это понятно, — кивнул лекарь. — Прежде чем я задам вам остальные вопросы, позвольте мне кое-что прояснить, Владимир Андреевич. В данный момент вы находитесь в Лазарете. Это единственное место на острове, где царь и бог я, а не директор Академии.

— Что логично, — улыбнулся я. — От вас же жизни зависят.

— И поскольку это мое маленькое королевство, то и правила здесь устанавливаю я. А я, Владимир Андреевич, руководствуюсь не уставом этого макета тюрьмы, а Факультетским обещанием, которое произнес в день получения диплома.

— Врачебной клятвой?

— Да, Владимир Андреевич. Она — мой первый закон. Я пообещал во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим, свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия. Иными словами, в этих стенах вы под моей защитой. Я не знаю, кто нанес вам эти раны, но...

Кажется, я понял, на что намекал лекарь. Видимо, он тоже предположил о вмешательстве Темного дара. А раз так, решил сперва меня расспросить. И хотел, чтобы я ему доверился.

А мне уже никому не хотелось доверять на этом острове...

— Только вот незадача, Тимофей Викторович, — кисло улыбнулся я. — Коллега ваша из медпункта предупредила, что в карту будут заноситься все медицинские процедуры и результаты анализов. А карту эту могут потом куда-нибудь передать...

— Оболенский, вы дурак или им прикидываетесь? — терял терпение лекарь. — Я вам русским по белому говорю, что вы изнутри черны. И неужели вы полагали, что во время оперативного вмешательства я не замечу печать Тьмы на вашем теле?

Ну да, здесь крыть было нечем.

— Это татуировка. Набил по глупости.

Лекарь взглянул на меня как на имбецила.

— Оболенский, ну вы из меня-то уж дурака не делайте, — устало сказал он и снял очки. — Я, по-вашему, не смогу отличить Печать от наколки? Ладно медсестричка — ее вы может и умудрились обвести вокруг пальца. Но меня этими дешевыми отговорками не оскорбляйте. Я же вашу шкуру спасти пытаюсь. И мне сперва нужно понять, почему у вас нутро почернело.

— А есть разные варианты?

— Когда в дело вмешивается Тьма, вариантов всегда множество. Тьма — она же... Она принимает разные формы. Это ведь просто сила. Сила, помноженная на волю ее обладателя. А воля бывает разной. Вот я и думаю, а не прокляли ли вас.

Я остервенело замотал головой, но, кажется, сделал только хуже. Башка закружилась, и мне пришлось упасть на подушку.

— Вы о моем недуге знаете. Ну, про память, — тихо ответил я. — Так что мне надо все объяснять как дитю неразумному.

— Вы и есть дитя неразумное, Владимир Андреевич, как это ни прискорбно. Когда у вас

появилась печать?

Я помедлил, пытаюсь решить, рассказывать ли лекарю о Темном ритуале, который вытащил меня с того света на этот. Да, мать явно сделала это втихую — ни дед, ни отец не знали. Значит, и Темная мать Друзилла наверняка не оставила никаких записей в своих реестрах. Они же там вроде все манипуляции с Тьмой должны записывать...

— Несколько дней назад. После аварии, — наконец ответил я.

Ладно, рискну. Почему-то этот дядька казался мне достойным доверия. Может потому что из всех на этом острове выглядел наиболее человечным. Врачи — они во всех мирах врачи. А этот еще и аристократ. Для него клятва должна многое значить.

— Знаете, при каких обстоятельствах?

— Да. Я умирал, даже лекари были бессильны. Меня вернули к жизни посредством некого темного ритуала. Деталей не знаю. После этого появилась печать.

Лекарь помрачнел.

— Значит, вы обрели связь с Тьмой. Пусть самую слабую, но раз печать проявилась, вы отмечены.

— Это я знаю, — отозвался я. — Лучше послушайте, что было ночью.

Я рассказал ему про странный паралич, про окутанного тьмой убийцу и почти беспробудный сон всего этажа. Упомянул о том, как жгла печать, как удалось сбросить оцепенение. О попытке схватить супостата и том, что было после. И чем больше я говорил, тем мрачнее становилось лицо лекаря.

— Вы знаете, что это было? — спросил я, закончив рассказ. — Понимаю, не ваш профиль, но вы сами хотели знать. Так у вас есть хоть какие-то предположения о том, с чем мне пришлось столкнуться?

Тимофей Викторович кивнул.

— Боюсь, не предположения, — ответил он, убрав очки в кармашек халата. — Утверждения, Владимир Андреевич. Первое — вас прокляли. Судя по тому, как распознала чернота по вашим органам, случилось это не вчера. Кто-то раньше позаботился.

Миленко...

— Значит, проклятия имеют силу...

— Еще какую! Зависит от силы того, кто проклинал. Ну и сами проклятия тоже бывают разными. Судя по тому, что я обнаружил у вас — это было проклятье на смерть.

Я снова сел на кровати и подтянул ноги к себе.

— Проклятие все еще действует?

— Да. Пока его не снимут. Хорошая новость — это решаемо. В Темном Ордене есть мастера. Так что в какой-то мере можно даже поблагодарить вашего нападавшего. Кабы не он, чернота продолжала бы пожирать вас изнутри, а вы бы ни сном ни духом... На то и расчет: когда проявляются внешние признаки, обычно уже поздно что-либо предпринимать.

Вот оно же, Михалыч... Ну спасибо тебе, добрый человек с заточкой!

— Но это же не все, да? — я поднял глаза на лекаря.

— Увы, нет. Второе утверждение — на острове находится незарегистрированный и очень сильный носитель Темного дара. И вычислить его своими силами будет очень непросто.

Я поежился от неприятного предчувствия. Вообще все это пахло грандиозным скандалом петербургского масштаба. А то и круче.

Пусть в своей семье Володя Оболенский был паршивой овцой, но дед-князь точно всех мехом внутрь вывернет, если узнает о покушении на внука. Дело даже не столько в том, что он мной дорожил как отпрыском рода — это был вопрос репутации.

Никто, а уж тем более влиятельный род, не станет сидеть сложа руки в таких обстоятельствах и поставит весь этот остров на уши. Бездействие приравняют к слабости. А слабость проявлять нельзя — сожрут.

— Так что, Владимир Андреевич, я оставляю вас в лазарете на ближайшие два-три дня, — сказал лекарь. — До получения уточнений по анализам, до выяснения обстоятельств... Сами понимаете, случай нетривиальный. И с учетом обстоятельств я буду настаивать на охране вашей палаты.

Я криво улыбнулся.

— Вы же понимаете, что если этот незнакомец снова попытается меня убить, охрана его не остановит. Он же умудрился как-то усыпить целый этаж...

— И все же не помешает, — настаивал Тимофей Викторович.

— Ладно, — пожал плечами я. — Если вам так спокойнее.

— В любом случае не вам это решать.

Лекарь поднялся, снова внимательно меня осмотрел, и этот его взгляд был странным. На несколько мгновений его глаза изменили цвет — стали золотистыми, и в радужке словно замелькали небольшие искорки.

— Пожалуйста, дайте мне руку.

Я протянул ему правую ладонь, с любопытством наблюдая за работой одаренного. Общаться с лекарями, будучи в полном сознании, мне еще не доводилось, и было интересно посмотреть на мастера в деле.

К моему удивлению, я не увидел ни ярких сияний, ни спецэффектов, ни прочих красот, как показывали в кино. Просто когда Тимофей Викторович дотронулся до моей ладони, она резко потеплела, и это приятное тепло начало медленно разливаться по всему телу.

Это не было компьютерной игрой, здесь магия почти не имела визуальных проявлений — по крайней мере, пока что она выглядела весьма скромно. Даже немного разочаровывало...

И все же от одного этого прикосновения мне стало гораздо лучше.

— Что вы такое сделали, Тимофей Викторович? — удивленно спросил я. — Я словно... Как будто очень хорошо выспался всего за несколько секунд...

Лекарь снисходительно улыбнулся.

— Провел быструю диагностику и немного укрепил ваши ткани для качественной регенерации. Вы принадлежите к роду воинов, Владимир Андреевич. Насколько мне известно, вам по статусу не положены особые способности, но даже те базовые, которыми обладает каждый член вашей семьи, внушают врагам трепет и уважение. Но за все дары нужно платить.

Я улыбнулся.

— Да. В моем случае — зверским аппетитом.

— Это совершенно логично. Сила позволяет вам концентрировать энергию на регенерации, укрепляет ваше тело и дает вам физическую силу и скорость, недоступные обыкновенным людям. Но ничего не появляется само по себе, и энергию нужно откуда-то брать. Вы ведь все еще человек, поэтому и потребности у вас человеческие. Разве что повышенные. К слову, у меня есть гипотеза о взаимосвязи вашего поведения и силы, которой вы располагаете...

Я поудобнее устроился на кровати.

— Будет сильно нагло попросить вас поделиться соображениями?

— Это всего лишь гипотеза, Владимир Андреевич. Чтобы превратить ее в теорию и уж тем более в заявление, требуется провести масштабное исследование. Пока что я основываюсь на своих наблюдениях.

— Так в чем же они заключаются?

— Дело в том, что каста воинов — с вашего позволения, я так назову роды, наделенные воинскими талантами — имеет ряд схожих черт. Каждый род уникален и несет в себе лишь ему доступные особые способности, но вот рядовые члены семей... Что Оболенские, что Кантемировы, что Владыкины... словом, вы похожи. Вы воины, но вы не солдаты.

— Боюсь, я не совсем вас понимаю.

— Характер, Оболенский. Нрав, темперамент. Воины все холерики. Со временем одним удается обуздать кипящие внутри страсти — и тогда они достигают больших высот, а другие так и остаются занозами для своих семей. Заметьте, у вас нрав тот еще. Кантемиров попал сюда из-за безрассудства и вспыльчивости. Среди воспитанников есть и другие выходцы из касты воинов, у кого наблюдается проблемы с самоконтролем, агрессия, склонность к насилию... Причем порой доходит до почти что животных проявлений. Я уже молчу о том, что именно потомки воинов составляют большинство среди воспитанников Академии.

Интересный факт, однако. Это, конечно, никого здесь не оправдывало, но совпадение и правда казалось любопытным.

— Это можно как-то объяснить? — спросил я. — Должна же быть причина такого явления.

Лекарь пожал плечами.

— Она мне неизвестна, Владимир Андреевич. Быть может, в тот момент, когда верные императору роды получили силу, от воинов требовалось бесстрашие и в какой-то мере даже безрассудство. В конце концов, ситуация тогда была тяжелая. Почти безвыходная. Стоило огромных усилий вернуть власть правящему дому. И воины, коих тогда было большинство среди сподвижников Ольги Николаевны и Константина Константиновича, зачастую должны были идти на верную смерть. Не удивлюсь, если это своего рода природный механизм — отсутствие страха и горячность, запрограммированная на уровне крови. Тогда это было актуально, а сейчас... Ну, против наследственности не попрешь. Гены — не аудиокассета. Не перезапишешь.

— Но мой отец, дед и старший брат производят впечатление уравновешенных людей, — возразил я. — Характеры у всех не сахар, согласен, но...

— Ваш дед — князь, ваш отец — его наследник, а ваш старший брат — наследник наследника. Вы говорите о прямой правящей линии. Это не рядовые члены семьи. Полагаю, разница кроется именно в этом. Вам же, Оболенский, достались типичные черты одаренного

война.

Ага. А еще печать Тьмы и дырка в пузе.

— Значит, нужно держать себя в руках, — улыбнулся я. — Самоконтроль — наше все.

— Именно, юноша.

Лекарь поднялся.

— Мне нужно доложить о вашем состоянии директору. Готовьтесь к тому, что в ближайшее время с вами захотят поговорить.

Он ушел, а я упал на подушку и уставился в потолок.

Ясное дело, директор Академии захочет меня допросить. Потому что нужно как-то объясняться с моим дедом. Этот скорее собственными руками меня придушит, но трогать внука никому не позволит. Потому и отправил на остров — чтобы я не путался под ногами и не провоцировал на грех детоубийства.

А тут вот такая заварушка началась...

Я раз за разом прокручивал в голове воспоминания о нападении. И много чего не мог понять.

На что конкретно рассчитывал нападавший?

Вряд ли он хотел просто меня припугнуть. Для этого можно было выбрать и другие способы, не примешивая Темный дар и заточку. Но все указывало на то, что этот некто пытался меня убить. Возможно, даже обставить это как маргинальную разборку. Только кое-что пошло не так.

Что именно ему помешало? В какой момент?

Я вспомнил, как меня разбудил тот странный вопль. Трудно понять, что именно это было — интуиция, особая способность или вмешательство чего-то постороннего и неизвестного. Но это меня спасло. Так бы закололи во сне — и все. Утром все бы проснулись, обнаружили мой хладный труп...

Оболенские, конечно, в этом случае тоже бы устроили здесь невообразимое избиение младенцев. Но дело было бы сделано.

Только я все никак не мог взять в толк главное — кому вообще понадобилась моя смерть? Точнее, гибель Владимира Оболенского. Как по мне, пока что все выходки моего предшественника не тянули на смертный приговор. Я, конечно, мог многого не знать. И все же...

Володя Оболенский был известным человеком. Наверняка его лицо мелькало в светской хронике, его знали все мажоры города — и аристократы, и богатые простолюдины. Более того, происходил из древнего и очень влиятельного рода. Тот, кто намеревался меня убить, должен был понимать рискованность этой затеи.

И все равно это его не остановило. Так зачем? Зачем нужно было приносить меня, то есть Володю, в жертву?

Месть? Стремление навредить семье? Или Оболенский мог знать что-то такое, что могло бы опорочить кого-то очень влиятельного?

Мало информации. Слишком мало...

— Я принесла вам ужин. Подумала, еда из столовой будет вкуснее, чем каша и паровые котлетки без соли.

Я вздрогнул, когда в дверях появилась София Павловна с подносом в руках. Могла и не напрягаться — здесь все равно кормили.

Она медленно прошла между рядов пустых коек, освободила место на тумбе и водрузила

туда поднос. Выглядело аппетитно: мясо с макаронами в каком-то дивно пахнувшем соусе. И булочка с кусочком масла. Румяная, горячая, только что из печи.

— Благодарю, — улыбнулся я. — Но с чего вы оказываете мне такие почести, София Павловна?

— Считаю себя виноватой перед вами, — ошарашила надзирательница.

— Кажется, вы считали меня врагом.

— Не врагом, Оболенский. Вы неверно меня поняли. Да, вы причинили мне зло. Да, и день вашего прибытия я не справилась с эмоциями — и это непростительно и непрофессионально. Но я в первую очередь ваш надзиратель. Моя задача — не только вести вас по пути исправления, но и обеспечивать вашу безопасность. И с этим я не справилась.

Кусок булки едва не застрял у меня в горле.

— С учетом обстоятельств вам не в чем себя винить, — прожевав, ответил я. — От вас ничего не зависело, София Павловна. Не думаю, что на курсах надзирателей учат противостоять дару Тьмы.

И все же мне было приятно. Сперва я подумал, что эта барышня слегка поехала кукушкой на почве вселенской обиды, но вроде нет. Взяла себя в руки, вспомнила о долге и изо всех сил пыталась относиться ко мне нейтрально.

— Значит, это правда? — побледнела София. — Про Тьму. Я в этой суматохе и с кучей объяснительных толком и не... Что вам известно, Оболенский?

— Боюсь, немного. Лекарь считает, что на острове есть незарегистрированный носитель Темного дара. И что он им воспользовался, чтобы меня убить. Но кое-чего не рассчитал.

Надзирательница помрачнела. Я видел, что она была в отчаянии, но старалась мне этого не показывать. Не хотела ронять лицо перед подопечным. Зря она так. Ситуация патовая, сейчас все будут бегать по потолку.

— Тогда без Ордена точно не обойдется, — вздохнула она. — Даже если есть хоть малейшее подозрение, директор обязан вызвать колдунов.

— А как они будут его искать? Проверять каждого на наличие метки Тьмы? Или у них есть другие инструменты?

— Я не знаю, Оболенский. Не знаю.

А ведь ей было страшно! Почему она так боялась Темного Ордена? Неприятный опыт взаимодействия или ей самой было что скрывать от них?

— Знаю только то, что если сюда заявятся колдуны из Ордена, дело перейдет под высочайший контроль.

— И что в этом такого? Ну, завалят проверками... Или вы здесь на своем острове так привыкли, что вам никто не хозяин, что начали по-своему распоряжаться государственным учреждением? — съязвил я.

— Я не этого опасуюсь, — сухо ответила София. — У этого учреждения есть свои тайны. Тайны, в которые не посвящают простых надзирателей вроде меня. И я не знаю, что будет, если эти тайны выйдут на свет.

— Не понял.

— Я служу здесь не так давно, но заметила кое-какие странности. Впрочем... Вам сейчас не до этого, Оболенский. Задача администрации — обеспечить вашу безопасность и предотвратить другие возможные покушения.

Вот зараза! Ведь почти начала говорить... А потом, видимо, вспомнила, с кем

разговаривала, и снова закрылась. Ну ладно, давить пока что не буду. Пойду медленным, но многообещающим путем — покажу ей, что мне можно доверять.

— Позвольте личный вопрос, София Павловна. А почему вы пошли в надзиратели? Странно видеть здесь девушку из дворянской фамилии, да еще и с...

— С такой внешностью? — печально улыбнулась она.

— Да. Пожалуйста, считайте это комплиментом, лишенным всяческих намеков.

— Внешность — актив, который с годами утрачивается. А причины... Я просто хочу, чтобы сволочей в мире стало немного меньше. Если юные представители знати возьмутся за голову и вспомнят о чести и достоинстве, империя расцветет пуще прежнего. Ибо, по моему мнению, аристократическое происхождение — это высочайшая ответственность. За дары нужно платить. Одаренные получили силу после великой жертвы государя. И должны отплатить благодарностью и верной службой, а не прожигать жизнь в угаре сиюминутных удовольствий.

— И это — ваша жизненная цель?

— А что вас смущает, Оболенский?

— Просто получается, вы тоже жертвуете. Живете здесь на продуваемом всеми ветрами островке в окружении сомнительных личностей... А ведь могли бы удачно выйти замуж, обзавестись красивым домом и выращивать розы в саду. А вместо этого...

Ее лицо резко изменилось. Поджала губы, нахмурила брови, а в глазах застыла боль.

— Довольно, Оболенский. Описанное вами будущее мне более недоступно, — отрезала она и поднялась, чтобы уйти.

Стоять, Хруст. Ты сейчас, кажется, случайно наступил ей на большую мозоль.

— Прошу прощения, я не хотел, — сказал я, едва она сделала шаг. — Если задел чувства, знайте, что никакого злого умысла у меня не было. Просто хотел... Хотел немного сблизиться и показать, что я не такое уж и чудовище, каким меня все малюют. И, кроме того, у меня есть предложение, которое может вас заинтересовать.

Она обернулась. Все еще хмурая и одновременно печальная. Да уж, я точно своими вопросиками что-то разбередил в ее душе.

— Что за предложение, Оболенский?

Я отложил поднос и уставился на нее, жестом попросив закрыть дверь. Она кивнула и, сделав это, вернулась ко мне.

— Ну?

— Не знаю, чем именно вас страшит Орден, но можно попробовать разобраться неофициально, — сказал я. — Сестра моего деда состоит в Темном Ордене, и она могущественная колдунья. Я бы предпочел сперва обратиться к ней, чтобы выяснить, с чем мы вообще столкнулись.

— Да, — рассеянно кивнула София. — Я слышала, что у вас есть родня в Ордене. Но, насколько мне известно, им запрещено помогать кровной родне. Они отрекаются от рода, когда проходят посвящение.

Я улыбнулся.

— На словах — да, но кровь-то не водица. Даже если она не согласится со мной разговаривать, за спрос денег не берут. Я же могу подать прошение о встрече?

София кивнула.

— Конечно. Все воспитанники имеют на это право.

— Ну вот. Попрошу Темную мать — а там уже пусть сама решает, насколько ей это

интересно. Но на ее месте я бы точно не оставил эту ситуацию без внимания. Кроме того, действительно мне нужен представитель Ордена, чтобы разъяснить один личный вопрос...

Надзирательница явно не была в восторге от этой идеи, но я поймал ее на крючок любопытства. Наверняка директор и остальные высшие руководители не станут распространяться о случившемся и о расследовании. Так что Софии вряд ли светило узнать, что к чему.

А я давал ей призрачный шанс выяснить, что творится на этом острове и почему по нему беспрепятственно перемещаются неизвестные опасные колдуны.

— Хорошо, Оболенский. Пишите прошение, я направлю его получателю. Можете сделать это сегодня, завтра утром свяжусь.

В дверь палаты постучали, и мы резко умолкли. Спустя мгновение вошла женщина в форме надзирательницы. Я уже видел ее, сопровождавшей девушек из третьей группы в столовую. Поскольку девчонок здесь было гораздо меньше, воспитанниц из разных отрядов одной группы могли поселить вместе.

— Софья Павловна, а я вас обыскала, — улыбнулась надзирательница.

— Зашла проведать воспитанника, — отозвалась девушка. — Что-то срочное?

— На имя Владимира Андреевича поступил запрос о встрече. Я пришла предупредить воспитанника.

Мы с Софьей переглянулись. Девушка нахмурилась.

— Почему мне не сообщили?

— Боюсь, запрос поступил только что.

А вот это уже было интереснее. Как я понял, обычно сами воспитанники инициировали встречи. Они сильно регламентировались правилами, но общению с родней Академия не препятствовала. А тут кто-то сам пожелал со мной увидеться, да еще так быстро...

Неужели кто-то уже успел сообщить моей родне о покушении? Если так, то снимаю шляпу — отреагировали быстро.

— И кто желает видеть Оболенского? — спросила София.

— Господин Федор Долгоруков, — ответила женщина и замаялась. — Дело в том, что... В общем, он уже здесь. Утверждает, что у него есть срочные новости для Владимира Андреевича.

Софья Павловна взглянула на часы. Судя по тому, что она принесла мне еще совсем горячую и свежую еду, сейчас как раз было время ужина.

— Поздновато для встреч, да еще и в неустановленный день, — нахмурилась она.

— Боюсь, господин Долгоруков настаивает, — ответила надзирательница, имени которой я не знал. — Быть может, все же стоит сделать исключение? И София Павловна, могу я отвлечь вас на минуту в коридор?

Девушка удивилась, но кивнула.

— Разумеется.

Она вышла вслед за надзирательницей и плотно закрыла за собой дверь. Я остался в палате наедине с остывающими макаронами.

Нужно есть. Поглощать всю пищу, которая будет в доступе. Что-то мне подсказывало, что силы вскоре понадобятся. Нужно быть готовым ко всему.

Женщины шептались за дверью, но я не мог разобрать, о чем они говорили. Но, судя по взволнованным интонациям, ни о чем хорошем.

Наконец скрипнули дверные петли, и вошла София Павловна. Я застыл с набитым макаронами ртом. Не знаю, что сказала надзирательница Софии, но это ее явно взбудоражило. Возможно, даже напугало — молодая надзирательница была мрачна как туча.

— Что-то случилось? — проглотив не дожеванные макароны, спросил я.

— Вам лучше услышать все самому, Владимир Андреевич. Полагаю, господин Долгоруков прибыл сюда именно для этого. Пожалуйста, заканчивайте с ужином — и я сопровожу вас в зал для встреч.

Я принялся доедать свою порцию, но сейчас от волнения кусок в горло не лез. Я буквально заталкивал в глотку скользкие макароны и пропитавшееся томатной подливой мясо. Сейчас я даже вкуса не чувствовал, словно все рецепторы организма перешли в режим сохранения энергии.

София устроилась на самом краю моей кровати и молча ждала. Каждый раз, когда мы встречали взглядами, она отводила глаза.

Да что ж такое-то?!

— София Павловна, скажите уже прямо, — поставив пустой поднос на тумбу, я откинул одеяло и тут же накрылся обратно. Оказалось, что мое одеяние было несколько коротковато, да еще и с завязками сзади. Выпрямлюсь — и засмущаю барышню своим филеем.

Поняв мою растерянность, надзирательница взяла с соседней кровати стопку одежды и положила на мою. И тактично отвернулась. Неженка какая.

— Сейчас вы обо всем узнаете, — не оборачиваясь, ответила она.

Я свесил ноги с кровати, нашарил резиновые шлепанцы. Затем встряхнул барахло — больничная пижама. Только верх не на пуговицах, а в виде толстовки с красным крестом на груди и левом рукаве. Быстро одевшись, я подошел к Софии.

— Готов.

— Тогда прошу за мной, — не глядя на меня, сказала она и открыла дверь. — Только накиньте халат. Вечером еще прохладно.

Я удивился, но послушался. В корпусах топили на славу. Впрочем, халат так халат.

Правда, теперь я выглядел, словно только что вышел из бани, а не из больничной палаты.

Лазарет, как выяснилось, занимал пристройку к основному зданию и сообщался с главным корпусом посредством длинного коридора без окон. Здесь пахло чем-то химическим вроде дезинфицирующего раствора, и у меня немного защипало в носу от этого едкого запаха.

К моему удивлению, из главного здания мы вышли прямо на улицу. Холодный ладожский ветер тут же взлохматил мои волосы и обдал лицо водяной пылью. Да уж, Ладога, царица северных озер, была в своем репертуаре и гостеприимством не отличалась. Но на свежем воздухе мне стало полегче. Даже откуда-то взялась бодрость.

— Куда мы идем? — удивился я, когда София зашагала прочь от корпуса.

— В дом для встреч. Администрация не приветствует свободное передвижение гостей по острову, — пояснила она. — Воспитанникам из первой группы дозволяется совершать небольшие прогулки во время встреч, но вы, Оболенский, этой привилегии лишены. Поэтому свидание пройдет в специальном помещении и под моим присмотром.

Ну и ладно. Мне-то что.

— А в ваше отсутствие кто приглядывает за отрядом? Те двое из ларца?

— Двое из ларца, как вы изволили их назвать, охранники, а не надзиратели. Сейчас за вашими товарищами присматривает Матвей Романович. Вы еще не знакомы с ним, но он тоже отвечает за ваш отряд. Мы работаем посменно.

Логично. Спать ведь когда-то нужно...

— Ясно, — кивнул я. — А почему гостям нельзя бродить по острову? Здесь ведь и идти-то некуда... Он же совсем маленький — не спрячешься, даже если захочешь.

— В первую очередь, чтобы не отвлекать других воспитанников. Во вторую — чтобы не успели припрятать какой-нибудь запрещенный предмет на территории. Надзирателям не раз приходилось вытаскивать из тайников телефоны, сигареты и прочие вещи. Бывали и совсем вопиющие инциденты — как-то одного из воспитанников пытались тайно вывезти на лодке.

— Что ж. Справедливо, — отозвался я.

Ну ладно. Хотят контролировать — пусть, пока не жалко. Меня же занимало другое — кто такой этот Федор Долгоруков? Вроде мать упоминала о каком-то Долгорукове, который был со мной во время моей последней выходки. Значит, друг? И что такого срочного он забыл на этом богом забытом острове?

Домик для встреч представлял собой одноэтажное каменное здание с зарешеченными окнами. Он располагался довольно близко к воде, и с крыльца можно было разглядеть серую кромку каменного пляжа, круживших над водой чаек.

Знаменитые белые ночи вступали в силу. Несмотря на вечернее время, на улице было еще совсем светло.

Кивнув охраннику, София Павловна провела меня внутрь и направилась в первую же дверь.

— Володя!

Какое-то яркое пятно бросилось ко мне и заключило в объятия. Я замер, не зная, как реагировать. Ничего я об этом Долгорукове не знал.

— Ты меня не помнишь, да? — он отстранился с виноватой улыбкой. — Мне сказали, что... В общем, давай знакомиться заново. Я Федя Долгоруков, твой близкий друг и даже дальний родственник. Твоя тетка Лариса Петровна — сестра моего отца.

Значит, мы еще и родня? Впрочем, наверняка вся петербургская знать уже давно друг с

другом породнилась. Я не удержался от оценивающего взгляда.

Гость, следует отметить, выглядел крайне колоритно. Примерно ровесник Володи Оболенского — лет восемнадцать, может немного старше. Модная стрижка, уложенная воском, стильные очки, оправа которых явно стоила как годовая зарплата простого работяги. Физиономия слегка нахальная, лощеная, загорелая — но не до крайности.

Одет он был вызывающе: легкий бордовый пиджак на одну пуговицу, из-под него торчал воротник белой рубашки в какой-то мелкий рисунок, образ завершали узкий галстук-селедка с бриллиантовой булавкой, белые летние брюки и туфли из светло-коричневой кожи. И еще часы — какие-то очень навороченные.

Не просто мажор, а гламурный эстет хренов. И вот ЭТО было моим лучшим другом?

Да, Оболенский... Впрочем, можно ли было ожидать чего-то другого от нашего оборзевшего мажорчика. Каков сам, такую и компанию подобрал.

Только вот у этого Федора, при всей его гламурности, были умные и проницательные глаза. Мне даже на миг показалось, что он просто отыгрывал роль, а на деле был куда серьезнее, чем хотел показаться. Может только почудилось. Все же он явно был чуть постарше — наверняка мозги отрастил, да и родня могла держать его в большей строгости.

— Ну меня ты знаешь, — рассеянно кивнул я и вопросительно взглянул на стоявшую у дверей Софию. — Могу я присесть?

Надзирательница кивнула.

— Конечно.

Долгоруков тем временем обошел стол и уселся напротив меня. Я молча ждал — пусть сам рассказывает, зачем явился.

— Кстати, было непросто тебя отыскать, — сказал Долгоруков. — Как ни странно, никто в городе не знает, где ты. Слухи ходят, в нашей компании, ясное дело, трещат об этом, но... Ни строчки в газетах. Видимо, твой дед успел замять дело. Ты-то сам как? Может помочь чем? Ну, посылку там собрать...

— Все в порядке, — ответил я. — Посылок не нужно, здесь есть все необходимое. И, боюсь, даже больше. В соседнем отряде Вяземский.

Глаза Долгорукова округлились.

— Олег?

— Ага.

— Что он здесь... Как он...

— Самому интересно, — сказал я. — Судя по тому, что я о нем знаю, а знаю я мало, Вяземский вообще не клиент подобного заведения. И все же он здесь. Если хочешь помочь, выясни, как и зачем он тут оказался.

Я покосился на Софию и приподнял брови. Дескать, такие просьбы выражать можно? Она кивнула.

— Ты меня здорово озадачил, — почесав затылок, сказал Федор. — А мы все гадали, куда Олег делся. Орлова тоже все эти дни на публике не появляется и на звонки не отвечает — мы подумали, что они просто решили уехать вдвоем. А, оказывается, Олег-то здесь...

Долгоруков явно темнил. По бегающим глазам, нервно сцепленным в замок пальцам и тревожным интонациям, которые он пытался перебить напускной радостью, я понимал, что Федор чего-то не договаривал. Пытался обсуждать какие-то малозначимые вещи, словно не мог решиться сказать нечто по-настоящему важное.

Я уставился прямо на гостя.

— Федя, не юли.

— Прошу прощения?

— Зачем приехал, да еще так срочно? Убедиться, что у меня с башкой беда? Так это тебе и в Петербурге могли сказать. Рассказывай, что случилось. Потому что просто так ты бы в такую даль не поехал. Никто бы не поехал, разве что случилось что-то очень серьезное. Имей в виду, я память потерял, а не разум.

Долгоруков явно смутился.

— Я не знаю, как...

— Говори как есть. Рвать и метать не буду. Не стеклянный, не разобьюсь.

— Они не хотели, чтобы ты знал. Запретили мне, но я...

Я грохнул кулаком по железному столу, и София инстинктивно схватилась за дубинку.

— А ну говори!

Долгоруков отодвинулся вместе со стулом назад.

— Вот именно поэтому они и не хотели... А еще потому, что ты нездоров... Боялись, что это сделает тебе хуже. Ладно, — вздохнул мажор. — Скажу как есть. Только пообещай ничего не крушить.

— Обещаю.

— Дед твой умер. Прошлой ночью.

Князь? Прошлой ночью? Тогда же, когда и на меня напали?

— Что случилось? — хрипло спросил я.

Федор отвел глаза в сторону.

— Да я случайно узнал, об этом еще не объявляли. Просто этим утром решил заехать к вам с визитом... Думал, раз тебя из дома не выпускают и лечат, то хотя бы навещу, подбодрю... Вот и приехал к вам в особняк. Все как положено — с карточкой, по правилам. А там... Меня сперва не приняли, потом твоя матушка увидела меня в прихожей. Спустилась, сказала, где ты, только просила не распространяться. А в этот момент как раз врачи выходили... В общем, я просто случайно все увидел. Твои родители просили меня не говорить тебе — они боятся, что это тебе навредит. Но я все равно решил тебе сказать.

— Ясно, — хмуро ответил я. — Так что случилось с дедом?

— Инфаркт вроде бы. Или инсульт — я точно не понял. В общем, князь, царствие ему небесное, умер дома в постели. Среди ночи стало плохо, но он не успел никого позвать. Ушел тихо вроде бы...

Вероятно, Долгоруков ожидал, что я начну бузить — все же речь шла о смерти родственника. Но я лишь разозлился. Вот о чем сказали Софии — а она, зараза такая, утаила.

— Понятно. Как родные?

Долгоруков пожал плечами.

— Как и всякая семья в такой ситуации. Отец твой в легкой прострации — на него же титул свалился. Понятно, что готовился, но смерть — она ведь всегда внезапна. Анастасия Павловна, матушка твоя, плачет, но дела делает. Новому князю помогает. А Лешка — тот в Москву вчера еще укатил по делам. Сейчас уже наверняка вернулся...

Я молча слушал Долгорукова и кивал невпопад. Меня занимали совсем другие мысли.

Я поднялся и протянул гостю руку:

— Спасибо, что сообщил, Федя.

Он пожал ее, странно глядя на меня.

— Ты как, в порядке?

— Ну так не я же умер. Нормально все. Буду ждать известий от семьи. А сейчас, боюсь, мне пора идти, — я откинул полу халата и показал крест на толстовке. — Процедуры...

Я развернулся к двери и встретился взглядом с Софией.

— Я готов, можем идти.

Она кивнула, но немного замешкалась, словно удивилась тому, что я так быстро закончил свидание.

— Вы все слышали, — сказал я, когда мы вышли из дома для встреч. — Пожалуйста, разубедите меня в том, что покушение на меня и смерть деда — не простое совпадение.

— Оболенский, вам нужно к психологу.

— Это еще почему?

— Потому что вам только что сообщили о смерти главы вашей семьи, а вы вместо того, чтобы горевать, начинаете искать какие-то взаимосвязи...

Я резко остановился и уставился на Софию.

— Если я сейчас начну лить слезы и выть, это его вернет? — строго спросил я. — Моя истерика хоть что-нибудь изменит?

— Я предполагаю, что ваша реакция — защитный механизм. Но нас на курсах учили, что подобные новости — это травма. А травма, если ее грамотно не проработать, может иметь для вас крайне неприятные последствия.

Бедная девочка! Ей-то было невдомек, что деда этого я видел всего раз в жизни — и то в тот момент он объявил о своем решении сбегать сюда... Какие у меня могли быть привязанности к князю? Но София была права — мне требовалось вести себя как подобает скорбящему родственнику.

Я даже заужал ее еще сильнее. Она меня не любила — и честно призналась в этом с самого начала. Сразу обозначила позицию, пообещала, что легко мне здесь не будет. Но при всем этом пока что София старалась действовать профессионально и своим положением не злоупотребляла. Напротив, пыталась проявить заботу.

— Я очень ценю ваше сочувствие, София Павловна, — чуть мягче сказал я. — Понимаю, у вас протоколы, нормативы и прочее. Но, как я уже говорил, я не стеклянный — не разобьюсь. Скорбь — дело личное, хотя, как по мне, не всегда полезное. Сдается мне, проку будет куда больше, если я попробую найти ответы на свои вопросы. И если вы действительно хотите мне помочь, то у меня будет к вам просьба.

Надзирательница все еще обеспокоенно на меня глядела, словно не верила в мою стойкость. Ну оно и понятно, работа у нее такая — следить за вверенными ей воспитанниками. Так что пусть лучше думает, что я сухарь.

— Что за просьба, Оболенский? И сразу оговорюсь, что ничего не обещаю.

— Я хочу выяснить, за что в Академии оказался Вяземский. Нужно понимать, достаточный ли у него список прегрешений для того, чтобы сюда попасть, или же это была его личная инициатива...

София тряхнула головой.

— Думаете, Вяземский мог напроситься сюда специально... Ради вас?

— Я нанес ему публичное оскорбление. Да, вина кругом моя — и Орлову ангажировал, зная, что дама занята. И на дуэль спровоцировал. А потом еще и вышел из нее победителем на глазах у петербургской золотой молодежи. Это позор, София Павловна. Унижение для Вяземского. Такое амбициозные молодые люди не прощают. Поэтому я не удивлюсь, если Олег пришел сюда за мной.

Надзирательница рассеянно кивнула.

— Соглашусь, какая-то доля логики в ваших словах есть. Но это уж слишком очевидно — после вашего конфликта все будут думать, что это месть Вяземского.

— Я вот что думаю, София Павловна — а может на то и был расчет? Ведь смотрите, как красиво все бы выглядело, удайся незнакомцу план мен убить. Всех на этаже усыпили, никто ничего не видел и не слышал. Меня пырнули обычной заточкой — прямо как в настоящей тюрьме. Такую мог сделать кто угодно. Но в первую очередь подумали бы на Вяземского. Он напрашивается на первого подозреваемого после нашего конфликта. Так может его хотели подставить? Именно поэтому я хочу выяснить, какие за ним числятся нарушения и какая у него репутация. Согласитесь, будет очень странно, если примерный мальчик внезапно начнет вести себя как последний уголовник.

Видимо, мое объяснение убедило надзирательницу.

— Я вас поняла, Оболенский. Отряд не мой, я не видела бумаг на Вяземского... Не достать их будет не так сложно. У меня есть доступ к личным делам. Но как вам это поможет в нынешних обстоятельствах?

— Как минимум, отметем одного подозреваемого, пусть и самого очевидного. Разве вам не хочется узнать, кто и за что решил меня прирезать среди ночи? — фыркнул я. — В вашу же, к слову, смену.

София вздохнула.

— Разумеется, хочется, — она медленно побрела по освещенной маленькими огоньками дорожке, а я шел рядом. — Только вы же понимаете, что раз в инциденте замечены следы Тьмы, то разбираться будут не на моем уровне. А вы хотите самолично все выяснить, хотя у вас возможностей еще меньше, чем у меня.

— Ну это как сказать, — улыбнулся я. — Я нахожусь по другую сторону баррикад. И если мы начнем сотрудничать, то сможем получить больше информации. А это нас, быть может, к чему-нибудь и приведет.

Итак, Хруст, что у тебя есть?

София — которую ты умудрился заинтересовать. Неизвестно, надолго ли хватит ее энтузиазма, так что надо пользоваться моментом, пока она добренькая. Пусть накопает что-нибудь на Вяземского.

Лаптев, он же Доктор — кладезь слухов, циркулирующих в группах и отрядах. Можно его потрясти, наверняка знает, что и у кого спрашивать. Об ответной услуге договоримся.

Лекарь — он сможет прикрыть мне тылы на эти несколько дней. Пока я буду торчать в лазарете, добраться до меня будет сложнее. Значит, нужно действовать оперативно.

И... Рыжая. Странная девчонка с фотографиями из четвертой группы. А ведь она что-то знала, раз зачем-то меня предупредила. Но что она могла знать и откуда? И еще этот крик, от которого я проснулся... Крик, который меня спас. Неужели тоже она?

А я ведь пока что даже имени ее не выяснил... Нет, с ней мне точно нужно поговорить. Прием не под присмотром того надзирателя, который носился с ней как дурак с писаной торбой, а наедине.

— София Павловна, у меня есть еще один вопрос.

— Какой, Оболенский?

Я улыбнулся.

— Что нужно натворить, чтобы попасть в четвертую группу?

София резко остановилась, шаркнув ботинками по гравию, и вытаращилась на меня во все глаза.

— Оболенский! Владимир... Андреевич, вы в своем уме?

— Это лучше уточнить у лекаря, — улыбнулся я. — Но вроде не жалуюсь.

— Зачем вам четвертая группа?

Говорить или нет? София, по идее, могла с этим помочь. По крайней мере, она уж точно знала, как звали ту рыжеволосую девушку. Может смогла бы что-нибудь о ней рассказать... Но тогда я пойду по офигенно тонкому льду. Раскрутив ситуацию, София может узнать о моей печати Тьмы. А тогда черт знает, как она отреагирует...

Поэтому я решил выдавать информацию аккуратно и дозированно.

— В четвертом отряде есть девушка. Очень бледная, с длинными волнистыми рыжими волосами. На ведьму похожа. Она еще как будто не в себе, — затараторил я. — Она предупредила меня о нападении. Сама обратилась в библиотеке. Она что-то знает, София... Павловна. Поэтому я хочу найти ее и расспросить. Но к ней постоянно приставлена охрана, ей не дают общаться с остальными воспитанниками. Я подумал, может, если я окажусь в ее группе, то возможностей будет больше...

София Павловна нахмурилась пуще прежнего.

— Я поняла, о ком ты. Это Катерина Давыдова. И у нее действительно беды с головой. Она может говорить что угодно, постоянно несет околесицу. Она больна, Оболенский. В следующем месяце ее переведут в специализированное учреждение.

Ага. И эта рыжая Катерина, и Лаптев, значит, просто угадали, да? Даже если предположить, что у рыжей помешательство, но как тогда объяснить тот странный крик, от которого я проснулся? Меня ведь аж на кровати от него подкинуло. Мне все меньше казалось, что и это было совпадением. Многовато, блин, совпадений получается.

Если рыжая меня предупредила, то могла она попытаться мне помочь во сне? Вот это и следовало выяснить. Понять, зачем она вообще заговорила со мной и почему попыталась помочь.

И еще надо бы по возможности дернуть Доктора — выяснить, попал ли он пальцем в небо или все же услышал что-то конкретное о готовившемся на меня нападении. Теоретически он мог просто взять меня на страх — с репутацией Оболенского можно было ожидать пакостей, а этот ушлый прощелыга мог просто воспользоваться этим в своих интересах. Но если Доктор и правда что-то случайно узнал, я должен был вытряхнуть из него все и даже больше.

Он у меня соловьем петь будет, когда я до него доберусь...

— Так вы считаете, что эта Давыдова просто угадала? — криво улыбнулся я. — Что-то не верится мне в такие судьбоносные совпадения, уж прошу прощения. Хочу проверить и убедиться.

Надзирательница в отчаянии замотала головой так, что ее длинная светлая коса начала качаться из стороны в сторону, словно маятник.

— Оболенский... Вы не понимаете, во что собираетесь влезть, — она понизила голос, хотя мы были на пустынной дорожке, и нас не могли услышать. — Четвертая группа живет

по очень строгому режиму. Вам же наверняка рассказали, что там держат тех, кого мы не смогли убедить исправиться и кто просто ожидает перемещения с острова. Очень редко воспитанники поднимаются из «четверки» в группы выше. Если вы туда попадете, выйти отсюда станет еще сложнее. Только в четвертой группе воспитанникам дается испытательный срок, по истечении которого принимается решение — переводить выше или...

— Пускать в расход?

— Нет. Отказываться от работы. Как правило, испытательного срока достаточно, чтобы сделать окончательные выводы. Это тяжелое место, Оболенский. Вам не стоит так рисковать ради разговора, который может ничего и не дать. Я уже молчу о том, что и надзиратели там...

Она отвела глаза.

— Что там с надзирателями?

— Они... жестоки. Не такие, как мы. Им приходится иметь дело с самыми сложными случаями, и порой в ход идут довольно жесткие методы воспитания.

— Они там что, розгами детей порют? — я недоверчиво покосился на Софию. — Или на горохе ночами заставляют стоять?

Девушка вздохнула.

— Я мало знаю о работе с четвертой группой. Мне лишь известно, что надзиратели там проходят особый отбор. С нами они не горят желанием общаться — держатся особняком. Все, что происходит в четвертой группе, находится на особом контроле Администрации, поэтому далеко не все доходит до таких, как я. Но по рассказам воспитанников, которым посчастливилось перейти с четвертого уровня на третий, я поняла, что там ни с кем не церемонятся.

— Если не ошибаюсь, в это заведение попадают лишь аристократы, — напомнил я. — И как такое жестокое обращение возможно? Да их семьи, если узнают, здесь камня на камне не оставят!

— О, вы ошибаетесь, — печально улыбнулась София. — Что я знаю точно, так это то, что некоторые семьи сами привозили сюда своих отпрысков и требовали строжайших условий для их содержания. Делали большие пожертвования... Они были рады спрятать свой позор подальше, а наш остров для этого идеально подходит.

Рассказ Софии меня здорово озадачил. Это ж какой-то «Остров проклятых» Скорсезе получается, а я в нем — бедняга Ди Каприо, у которого тихо едет кукуха на почве увиденного. Чем больше я пытался раскопать, тем менее приятным становилось это местечко.

И тем сильнее мне хотелось выяснить, как здесь оказалась рыжая провидица Катерина. Провидицей я ее окрестил для удобства. Но у девчонки точно был какой-то дар предчувствия полной задницы.

— Но ведь получается, что сюда могут определить не только реально провинившихся, но и просто неудобных? — предположил я. — Место, как вы сами заметили, подходящее. Строгий надзор, связи с внешним миром нет, все зависит от администрации... Идеально.

— Я давно подозреваю, что в четвертой группе не все так просто, — прошептала София. — Да, мне тоже хочется понять, куда я попала и чем занимается администрация там, внизу.

— Внизу? — удивился я.

— В подвале, Оболенский. Четвертая группа содержится в подвале. Говорю же вам — там жесткие условия.

Ничего себе. Миленько. Интересно, а как на такое злостное нарушение СанПиНа посмотрели бы проверяющие органы? Сдавалось мне, что держать молодежь в каменном мешке не позволялось ни в моем мире, ни в этом — ну дикость же!

— А что другие надзиратели об этом говорят? Ну, ваши коллеги...

— А они об этом не говорят, — отрезала София. — Боятся последствий. Это такая негласная договоренность: мы не лезем вниз и не расспрашиваем коллег из «четверки» — нам не портят жизнь и дают спокойно работать.

Я взглянул на надзирательницу в упор.

— И вот после всего этого, София Павловна, скажите, пожалуйста, почему вы продолжаете здесь находиться? Ну явно же это не работа вашей мечты. Вы вроде бы наделены обостренным чувством справедливости, а когда такая мутная ситуация под боком, думаю, вас это беспокоит. При этом вы понимаете, что лезть нельзя. Так почему не ушли отсюда? Вы же из аристократии, у вас есть дар. В Петербурге или Москве вас наверняка с руками оторвут в любую государеву организацию...

— Я уже сказала вам, почему я здесь, Оболенский. Не для денег и не для строчки в послужном списке. Я людей хочу людьми делать. Нормальными. Чтобы они осознали свои ошибки, исправились и жили дальше, не позоря своего сословия. Это мне важно. И да, я боюсь, что меня лишат возможности воспитывать своих подопечных, если выяснится, что я полезла не туда.

— А если в том подвале держат людей, которые ничего не сделали, чтобы сюда попасть? — возразил я. — На это тоже закроете глаза?

— А вы с каких пор начали играть в благородство, Оболенский?

— Я не играю, София Павловна. Я пытаюсь понять, что здесь происходит и насколько все это опасно. И мне претит мысль, что в государевом учреждении могут насильно удерживать невинных людей. Одно дело я или, скажем, Барсуков — за дело попали. А эти? Что если они просто стали жертвами чужой воли?

Было видно, что я ее задел. Ударил по живому. Она-то наверняка все это время себя оправдывала тем, что, ни во что не вмешиваясь, принесет больше пользы. Будет заниматься своим отрядом, постепенно очеловечивать и отправлять по одному наверх, к искуплению и выходу на большую землю. А тут я, сволочь такая, бью по ней ее же словами.

Сейчас она проходила мою проверку. Струсит и откажется — потеряет мое доверие. Никуда не годятся эти ее принципы, если она не готова их защищать. И тогда пусть болтает о них поменьше.

А вот если все же рискнет и попытается мне помочь...

— Вы меня под статью подведете, Оболенский...

— А вам что важнее — справедливость, о которой вы говорили мне при первой встрече, или собственный покой? — жестко спросил я.

Ну же, София, давай. Не разочаровывай меня. Только ведь показала человеческое лицо...

Девушка надолго замолчала и уставилась на озеро. Одна рука сжалась в кулак, глаза потемнели.

— Ладно, Оболенский. Если так хотите поговорить с Давыдовой, я попробую это устроить. Но решение будет более изящным — в четвертую группу я вас не отправлю.

— Тогда что вы предлагаете?

— Дайте мне немного времени, чтобы все устроить. И у меня условие — все, что вы выясните, вы расскажете мне. Дайте слово.

Я кивнул.

— Обещаю. Но вы-то готовы поверить моему слову?

Надзирательница наградила меня тяжелым взглядом.

— Вот и покажите, осталась в вас порядочность или нет. Идемте, вас уже заждались в лазарете. Это может вызвать подозрения.

* * *

Тимофей Викторович поднял меня уже после одиннадцати. Натрескавшись постного печенья после вечернего чая, я развалился на кровати и сам не заметил, как задремал.

— Оболенский! — в полумраке блеснули очки лекаря. — Просыпайтесь. Только, моллю, тихо.

Я мгновенно сбросил дремоту и тут же сел на кровати.

— Что...

— Тише! — шикнул мужчина. — Нужно идти. Сейчас же.

— Куда? Зачем? — прошептал я. — Что стряслось?

Тимофей Викторович приложил палец к губам и кивнул в сторону коридора. Оттуда доносилось недовольное бормотание и шарканье ботинок. Это что, за мной? Да что они себе позволяют?

— Идите за мной, — велел лекарь и, к моему удивлению, повел меня не на выход, а за ширму.

Я-то думал, там просто вешалка для халатов и место для переодевания, а оказалось, что вешалка была прибита к невзрачной дверке. Просто ее покрасили в цвет стен — издали не заметишь.

— Что происходит? — почти беззвучно спросил я, когда мы зашли за ширму.

— Софья передала мне вашу просьбу. Надзиратели четвертой группы сейчас сдают анализы — вызвали всех разом. А та, с кем вы хотели поговорить, находится в лазарете. В другой палате. Другой возможности не будет.

Ох и ничего себе...

К счастью, башка соображала быстро. Остатки сонливости как рукой сняло. Ай София Павловна, ай умничка! Правда, теперь во всей этой затее был замешан еще и лекарь. Впрочем, он тоже показался мне нормальным мужиком. Главное, чтобы не был замешан в этих темных делишках администрации. Если они вообще имели место.

С другой стороны, имея Тимофей Викторович свой личный интерес в этих мутках, зачем бы тогда ему сейчас мне помогать? Сдал бы Софью руководству — и был бы у нас новый надзиратель... Да и меня наверняка бы попытались обезвредить, чтоб не лез куда не просят.

Двигаясь почти бесшумно, Тимофей Викторович скользнул в открытую тайную дверь. Мы оказались в еще одной палате — совершенно пустой. Даже свет не горел, но, хвала белым ночам, света хватало, чтобы сориентироваться и ни во что не врезаться.

Там мы нашли еще одну дверку — тоже за ширмой. Она была не заперта.

— Она там, — Тимофей Викторович указал на дверь. — Ее заперли, но надолго без присмотра не оставят. У вас не больше пяти минут.

Я кивнул.

— Спасибо.

— Потом поблагодарите. Возвращайтесь тем же путем, мне нужно к надзирателям, — ответил врач и метнулся обратно.

Я собрался с духом и толкнул дверь.

Мне по глазам ударил свет ламп — пусть они были и в ночном режиме, но все равно глаза успели немного отвыкнуть. Катерина сидела на кровати, свесив тонкие ножки-спички в таких же, как у меня, кроссовках без шнуровки. Мешковатое платье с нашивкой четвертой группы сбилось на девушке складками. Она подняла голову, откинула копну вьющихся волос и уставилась на меня в упор.

— Пришел.

Я притворил дверь и тут же направился к девушке. Нельзя терять ни секунды.

— Привет, Катя. Я Володя.

— Я знаю. Только ты не Володя. Ты волк в овечьей шкуре.

— Допустим. Катя, мне очень нужно с тобой поговорить. Задать пару вопросов. Ты сможешь ответить?

Она закачалась из стороны в сторону, задирая рукава своей робы, словно одежда причиняла ей мучения. Я заметил, что ее вены были исколоты — причем синячки на сгибах локтя были совсем свежие.

— Катя, как ты узнала, что на меня хотят напасть?

Девушка продолжала качаться, словно впала в какой-то транс.

— Голос... Голос сказал.

— Какой голос?

— У меня в голове. Я слышу много голосов. Что люди думают, чего хотят, чего боятся. Голоса говорят о том, что было... И о том, что есть сейчас. Но этот голос всегда говорит о том, что будет. Он один такой...

— Этот голос велел тебе меня предупредить?

— Я сама решила, — покачнувшись, ответила девушка. — Просто посмотрела на тебя, и голос сказал, что ты покойник. Уже был покойником, но убежал. А сейчас можешь не убежать.

Она говорила очень странно, и я понемногу начал понимать скепсис Софьи — Катерина явно была не в себе. Но откуда она тогда могла знать, что я не тот, кем являлся? Она же не зря намекала на мое появление в этом мире... Или это я уже натягивал сову на глобус?

— Катя, — я осторожно взял ее за руку. Она вздрогнула, натянула рукава на самые запястья. — Катерина, почему ты здесь оказалась? Что ты сделала?

— Я слышала голоса. И тот, который рассказал про тебя, никому не понравился. Они хотят, чтобы он замолчал... Но я тогда тоже замолчу... Они... Они не понимают!

— Тсс! Тише, пожалуйста.

— Ты сюда не хотела? Тебя насильно привезли?

— Савелий... Савелий привез. Сказал, так всем будет лучше... Сказал, это будет на время... А прошло два года. Я бы не знала, что прошло так много времени, но голос сказал...

Я отстранился от девушки.

Нет, может, конечно, она действительно больна. Шизофрения какая-нибудь или другой страшный диагноз — кукушка-то у нее реально ехала, причем ехала давно. Только в потоке этого помешательства она могла улавливать истину. И могла как-то отличать пророческий голос от остальных.

Может ее сунули сюда, потому что дар страшный? Хотя, несомненно, полезный — потому и держат. Но София говорила, что эту Катерину Давыдову собирались перевести в другое учреждение. Похоже на то, что девушку решили надежно спрятать и использовать в своих интересах.

— Катя, что за уколы?

— Лекарство...

— Знаешь, что за лекарство?

Она помотала головой.

— Они говорят, что от него я буду меньше слышать голоса. Но это не работает. Я все равно их слышу, просто они стали тише. Но я слышу их... И ничего не могу сделать. Раньше могла, раньше были силы и воля. А сейчас не могу. Только слышу...

Видимо, ее чем-то накачивали, чтобы не могла концентрироваться. Может, дар имел разрушительные проявления? Может это и вовсе был тот самый Темный дар, но ее родители по каким-то причинам не хотели отдавать девицу в Орден и решили спрятать, чтобы никому не навредила?

Но как она могла навредить? Я снова взглянул на Катерину, и сердце сжалось от жалости. Одинокая, сумасшедшая, тощая... Зато стало понятно, почему она была так бледна — откуда свету взяться в подвале?

— Катерина, ты хочешь отсюда выйти? С кем можно связаться, чтобы тебя вытащить? Кто может тебе помочь?

Она резко перестала качаться и уставилась на меня своими страшными глазами.

— Подошва. Плита.

— Чего? — не понял я.

— Подошва. Плита. Стук. Подошва. Плита. Стук...

Что-то зашуршало у дверей палаты. Кажется, и правда кто-то шаркнул.

Я бросил взгляд на дверь. Ключ заворочался в замке.

Твою ж дивизию!

Я огляделся по сторонам в поисках укрытия. Поискал глазами ширму, но в этой палате, как назло, ее не было. Тайная дверь была просто врезана в стену — с первого взгляда не заметишь, но если присмотреться...

Черт!

Я не успевал добежать. Поэтому отпустил руку рыжей девушки и бросился под соседнюю кровать. Это единственное, что получилось успеть. Хорошо хоть, что места там было достаточно, а то тело Володи Оболенского отличалось завидными размерами даже в столь юном возрасте.

Упав на холодный пол, я замер. Даже перестал дышать, хотя сердце стучало так сильно, что оглушало меня. В кровь впрыснулось так много адреналина, что я чувствовал дрожь во всем теле. Странное ощущение — прежде такого никогда не было. Словно мое тело само рвалось... Нет, не в атаку. Но готовилось принять бой. Неужели так проявлялась родовая сила?

Но обнаруживать себя я не хотел. Оставалось молиться, чтобы вошедший не заметил прикрытую, но не запертую тайную дверь.

Дверь палаты отворилась с легким скрипом. Я услышал тяжелые шаги, а затем смог рассмотреть из своего укрытия пару высоких ботинок на шнуровке. Надзиратель или охранник. Только размер обуви был совсем небольшим. Женщина.

— Катерина, что за шум? — Спросила вошедшая. Голос был мелодичный, хорошо поставленный, но стервозный, с долей насмешки. — Тебя же просили не шуметь, пока не подействует лекарство. Не можешь и пяти минут усидеть без присмотра? Или я так много от тебя прошу?

Судя по звукам, Катерина заерзала на соседней кровати. Но ничего не ответила. А мне показалось, что в палате резко стало холоднее на пару градусов.

— Ты опять слышала голоса? — продолжила сыпать вопросами женщина. — Что они говорили тебе на этот раз?

— Что Тьма ближе, чем ты думаешь, сука! — рявкнула сумасшедшая девчонка. — Не трогай меня! Убери руки!

До меня донеслись звуки возни. Я услышал звонкую оплеуху, короткий вскрик, затем кто-то даже клацнул зубами — наверняка Катерина защищалась как могла.

— Ах ты маленькая дрянь! — прошипела надзирательница, но, кажется, отступила. — Посмотрим, как ты сейчас запоешь.

Я услышал странный звук. Шорох и щелчок. Чуть придвинулся ближе и увидел телескопическую дубинку в руке у надзирательницы.

Совершенно неуместное наблюдение, но зад у нее был что надо. Туго обтянутый форменными брюками...

Черт, как же хреново, когда разум и тело еще не совсем подружились. Чресла юного Оболенского едва не отреагировали на увиденное самым естественным образом, и мне пришлось приложить кучу усилий, чтобы подчинить себе все рефлексy.

Надзирательница двинулась на Катерину, и та, неуклюже перепрыгнув на другую

сторону кровати, толкнула ее на надзирательницу. Колесики легко заскользили по полу, и женщина шарахнулась в сторону.

— Давыдова! — рывкнула она. — А ну иди сюда! Или хочешь как в прошлый раз?

— Пошла к черту!

Несмотря на тяжелые ботинки, надзирательница действовала очень ловко и проворно. Перепрыгнув катившуюся кровать, она бросилась на Катерину.

«ПОМОГИ!» — рывкнул у меня в голове тот самый голос, который прежде разбудил и спас от убийцы.

Я вздрогнул.

«ПОМОГИ!»

Как я помогу этой Катерине? Она сумасшедшая, даже если и обладает даром. И даже если я сейчас попытаюсь ее отбить у этой надзирательницы, что дальше?

Нападение на надзирателя для меня — гарантированная путевка в карцер или сразу в четвертую группу. Да, прежде я сам планировал туда забраться, но сейчас какой смысл рисковать? Я выяснил то, что хотел. Как минимум, Давыдову держали здесь против ее воли, еще и накачивали какой-то дрянью. Возможно, она такая была здесь не одна. Но даже одной невинной узницы хватит, чтобы утопить это заведение в проверках.

Теперь мне нужно просто попытаться передать эту информацию за пределы острова. Найти кого-то, кому смогу доверять, потребовать пригнать сюда все возможные проверки...

«ПОМОГИ! СЕЙЧАС ЖЕ!»

Этот ужасный вопль едва не разорвал мне голову. Какая-то сила подбросила меня на добрые полметра вверх, и я треснулся башкой о железное дно кровати. Грохнуло так, что звон прокатился под потолком.

Женская возня резко прекратилась.

Проклятье...

Мгновением позже Катерина вскрикнула. Я услышал глухой стук чего-то тяжелого о пол.

— Отдохни пока, Катюша.

Ботинки развернулись и зашагали в мою сторону.

— Так-так, кто это у нас здесь? — нараспев протянула надзирательница. — Вылезай, пока я сама не решила тебя вытащить.

— А вы попробуйте, — проворчал я.

— О, да у нас тут рядовой шутник завелся, — женщина присела на корточки и уставилась на меня.

Кабы не острота ситуации, впору было бы уронить челюсть и пустить слюну. Барышня была чудо как хороша и прекрасно это знала, подчеркивая черты лица и соблазнительные изгибы самым выгодным образом.

Красивое лицо с острым подбородком. Идеально правильные — настолько, что становилось немного не по себе — черты лица. Длинные каштановые волосы были убраны в высокий конский хвост, что придавало ее образу какую-то соблазнительную строгость. Огромные бледно-голубые глазищи, подведенные «стрелками», чуть влажные от возбуждения губы...

Черт.

— Что, птенчик, поиграть хочешь? — улыбнулась она. Только эта улыбка не сулила мне ничего хорошего.

Я оскалился в ответ.

— Если не ошибаюсь, в правилах академии прописано обязательное обращение на «вы» даже к воспитанникам.

— Читать умеет, надо же, — лицо молодой женщины ожесточилось. — Только что-то, гляжу, тебе это не помогло, раз ты здесь оказался.

В следующую секунду она схватила обеими руками кровать и попросту опрокинула ее набок.

— Да еж ты...

Железо лязгнуло о кафельный пол, расколов пару плиток. Я метнулся в сторону от нее, надеясь успеть проскочить мимо, к выходу. Почти успел. Она ухватила меня за край толстовки, когда я почти добрался до выхода.

— Куда?! А ну вернись.

Она рванула меня на себя с такой силой, что ткань затрещала, а я отлетел назад, почти что ей в лапы. Это ж сколько мощи у этой дамочки, если она влегкую переворачивала кровати и таскала восьмидесятикилограммовых парней одной рукой?

Тоже из рода воинов? Богатырша хренова.

Пока я летел, успел сгруппироваться, а она подкинула носком ботинка свою дубинку и ловко поймала правой рукой. Я прикрыл голову, но удар все равно получился болезненным.

— Будешь знать, как игнорировать приказы.

Вот сучка. Пользовалась служебным положением по полной программе. Не просто пользовалась — насильовала правила по полной программе и с особым цинизмом. На что рассчитывала? На безнаказанность надзирателей четвертой группы? Я эту дамочку раньше здесь не видел, хотя, конечно, особо и не успел исследовать остров. И все же что-то подсказывало мне, что ни к кому, кроме четвертой группы, такую отмороженную мадемуазель подпускать бы не стали. Слишком уж был ярок контраст с поведением той же Софии...

— Извините, я не расслышал, — широко улыбнулся я, провоцируя эту дамочку еще больше. — Это же лазарет. Болею...

Она снова замахнулась дубинкой, и я не выдержал. Нет, женщин, конечно, бить нельзя. Но если баба с силой Ильи Муромца начинает ни за что лупасить тебя дубинкой, то извините, тут не до этикета.

Я зарычал и выставил руку, блокируя удар. Дубинка угодила прямым в предплечье и... Сломалась ровнехонько посередине.

— Говно ваша амуниция, — осклабился я, чувствуя, как в венах забурлила кровь. Тело требовало драки. Распробовало и желало продолжения.

— Что за...

Увидев смятение и злость в глазах надзирательницы, я широко улыбнулся.

— А теперь что, врукопашную пойдете?

Но смотрела она не на свою дубинку. А на печать на моем животе. Подняв руки, я задрал и без того коротковатую для моего роста кофту... Которая треснула по шву и теперь болталась лохмотьями.

— Печать, — прошептала она и медленно попятилась. — Печать...

Надзирательница шарахнулась назад, подхватила висевший на цепочке свисток, и издала три резких сигнала, от которых резануло в ушах. В следующий миг она бросилась к двери и пинком выбила ее ногой.

— Тревога! — закричала она так, словно ее убивали. — Нападение на надзирателя! Она вылетела в коридор. Гнаться за ней было бесполезно — сам приду в руки охраны. Бежать?

Позади меня слегка пошевелилась несчастная Катерина. С трудом оторвав голову от пола, она тут же снова ее уронила. Я забеспокоился, что девчонка слишком сильно ударилась.

— Катерина! — я подскочил к ней. — Катя! Ты как?

Она не издала ни звука. С и без того бледного лица сошли последние краски, и выглядело это жутко. На всякий случай я приложил руку к ее шее, ища пульс. Нащупал. Ровный, просто замедленный. Давыдова дышала, но, кажется, провалилась в беспамятство. Видимо, то лекарство, которым ее снова накачали, начало действовать. Забористая же у них здесь была дурь.

Нам-то что делать, Хруст?

Я взглянул на потайную дверь. Ну уйду сейчас — так все равно же найдут. Я был свидетелем того, как эта надзирательница обращалась с Давыдовой. Как минимум, имел место «неуставняк», а я мог разболтать. К тому же эта садистка увидела на мне печать. Значит, они точно станут меня искать по всем палатам и не успокоятся, пока не поймают. Вопрос, что будет дальше...

Вылезти на улицу? На окнах были решетки. Сперва выбить стекло, потом разогнуть прутья... Наверняка у меня бы это получилось с таким приливом сил, но на это уйдет слишком много времени. Катя точно не помощница, да и не факт, что она бы не сдала меня, будь она в сознании. Все же сумасшедшая, ненадежная.

Резче, Хруст! Нужно успеть главное — сообщить, каким-то способом дать понять Софии, что ты оказался прав. Что и она тоже не зря подозревала неладное.

Я заблокировал дверь кроватью и принялся рыться в прикроватных тумбах. Нашел огрызок карандаша и кусок какой-то бумажки — то ли старая справка, то ли обрывок инструкции к какому-то препарату. И написал только одно слово — «Друзилла». Затем быстро свернул бумажку и затолкал в резинку штанов — в дырку люверса, из которого выходила тесемка.

А затем направился к потайной двери. Может успею добежать до своей палаты и оставить записку. София точно придет. Спрячу так, чтобы нашла. Я уже говорил ей о Друзилле — она поймет, если совсем не дура. Поймет, что нужно сообщить Темной матери и поставить на уши весь ее страшный Орден.

Но было поздно.

Тайная дверь распахнулась, треснув меня по лбу. На пороге стояла та самая садистка, избившая Катерину, а за ней — двое крепких охранников.

— Куда-то собрался? — сладко улыбнулась она.

Я инстинктивно покосился на основную дверь. Она уже дрожала от ударов.

Вот же дерьмо. Сам загнал себя в ловушку.

— Что здесь происходит?!

Голос Тимофея Викторовича сейчас звучал, как труба ангела. Лекарь застыл в дверях пустой палаты за спинами надзирательницы и охранников.

— Я спрашиваю, что здесь происходит? — прогремел он.

Красотка-надзирательница обернулась к нему с милейшей улыбкой.

— А здесь у нас, дражайший Тимофей Викторович, происходит задержание

нарушителя. Этот воспитанник оказался не в своей палате, а при попытке выяснить причину напал на меня.

Ах ты ж дрянь глазастая! Будешь строить из себя оскорбленную невинность?

Я встретился глазами с лекарем, и тот едва заметно покачал головой. Понятно, защищать он меня не будет — я сам нарвался. Да и подставлять Тимофея Викторовича тоже не хотелось — все же он мне помог. Значит, буду отвечать сам.

— Я просто увидел дверь, она оказалась открыта... — начал я, но меня остановил удар под дых. Я скрючился, выплевывая воздух.

— Прекратить! — взревел лекарь. — Напоминаю, вы в Лазарете. А это — мой подопечный, который восстанавливается после тяжелой травмы.

— Ваш подопечный сломал мою дубинку, — отрезала надзирательница и продемонстрировала огрызок своего оружия. — Полагаю, он уже достаточно здоров, чтобы понести наказание.

Лекарь пытался защитить меня как мог.

— Это мне решать, — ответил он. — Без приказа никуда Оболенского не отпущу. Он должен быть под надзором.

Надзирательница уставилась на лекаря в упор.

— О, мы как раз и намереваемся обеспечить ему круглосуточный надзор. Особенно с учетом того, что юноша отмечен печатью Тьмы. А если вы, Тимофей Викторович, будете дальше препятствовать моей работе, боюсь, мне придется доложить высшему руководству о вашей профнепригодности. Иначе как вы могли не заметить отметину Тьмы? Или заметили, но не доложили? Тогда, боюсь, это тоже подведет вас под дисциплинарные взыскания. Поэтому мой вам совет, дражайший Тимофей Викторович. Не мешайте. Мне. Работать.

Ну не сволочь ли, а? Стерва глазастая. Лекарю было нечего ей противопоставить — он таки нарушил правила. И если дойдет до проверки — а до нее дойдет, если он продолжит настаивать, — то все убедятся, что печать Тьмы была настоящей, и сказка про татуировку не прокатит.

— Тимофей Викторович, прошу прощения, — сказал я. — Действительно, заскучал, увидел, что палаты соединяются между собой дверями. Один замок взломал, вторая была не заперта...

— Достаточно, господин Оболенский, — прервала меня надзирательница.

— Но я видел, как она...

— Достаточно.

— Что, опять бить будете? — я с вызовом уставила на стерву. — Чего мелочиться, давайте в главный холл выйдем и все отряды соберем. Пусть посмотрят, как вы меня отделаете только за то, что я оказался не в той палате!

Лекарь снова покачал головой, словно советовал мне перестать нарываться. А меня уже несло. Я уже понимал, что дальше дело будет туго. Наверняка меня сейчас засунут в карцер, затем организуют перевод в четвертую группу... А дальше будет интересно и тяжело. И эта стервозная бабища точно отведет на мне душу по полной программе.

Страшно? Нет, не особо было страшно. Боли я не боялся — просто не любил. В прошлой жизни приходилось и носы ломать, и руки, и ребра. Наследственность такая. Батя вор, хотя и умный и начитанный мужик. Вроде даже на истфаке университетском учился да не закончил. Матушка — слабая чувствительная женщина, которая так и не вынесла правды о любимом человеке и начала искать утешения в спиртном.

А я с пятнадцати лет выполнял роль мужика в семье. Правда, компания мне попалась ни разу не похожая на светское общество. Район такой. Так что деньги в помощь матери я доставал, но не всегда это давалось легко. Это уже потом, как жареный петух клюнул, я стал добропорядочным гражданином. Но бывало всякое.

Серьезно, женщина с дубинкой после такого не казалась чем-то очень страшным. Разве что смущали ее физические данные... И то, что она, кажется, получала удовольствие от причинения страданий другим.

— Мы забираем Оболенского, — распорядилась стерва, глядя на лекаря. — С этого момента он переходит под наш надзор.

— На каком основании?

— На том, что юноша поднял руку на надзирателя. Это карцер. А для этого юноши, насколько я помню, третья группа была установлена авансом. Так что справедливость восторжествовала, — елеиным голоском произнесла надзирательница. — Оболенский отправится туда, где ему самое место, до дальнейшего решения вопроса на уровне Администрации.

Я хотел попытаться передать лекарю записку, но чертовы охранники встали столбом и загородили мне путь. Ладно, раз уж все равно карцер...

Осторожно поддел люверс ногтем, я вытащил скрученную в трубочку бумажку. А затем без предупреждения рванул к врачу.

— Держать его! — рывкнула надзирательница, когда я, оттолкнув ее, торпедой протаранил одного из охранников.

Дотянуться бы до кармана его халата...

— Успокоить! — крикнула женщина за моей спиной. — Всади ему!

Кто-то схватил меня и потащил назад. Я успел ухватиться рукой за край халата Тимофея Викторовича. Он удивленно на меня взглянул.

Мне в шею что-то вонзилось. Маленькое и острое. Игла? Я дернулся пытаюсь вырваться.

— Хрен вам, а не...

Я захлебнулся собственными словами. Резкая слабость накатила сразу на все тело. Конечности словно отнялись, я перестал чувствовать мышцы, и даже шея расслабилась так, что голова безвольно повисла. Пальцы разжались, и я выронил бумажку под ноги лекарю.

— Нет... — падая, успел проговорить я.

— О да, — улыбнулась надо мной женщина, лицо которой с каждым мгновением становилось все менее четким. — О да, малыш.

Наркотический сон был тревожным. Странные, почти абстрактные образы, обрывки воспоминаний из прошлой жизни, смешанные с эпизодами из новой. Было хреново, но я не мог очнуться, как ни старался. Словно какая-то невидимая, но могущественная сила, держала меня в тюрьме собственного сознания.

Наконец к этим обрывкам и образам начали примешиваться голоса. Вполне реальные. Мне даже показалось, что один из них я знал.

— Вы поступили опрометчиво и своими действиями поставили под угрозу нашу деятельность, — журил кого-то незнакомый низкий мужской голос. — Предыдущий объект поступил к нам всего два месяца назад. Нужно действовать осторожнее, дабы избежать лишних подозрений. Среди надзирателей верхних групп и так циркулируют слухи и догадки. Ваши действия могут усугубить ситуацию.

— Но этот объект отмечен печатью Тьмы, — возразила женщина мелодичным, хорошо поставленным и слегка стервозным голосом. Я его узнал. Точно ведь знал... — Я же действовала согласно вашим требованиям. Вы велели обращать особое внимание на объекты, которые имеют связь с Тьмой, и немедленно доставлять их сюда. А этот объект... Я бы не стала вас беспокоить ради рядового случая.

Мужчина долго не отвечал, словно взвешивал слова или о чем-то размышлял.

— Разумеется. Однако проблема в том, что этот объект — Оболенский. Слишком ненадежный юноша. И неудобный. Он известен всему Петербургу, а его род рано или поздно начнет задавать Академии неприятные вопросы.

— Но я вижу в этом возможность, господин! — с жаром ответила женщина. — Если нам удастся воздействовать на него, это даст нам преимущества в будущем! Только подумайте, сколько...

— Тише, Драгана, — осадил ее мужчина.

— Господин, послушайте, — она перешла на шепот. — Это действительно наш шанс! Да, придется много над ним работать, но Оболенский будет полезен. Он из влиятельного рода и сможет выполнять задачи в высших кругах. Кроме того, в его роду встречаются носители связи с Тьмой. Сестра покойного князя занимает видное место в Ордена. И то, что у объекта проявилась печать, может нести большой потенциал...

Мужчина устало вздохнул.

— И риски, Драгана. Чем влиятельнее род, тем больше проблем он может нам создать. Очень скоро Оболенские начнут интересоваться, почему не могут встретиться со своим родичем.

— Они знают правила Академии. Они передали отпрыска под нашу ответственность и согласились с установленными порядками. Четвертой группе запрещены связи с внешним миром, пока идет активный процесс перевоспитания...

— На какое-то время это усыпит их бдительность, но что дальше?

— Дальше... — Драгана задумалась. — Сперва нужно проверить его потенциал, и это я беру под свою личную ответственность. Если юноша имеет крепкую связь с Тьмой и проявит силу, нужно как можно скорее взять его под контроль. Потому что иначе его родственница из Ордена тоже попытается воспользоваться его даром. Нам нужно успеть первыми. Нельзя

упускать такой шанс!

— Именно это мне и не нравится, Драгана, — ответил мужчина. — До недавнего момента наша миссия была в относительной безопасности, поскольку мы тщательно отбирали объекты для работы. Сироты, неудобные опекунам, лишние рты в обедневших родах, безнадежные... Те, чье отсутствие мало кого беспокоит. Те, на кого не обратит внимания Орден. Но сейчас вы предлагаете взять в оборот человека, которого точно станут искать. И хотя возможности соблазнительны, я должен как следует все взвесить...

— Прошу, дайте мне шанс его испытать! — взмолилась Драгана. — Быть может, печать еще и пропадет. Может юноша просто был отмечен каким-нибудь ритуалом или темным заклятьем. И если Тьма в нем не заинтересована, то быстро отпустит, а клеймо исчезнет. В таком случае мы просто... Сделаем его неопасным.

Чего?!

Я с трудом приоткрыл один глаз — дурь, которой меня накачали, все еще действовала, и каждое движение давалось с трудом. По всему телу разлилась нега. Хотелось просто расслабиться и лежать с закрытыми глазами...

Ну уж хрен. Соберись, Хруст! Сперва нужно понять, где я оказался. И если этот странный разговор мне сейчас не померещился, то, кажется, в обозримом будущем меня ждали серьезные проблемы.

Я лежал на кровати — привязанный крепкими ремнями по рукам и ногам. Миленько. В самой палате, больше похожей на одиночную камеру, было темно — свет лился из-за стеклянной стены, отделявшей мою каморку от другого вытянутого помещения.

А подвал, как выяснилось, был большим. Похожий одновременно и на тюрьму, и на лабораторию. Разделенный вполне современными стеклянными перегородками на отсеки, он был наполнен странным оборудованием. Здесь были и старинные сундуки с какими-то темными склянками, и новейшие микроскопы, какие-то камеры с непонятными мне механизмами...

Если это пыточная, то меня точно ждет ад.

Двое разговаривали как раз недалеко от моей камеры. Я узнал стервозную красотку с замашками садистки — значит, ее звали Драганой. Странное имя. Балканское? А вот ее собеседник удивил меня еще больше.

Мундир нельзя было определить, поскольку сверху он накинул белый халат. Средних лет, но уже с сединой на темных волосах. Очень высокий, под два метра, широк в плечах. Лицо благообразное, смугловатое, с темными глазами, блестящими под стеклами изящных очков в золотой оправе. Когда он скрестил руки на груди, я заметил на его мизинце печатку помимо обручального на безымянном пальце. Похоже, аристократ — многие мужчины носили перстни с гербом своего рода на мизинце левой руки. Западная традиция, наверняка перекочевавшая в Россию вместе с какой-нибудь модой.

Мужчина словно почувствовал мой взгляд и уставился на меня.

— Кажется, господин Оболенский очнулся, — тихо сказал он.

Собиравшаяся что-то сказать красотка Драгана тут же сменила тему.

— Желаете с ним переговорить, господин?

— Почему нет, — пожал плечами он. — Правда, вы всадили в него столько транквилизатора, что я удивлен, что он очнулся сегодня. Впрочем, Оболенские всегда славились выносливостью. Учтите это в дальнейшем подборе дозировки препаратов.

— Конечно, господин.

Он направился ко мне, сверкая дружелюбной белозубой улыбкой. Приблизившись к разделявшему нас стеклу, он нажал что-то на стене, и прозрачная дверь с тихим шумом отъехала в сторону.

— Здравствуйте, Владимир Андреевич, — кивнул он. — Как вы себя чувствуете?

— Точно не как на курорте, — огрызнулся я, с трудом выговаривая слова. Язык едва слушался.

Интересно, когда меня отпустит эта дурь, хватит ли сил разорвать эти ремни? И насколько ударопрочным было стекло?

Незнакомец усмехнулся.

— Что ж, должен признать, вы в наши планы не входили. Однако вы оказались не в то время не в том месте, и это мы проигнорировать не можем. Кроме того, вы нам подходите по ряду факторов.

Я с усилием приподнял голову.

— Для чего подхожу? И что это вообще за место? Где Катерина?

— Удивлен, что вас так беспокоит судьба этой девушки, Владимир Андреевич, — улыбнулся мужчина. — Вы не производите впечатление человека, которому есть дело до остальных. Но, раз уж вы интересуетесь, то Катерина тоже здесь. Отсыпается после очередного сеанса.

Опять эти намеки на сволочную натуру бывшего хозяина этой тушки. Видать, меня здесь никогда не перестанут этим попрекать. Я поерзал на кровати, пытаюсь понять, насколько крепко меня привязали — да уж, работал профессионал. Ладно, тогда пока что просто поговорим. Все равно транквилизатор превратил меня в желе.

— Вы, вижу, великолепно обо мне информированы, — я растянул потрескавшиеся от обезвоживания губы в подобие улыбки. — А вот я вас вижу впервые. И раз уж у нас завязалась светская беседа, мне будет приятно знать, с кем я разговариваю.

— Боюсь, мое имя вам ни о чем не скажет, Владимир Андреевич. Мы с вами никогда не встречались и не должны были встретиться. Однако вы можете называть меня Лазарем.

— Вас что, тоже воскресили на четвертый день после смерти?

— Вы читали Евангелие от Иоанна? — удивился Лазарь.

О, ты удивишься, сколько разных книг мне довелось перечитать. Отцовская библиотека отличалась разнообразием...

— Я умею удивлять, — осклабился я.

— Что ж, в четвертую группу редко попадают воспитанники, читавшие что-либо, кроме азбуки, — глаза мужчины блеснули интересом. — Вижу, вы и правда полны сюрпризов, Владимир Андреевич. Тем приятнее будет обсудить ваши перспективы.

Я поискал глазами Драгану. Красотка прислонилась к стене, скрестив руки на груди. Всем своим видом она показывала расслабленность, но я нутром чувствовал, что на самом деле надзирательница была собрана и готова в любой момент броситься на защиту своего «господина».

— Знаете, клевета и наветы — не самое приятное начало для знакомства, — сказал я, покосившись на стерву. — Эта барышня меня оболгала, чтобы засунуть сюда.

Лазарь пожал плечами.

— Боюсь, вы ее вынудили, Владимир Андреевич. Зачем вы пошли гулять по палатам? Почему нарушили запрет? Неужели вам не сиделось в своей уютной кроватке. Следуй вы правилам, сейчас так бы и пили витаминки в Лазарете, отлынивая от работы. Но вы сами

решили найти Катерину.

Я ухмыльнулся.

— Значит, вы так свидетелей убираете? Засовываете сюда?

— Не всех. Здесь содержатся лишь те, кто нам интересен.

Видимо, четвертая группа тоже делилась на две половины. Первая — те, кто действительно что-то злостно нарушил, но не был интересен Лазарю и его миньонам. Там, вероятно, с ними действительно работали в направлении перевоспитания. Наверняка же этим товарищам нужна была какая-то ширма для прикрытия своей истинной деятельности.

А вот вторая... Драгана сделала особый акцент на моей связи с Тьмой. Катерина хоть и была помешанной, но могла прорицать. Значит, сюда отбирали тех, кто обладал какими-то полезными способностями? При этом еще и фильтровали воспитанников — Лазарь же упоминал, что они брали тех, кого будут не так активно искать...

— И чем же я могу быть вам полезен, дражайший Лазарь?

— Пока не могу сказать. Все будет зависеть от того, проявите ли вы способность к управлению Тьмой.

— Допустим, проявлю? Что дальше?

— Вас обучат владеть своими способностями на приличном уровне, а затем вы выполните для нас ряд поручений.

— Для «вас» — это для кого?

— Не все сразу, Владимир Андреевич, — снисходительно улыбнулся Лазарь. — Мы с вами еще не договорились. Я не готов откровенничать бесплатно.

Я окинул многозначительным взглядом свои пути.

— По-вашему, у меня есть выбор? — отшутился я. — Кажется, я не в том положении, чтобы отказываться от какой-либо договоренности.

— Выбор, Владимир Андреевич, есть всегда, — философски заметил Лазарь. — Другой вопрос, что часто приходится выбирать между условно приемлемым вариантом и совершенно неприемлемыми. У вас есть три варианта, правда. Первый вам, быть может, еще понравится. Второй — сомневаюсь. А третий, уверен, не придется вам по душе.

— Так не томите же, — подначивал я своего тюремщика. — Но прежде, прошу, дайте мне пару глотков воды. Не знаю, что вы мне вкололи, но в горле пересохло так, что я едва могу говорить.

Лазарь взглянул на Драгану, кивнул ей, и надзирательница с явной неохотой куда-то вышла. Не прошло и десяти секунд, как она вернулась с одноразовым пластиковым стаканчиком с водой. Довольно странно для такого места — я ожидал хотя бы металлическую посуду. С другой стороны, если здесь держали психов и прочих условно опасных элементов, то ожидаемо перестраховывались. Пластиковым стаканчиком не убьешь. Наверное.

Драгана молча поднесла к моим губам воду, и я сделал несколько глотков.

— Благодарю, — кивнул я Лазарю. — Давайте начнем с самого скверного, по вашему мнению, варианта.

— Вы выйдете отсюда вперед ногами, — просто сказал мужчина. — Признаюсь, вариант крайне нежелательный ни для вас, ни для меня, однако именно для вас он будет фатальным. Утешает лишь то, что мы оба не хотим до этого доводить. Ведь так, Владимир Андреевич?

Ну я уж точно не для этого «воскресал» в чужой тушке. Нет уж, мне стало интересно

пожить — хотя бы для того, чтобы выяснить, как я могу помочь оставшейся в старом мире матери. Может Витек и ребята и взяли над ней шефство, но вряд ли смогут сделать то, чего хотел для нее я. Теперь у нее никого не осталось. А я хочу, чтобы она прожила остаток жизни в тепле, спокойствии и безопасности.

— Да, — кивнул я. — Поэтому с удовольствием рассмотрю иные варианты.

Лазарь снова улыбнулся и подошел ко мне еще ближе.

— Если вы не согласитесь сотрудничать, мы сможем вас отпустить. Но для этого придется провести ряд мероприятий, чтобы вы стали для нас неопасны.

— Боюсь спросить.

— Меры неприятные, скрывать не буду. Нам придется применить метод стирания памяти. К сожалению, у него масса негативных побочных эффектов. Полная потеря памяти, стирание личности, органические повреждения головного мозга, влияющие на работу всей центральной нервной системы... Вы не умрете, смею вас успокоить. Однако и на жизнь, о которой вы мечтали, это похоже не будет.

— Превратите меня в овоща?

— Какая грубая формулировка, Владимир Андреевич! — театрално возмутился Лазарь. — Впрочем, пользы от вас будет еще меньше, чем от пучка укропа. В наихудшем случае ваш мозг просто будет поддерживать жизнь в уже бесполезном теле. Ни способности мыслить, ни возможности говорить или двигаться... А с учетом того, что вы совсем недавно получили серьезную травму головы, то такой исход более чем возможен.

Пугал, сволочь такая. Но бил он метко и по больному. Кто в здравом уме согласится на то, чтобы до конца своих дней ссаться и срать под себя, пускать слюни и мычать? Особенно совсем молодой и полный сил юноша, перед которым еще несколько дней назад простирался весь мир. А я сам слишком часто видел такую беспомощность. Нет, лучше просто убейте.

— И мы плавно переходим к третьему варианту, — ответил я. — Если я соглашаюсь на сотрудничество с вами, что нужно делать и что меня ждет?

Лазарь пробежался длинными тонкими пальцами по изголовью моей кровати.

— Как я уже сказал, вы пройдете необходимую подготовку — в том числе и ментальную, а затем выйдете отсюда, чтобы выполнять для нас необходимые поручения. Ваше пребывание в Академии закончится, но у вас начнется новая жизнь.

— Какого рода поручения?

— Этого я пока не могу сказать точно. Потребности бывают разные. Возможно, иногда даже придется кого-нибудь убивать... А может вы будете полезны в качестве информатора или сможете развить успешный бизнес и обрести нужными нам связями.

Я тряхнул головой, пытаюсь переварить услышанное. Чертов транквилизатор замедлял мозг в несколько раз. Что это за люди такие? И чего они хотят? Не от меня — вообще. И почему ко мне возник такой интерес именно после того, как на мне обнаружили печать Тьмы?

— А чем вам Орден не угодил? — я решил сыграть в дурачка. — Насколько я понял, его члены могут оказывать необходимые услуги. Да, все под запись, но...

— Орден много кому и много чем не угодил, — отрезал Лазарь, давая понять, что эту тему со мной обсуждать не намерен.

— А зачем вам все это? Зачем вы делаете из людей вроде меня солдат?

— Солдаты... Интересная формулировка. Но мы предпочитаем именовать вас

эmissарами.

— Эmissары — это посланники. Посланники чего?

— Нашей воли. Мы существуем вне государств, сословий и религий. Но наша задача — следить за соблюдением нужного порядка. Иногда для этого требуются люди вроде вас.

— Вы что, масоны?

Здесь уже рассмеялся сам Лазарь.

— Не совсем. Увы, большего в данный момент я вам рассказать не могу. Но обещаю одно — если мы устроим друг друга, вас ждет крайне интересная жизнь.

Ага. И недолгая, судя по всему.

Впрочем, другие варианты мне и правда нравились еще меньше. Хочешь жить — умей вертеться. Раз я им нужен, стоит попытаться обратить это себе на пользу.

Может лекарь заметил записку. Может передал ее Софии. Может она смогла каким-то образом связаться с Друзиллой. Может я остался не один лицом к лицу с этими странными, но явно могущественными людьми. Но это покажет время. Значит, нужно его тянуть.

— Тогда я согласен, — кивнул я. — Нужна моя кровь, чтобы подписать договор?

Лазарь вздохнул.

— Все шутите, Владимир Андреевич. Что ж, ваше первичное согласие я получил. Однако имейте в виду, что этот вариант будет вам доступен лишь в том случае, если вы проявите потенциал. Нам нужно убедиться, что Тьма действительно вас выбрала, что у вас есть с ней крепкая связь.

— А если этого не будет?

— Первый или второй вариант. Отсюда иначе не выходят. Безопасность миссии, понимаете...

— Выходит, у меня и правда только один выбор, — улыбнулся я. — А не боитесь, что я сейчас соглашусь, а потом решу поступить по-своему? Выйду с острова, окажусь в безопасном месте, а потом сдам вас с потрохами тому же Ордену. Там-то точно заинтересуются вашей инициативой.

Драгана рассмеялась. Реакция Лазаря была более сдержанной.

— Боюсь, Владимир Андреевич, такому сценарию не суждено осуществиться. Мы никогда не оставляем своих эmissаров без контроля, — он повернулся к красотке-садистке. — Приступайте к испытаниям, Драгана.

Лазарь удалился, оставив меня наедине с надзирательницей. Девушка подошла к моей кровати, сняла с пояса новую дубинку и ловким жестом открыла ее на всю длину.

— Не жалко казенного имущества? — улыбнулся я.

— Думаешь, попал на курорт? — она приблизила ко мне свое до жути правильное лицо. — Думаешь, раз выторговал немного времени, то теперь заживешь? Нет, малыш. Очень скоро ты пожалеешь, что не согласился на быструю смерть. Если, конечно, тебе не повезет и твой дар не проснется вовремя.

Я рассмеялся. То ли транквилизатор так действовал, то ли еще что-то, но пафос этой дамочки начинал меня откровенно забавлять.

— А слабо меня отвязать, дождаться, пока закончится действие дури и схватиться со мной врукопашную? — выплюнул я ей в лицо. — Или боишься прическу испортить?

Я ее не боялся. Знал, что ничего хорошего ждать от нее не следовало, но это будущее меня не пугало. Не знаю, что за изменения в сознании произошли за то время, что я был в отключке, но сейчас я ощущал себя увереннее. И дело было не в лекарстве. Его действие как раз, наоборот, раздражало.

Нет, это было нечто совершенно иное. Руки требовали драки и крови. Странная жажда.

Драгана равнодушно пожала плечами.

— Понадобится — я тебя голыми руками разорву.

— Уверена, сладкая? — ухмыльнулся я.

— Смейся, смейся.

Она развернулась и направилась к выходу, царапая кончиком дубинки стену. Затем набрала что-то на стенной панели, и стекло снова нас разделило.

— Боюсь, у меня мало времени, так что программа испытаний будет интенсивной, — широко улыбнулась она из-за стены. — Не разочаруй меня, малыш. Я сделала на тебя большую ставку.

Стекло начало мутнеть, и я больше не мог разглядеть того, что происходило в большом вытянутом зале. Но вот Драгана наверняка могла меня видеть — едва ли она оставила бы меня без присмотра. Наверное, это как с теми зеркалами в комнатах для допросов, которые показывали в кино.

Я оглядел свою, с позволения сказать, палату. Да уж, на украшение интерьера не потратились. В этой серой коробке с гладкими стенами не было ничего, кроме кровати, к которой я был привязан. Даже ни одного выключателя. Просто маленький каменный мешок. Лишь на самом верху, под потолком, темнело отверстие вентиляции — такое узкое, что моя рука бы не поместилась, да какие-то решетки в полу, похожие на сливные.

Хреновенько.

Я уставился в такой же серый, как и стены, потолок. Итак, ты выиграл немного времени, Хруст. Согласился, чтобы они не прикончили тебя сразу. Теперь нужно воспользоваться этой форой.

Разумеется, я не собирался сотрудничать с этим Лазарем, кем бы он там ни был и кого бы ни представлял. Что это вообще за организация такая, если они позволяют себе ставить эксперименты на брошенных... детях? Да, пусть местный контингент действительно

нуждался в перевоспитании, но вот так-то с ними зачем?

Сжечь это осиное гнездо, чтобы только пепел остался.

Вопрос — как это сделать. Я видел лишь один очевидный путь: сперва дать им немного того, что они хотели, и все это время ждать момент, чтобы вырваться отсюда. А там... Связаться с отцом и братом. Поставить на уши всех, до кого дотянусь. Чтобы всю эту академию закатали в асфальт.

Если выживу, конечно.

Мне показалось, что за стеклом двигались тени. Кто-то наблюдал? Не дождетесь, кина не будет. Я снова уставился в потолок, прикидывая, как лучше подыграть, чтобы они мне поверили. Как усыпить их бдительность...

Мне показалось, что из вентиляционного отверстия доносился какой-то шум. Что-то вроде шороха. Глаза закрывались, резко захотелось спать...

* * *

Я распахнул глаза и инстинктивно попытался схватиться за горло. Проклятые ремни не давали пошевелиться. Я задышался. Комнату заполнил какой-то бледно-желтый дым. Мутный, едкий, словно он вытеснял кислород.

— Ххх... Хрр...

Со всей силы я рванул руку. Не вышло. Еще раз — кожа ремня затрещала, но я сейчас слышал только стук собственного сердца. Легкие разрывались, сердце колотилось как бешеное. Еще немного — и я отключусь.

Беззвучно крича, я со всей силы рванул правую руку. Есть! Голова кружилась, мышцы скукожило, и я непослушными пальцами принялся расстегивать другие ремни.

Что это за хрень?!

Освободившись, я бросился к стеклу. Из темноты на меня смотрела Драгана. Оценивающе, с любопытством безумного ученого. Я ударил в стекло, но она даже не отшатнулась.

— Оно непробиваемое, малыш, — улыбнулась надзирательница. — Зря пытаешься.

— За... зачем? — прохрипел я.

— Чаще всего сила Тьмы пробуждается в носителях, когда им угрожает смертельная опасность, — улыбнулась Драгана. — Настоящая смерть, и когда объект оказывается на грани гибели... Тогда Тьма приходит на помощь своим избранникам.

Меня мутило от проклятого газа. Конечности дрожали, хотя пальцев я не чувствовал. Да и лица словно не было — онемевшая маска. Я медленно сполз на пол.

— Видимо, в этот раз мы немного недожали, — продолжила надзирательница, склонившись надо мной перед стеклом и продемонстрировав неуместное в этой ситуации декольте. — Ничего. Скоро ты восстановишься. Чем хорош твой род — вас действительно трудно убить. Но и я упряма. Я заставлю Тьму в тебе откликнуться.

Внезапно заревела вентиляция, всасывая желтоватый газ. Секунда, другая, третья... я почти отключился, но затем в камеру пустили воздух.

Я лежал, жадно вдыхая кислород. С каждым вдохом тело расслаблялось, кровь бежала быстрее. Но на меня накатила ужасная слабость и тошнота. Последнюю я с трудом подавил,

но организм требовал взять паузу на восстановление.

Я сам не заметил, как провалился в забытьё...

* * *

Кажется, я даже увидел сон.

Симпатичная лесная поляна. Ягоды земляники с капельками росы искрились на утреннем солнце. Шуршала листва на ветерке, пели скворцы. Рядом весело журчал ручей, и я подошел к нему, опустил воду в ледяную воду... Меня обдало прохладой — приятное ощущение.

Жаль, что это был лишь сон.

Я открыл глаза и уставился на все тот же серый потолок. Кажется, все же выпался.

Я не знал, сколько получилось проспять. В этом месте невозможно было определить время дня. Одно хорошо — тело действительно быстро восстановилось, и никакой слабости я уже не чувствовал. Вероятно, действие транквилизатора тоже закончилось — голова была ясная.

Но радовался я недолго.

Сперва мне показалось, что сон еще меня не отпустил, потому что я слышал журчание воды. А затем понял, что сам лежал в ней.

— Что за черт?!

Я вскочил, оглядываясь по сторонам. Вода прибывала откуда-то снизу — с каждой секундой уровень поднимался. Я бросился к мутному стеклу. Сукины дети даже не хотели, чтобы я смотрел им в глаза.

Как же они достали меня своими фокусами.

— Эй! Хорош! — рявкнул я, ударив по стеклу.

Ответом мне была лишь короткая усмешка Драганы.

— Я же сказала, что добьюсь пробуждения дара, если он в тебе и правда есть, — донеслось из-за стекла.

Стерва!

А вода все прибывала. Я пытался найти укрытие, но тщетно. Здесь не было спасения. Моя камера стремительно превращалась в гребаный аквариум. Вода стала бежать быстрее, уже две трети высоты, три четверти...

Нужен воздух. Больше воздуха. Меня накрыло с головой, вода уже была под самым потолком.

Вдохнув поглубже, я подплыл к стеклу, пытаясь его выбить. Раз, два, три — никак. Вокруг пузырилась вода, я почти ничего не видел, но продолжал колотить мутную стену. И я быстро выбивался из сил.

Вода заполнила собой все пространство.

Я подплыл к потолку, втянул последний воздух — мало, слишком мало. Легкие разрывались, шум и стук в голове слился в музыку смерти. Скоро, совсем скоро тело выйдет из-под контроля и начнет убивать нас еще быстрее. Отвратительная смерть.

И хорошо, если она меня убьет. Но, скорее всего, за этим последует новая пытка.

Мутное стекло, отделявшее мою камеру от зала, снова стало прозрачным. В паре шагов

от него стояла, скрестив руки на груди, Драгана. И улыбалась. Улыбалась, тварь — сладострастно, искренне наслаждаясь моими мучениями. Она что-то сказала и приблизилась, словно хотела впитать, запомнить каждую деталь моих мук. Хренова садистка.

У меня перед глазами все поплыло радужными кругами.

Действуй, Хруст! Сейчас. Или сдохнешь.

Я замолотил кулачищами о стекло под беззвучный хохот надзирательницы. Звук воды заглушал удары, да и сопротивление жидкости делало их слабее.

Нельзя сдаваться. И вырубаться нельзя. Иначе она придумает еще что-то. А меня эти игры достали. С каждой новой выходкой Драгана борзела все сильнее, а на такое я не подписывался.

Я ударил со всей силы. Стекло отпружинило, выдержало. Новый удар — ровно туда же. И еще один. Я призвал на помощь все рефлексy, всю силу, все наследие рода Оболенских — чтобы пробить эту проклятую стену.

Удар. Еще. Удар. Еще.

Драгана хохотала. Я бил в стекло. Снова и снова, пока оставались силы. Но с каждым ударом я чувствовал себя все безнадежнее.

— Аааааа!!!

Я заорал в воду, вкладывая в этот крик и удар всю оставшуюся мощь. Казалось, на долю секунду я вырубился — но тут же распахнул глаза.

Неужели...

За испещренной пузырьками тощей воды по стеклу пробежала паутинка трещины. Подплыл к самому потолку, ухватился соскальзывавшими пальцами за дыру и со всей силы ударил обеими ногами.

Руки сорвались. Уши наполнились шумом и грохотом. Вода вырвалась через разбитое стекло, снося осколки прозрачной стены, и затянула меня с собой. Я плюхнулся на мокрый пол, словно выпрыгнувшая из аквариума рыбина. Только для меня воздух был спасением.

— Ааа-ы-х!

Голова чуть не взорвалась, когда я сделал первый глоток полной грудью. Отплевываясь от воды, я встал на четвереньки. Ровный слой воды примерно по щиколотку покрывал пол большого зала. На поверхности плавали какие-то бумажки, пластиковые стаканчики, шариковые ручки... А на полу виднелись, словно остатки древней мозаики, осколки выбитого мной стекла.

Кто-то кричал.

Я поднял голову и медленно поднялся, нащупав в воде стекляшку побольше и поострее. Драгана бросилась к одному из столов, принялась судорожно нажимать какие-то кнопки, одновременно с этим крича в телефонную трубку.

— Обезвредить! — рявкнула надзирательница, увидев меня. — Двойную дозу!

Двое охранников — или надзирателей, бросились ко мне.

Ага. Щас.

Смахнув промокшую челку со лба, я ухмыльнулся. Тело снова наполнилось уже знакомой мне силой, что просыпалась лишь в моменты боя. Ноги пружинили, готовясь сорваться с места, пальцы крепко сжимали острое стекло. Кажется, оно порезало мне ладонь, но я совсем не чувствовал боли. Сердце колотилось быстро, а время словно замедлилось.

Первый охранник летел на меня, вскинув дубинку — я отклонился, выставив руку со стеклом. Осколок резанул его руку — мужик взвыл, разжимая пальцы. Я скользнул в воде, развернулся и оказался за его спиной.

Руки действовали сами. Один точный удар в шею — и первый повалился в воду, окрашивая ее красным.

Ничего себе...

Удивляться времени не было. Второй, увидев судьбу своего товарища, сменил шприц в руке на нож. Забавно, однако. В учреждении для несовершеннолетних-то.

— Вернись в палату! — зачем-то приказал охранник, словно это могло меня остановить. — Сделаешь это по своей воле — и тебе ничего не сделают.

Я покачал головой. И в следующий момент метнулся к нему. Этот оказался проворнее. Взметнув брызги, он уклонился и оттолкнул меня. Я отлетел, врезался в стол, опрокинув какой-то аппарат. Стекляшка вылетела из моей руки, но я успел ее подхватить и сжал крепче.

Охранник двинулся на меня, стараясь загнать обратно в камеру. Ха! Я перепрыгнул через соседний стол, обходя его с фланга.

— Ну чертеньш... — прошипел мужик. — Сюда иди, я сказал!

Я толкнул со стола старинный сундук с реактивами на него. В глазах охранника на миг мелькнул ужас — он шарахнулся назад, но было поздно. Слякоти со звоном полетели вниз.

— Ты что наделал?!

Он попытался забраться на стол. Смекнув, я запрыгнул на свой, оттолкнул мужика, уворачиваясь от его беспорядочных взмахов ножом. Улучив момент, выбил оружие из его руки. Вода под нами начала пузыриться, словно кипела, над сундуком полнялся какой-то странный красноватый дым.

Отрава?

Да что ж такое! Мужик изо всех сил пытался удержаться, но я отпихнул его в воду. Издав вопль, он рухнул на пол, прямо в самый эпицентр непонятной химической реакции.

— Аааа!

Это было похоже на кислоту. Словно что-то разъедало его. Там, где брызги смешанных с водой реактивов попали ему на кожу, мгновенно расцветали волдыри. Кожа краснела и исчезала на глазах. Твою ж маман...

Он пытался выбраться, хватался за край стола, но я отпихнул его, и он окончательно сполз в воду. Реакция прекратилась, красный дымок рассеялся.

Неужели все?

Я судорожно оглядывался по сторонам и наконец отсюда смог увидеть ряд точно таких же камер, как моя. Всего семь, включая мою. Одна пустая, вторая — моя. В третьей, кажется, была Катя — я увидел что-то похожее на копну рыжих волос. Еще в трех камерах горел свет, и двое парней и одна девушка с любопытством прикинули к стеклам. Один из них даже подбадривал меня жестами.

— Хватит, Оболенский.

Я резко обернулся на голос Драганы. Надзирательница как раз закончила сыпать какой-то порошок в воду — видимо, для того, чтобы нейтрализовать реакцию. И медленно двинулась ко мне, шлепая высокими ботинками по начавшей убывать луже.

— Боюсь, сделку придется аннулировать, — ответил я. — Я передумал.

Драгана улыбнулась и откинула с лица прядь волос.

— Очень жаль, — в ее голосе звенел металл. — Впрочем, глупо было ожидать чего-то иного от беспринципного аристократического отродья вроде тебя.

Я удивленно приподнял брови, сходясь с ней на относительно расчищенной площадке.

— Это меня ты обвиняешь в отсутствии принципов? — усмехнулся я. — Красть детей и превращать их в... солдат? Оружие? Пытать ради собственной выгоды, держать взаперти — это что у вас за принципы такие?

Мы кружили, примеряясь, прикидывая, выжидая.

— Ты понятия не имеешь, какой шанс упустил, — тихо сказала Драгана. — Но что еще важнее, мы были твоим единственным шансом прожить подольше. Но теперь пеняй на себя.

Она бросилась первой — в руке словно по волшебству возник нож. Я покрепче перехватил свою стекляшку. Жаль, тот охранник уронил свое оружие в воду — сейчас не найти. Что ж, будем драться тем, что есть.

Драгана была сильна, а я — быстр. И все же опыта у нее было явно больше, чем у меня.

Я отбил первую атаку, но она тут же нанесла второй удар — так быстро, что я не успел отреагировать. Я зашипел от боли в ноге и скользнул взглядом по ране. Вроде царапина, но на бедре. Будет неприятно.

Она танцевала вокруг меня, словно ей это ничего не стоило. Позади нас били о стекла другие узники, плескалась, утекая, вода. Мигали тревожные красные лампочки в коридорах.

— Даже если ты носишь в себе силу, она так и не пробудилась. Может и хорошо, что я в тебе ошиблась, — сказала она и сделала выпад.

Я перехватил ее руку, потянул на себя, лишая равновесия. Мы заскользили на мокром полу, я сжал зубы от натуги. Сильна, хренова богатырша! Мы сцепились, блокируя удары друг друга, приближались... И я со всей дури ударил лбом ей в переносицу.

Надзирательница вскрикнула, а я тут же попытался выбить нож. Хрен там! Она вцепилась в него с такой силой, словно питбуль в руку грабителя. Я резко отпустил ее руку и шагнул в сторону. Она пошатнулась, и я бросился на нее.

Осколок в моей руке хрустнул, когда я вонзил стекляшку ей в грудь.

— О?

Драгана издала удивленный вздох. Уставилась на торчавший из ее груди осколок. Сделала пару шагов назад...

Мне на веки словно опустилась темная пелена. Не помня себя, я зарычал, бросился на нее, повалил на пол и глубже вонзил рассыпавшийся в моих руках кусок стекла. Надзирательница закричала, выгнулась дугой... И только сейчас я увидел, что мои руки — от кончиков пальцев до самых плеч — стали черными.

Ветвистым узором, словно черный туман, Тьма поднималась по моим предплечьям, окутывая и меня, и мою мучительницу. Драгана вытаращила глаза в ужасе.

— Я не... Я теряю... Нет!

Меня затрясло. Я чувствовал, как из нее уходила жизнь. Но какая-то ее часть перетекла в меня.

Драгана дернулась в последний раз, и я опустил ее на мокрый пол. Я поднялся на нетвердых ногах, не понимая собственных ощущений.

А когда задрал кофту, увидел, что печать изменилась. Теперь она сала ярче, темнее.

— Тьма пробудилась, — тихо сказала Катерина, прислонившись лбом к стеклу, и показала на Драгану. — И она поглотила ее силу.

Я медленно отступил от тела надзирательницы. Узор Тьмы стремительно исчезал с моих рук — так же быстро, как и появился.

Что это такое? Что за хренотень случилась? Тьма проявилась, но как именно она работала?

Адреналин все еще заставлял кровь кипеть, но с глаз спала пелена. Черт возьми. Я только что убил человека. Впервые за обе жизни. По крайней мере, за те, что я помнил. Вот так просто — взял и убил. И, честно говоря, в конкретном случае пока что не испытывал особых угрызений совести.

Может, конечно, потом накатит. Но сейчас было не до рефлексии.

Я медленно обернулся к Катерине. Девушка припала к стеклу, сверля меня жуткими расширенными зрачками. Как она вообще могла что-то видеть? Хотя наверняка так проявлялась ее способность. Видимо, снова «поймала волну».

— Катерина, — я шагнул к ней осторожно, боясь спугнуть. Черт знает, как она отреагирует на то, что я только что на ее глазах убил Драгану. Пусть даже надзирательницу, которая за свой садизм не заслуживала жизни. Ну вдруг. — Катя...

Она моргнула, растерянно пригладила растрепанные волосы и уставилась на меня уже нормальными, человеческими, глазами.

— Я тебя не обижу, — предупредил я.

— Знаю.

— Ты сказала, Тьма поглотила ее силу, — я кивнул в сторону Драганы. — Что это значит? Что именно случилось?

Ведьма прикрыла глаза и беззвучно зашевелила губами. Ее лицо исказилось гримасой мучения.

— Трудно... Плохо слышу... Они опять меня укололи. Лекарство глушит... Они не дают его только когда нужно, чтобы я слышала голос для них...

Я приблизился к стеклу и уткнулся в него лбом. Прохладное, мокрое.

— Так что это значит, Катя? Объясни мне. Пожалуйста.

— Тьма в тебе проснулась, — прошептала она. — Когда ты убил, Тьма проснулась. Ты убиваешь — она просыпается. И пожирает.

— Жертв?

— Силу, — Катерина зажмурилась еще сильнее. — Тьма пожирает силу того, кого ты убил. И дает ее тебе. Вроде так...

Я удивленно взглянул на свои руки. Изрезанные осколками, окровавленные, но без следов Тьмы. Словно и не было никаких странных узоров.

— Ты забрал ее силу. Силу Драганы, — Катерина смотрела на меня не моргая. — Голос говорит, это редкий дар. А за всем, что редко, будут охотиться. Я так слышу...

Последние слова она прошептала таким слабым голосом, словно теряла последние силы. В следующее мгновение она пошатнулась, закатила глаза и стала медленно сползать на пол.

— Катя!

Я по инерции ударил в стекло. Нужно ее выпустить. Бросился к стене, разделявшей

камеры и уставился на электронный замок с кнопками в виде цифр. Огонек-диод мигал красным. Но я не знал кода. Драгана знала, а ее уже не спросишь.

Опять выбивать стекло?

— Эй! Мокрый! — позвали меня из соседней камеры.

Я обернулся. Тощий паренек в робе колотил по стеклу, привлекая мое внимание.

— Чего тебе?

— Я знаю код. Но скажу, если и меня выпустишь.

— А ты вообще кто?

— Я Денис. Мансуров.

— Откуда коды знаешь?

— Катя здесь не одна одарена ментально, — ухмыльнулся парень и еще сильнее взлохматил растрепанную шевелюру. — Только она голоса слышит, а я немного умею залезать людям в головы.

Я инстинктивно отпрянул от него. Жаль, стекляшка раскололась... Держаться бы подальше от такого уникама. Неровен час — и в мою голову свои грязные культяпки засунет. Или чем он там тянулся к чужому разуму...

— Да не бойся, — улыбнулся паренек. — Я не умею навязывать свою волю.

— Тот, кто умеет, в этом не признается, — ответил я.

— Ну... Наверное. Но я просто могу забираться в головы к людям и видеть их глазами то, что нужно. Но это не так просто. Нужна связь с человеком... Нет времени все объяснять. Тебе код нужен или как?

Я внимательно взглянул на этого Мансурова. Тощий как щепка — скулы и подбородок заострились, словно парень не спал много дней. Под и без того большими темными глазами залегли глубокие синяки, и оттого издали глаза выглядели еще больше.

— Тебя здесь что, не кормят?

— А, ты об этом... — отмахнулся Мансуров. — За всякий особый дар нужно платить, Мокрый. У всего есть обратная сторона. Катя, вон, наша с ума понемногу сходит. А я спать не могу...

Интересно, чем придется расплачиваться мне? Пока что я не замечал побочных эффектов у своих способностей. Может потому, что они считались «базовыми» для нашего рода? Может обратную сторону имели лишь уникальные дары?

А что тогда Тьма? Чем она будет брать с меня плату? Или сам факт того, что я могу отнять способность путем лишения жизни — и есть расплата?

Черт, поговорить бы об этом с кем-нибудь, кто действительно хорошо понимает в таких вещах. Но Катя предупредила — способность редкая. И наверняка найдется кто-то, кому это не понравится.

— Ну хочешь, я докажу? — не унимался паренек. — Отвернись, посмотри на что-нибудь, чего я не вижу. Выбери какой-нибудь предмет — что-то простое, чтобы мне не тратить много сил. И я скажу, что это. Только торопись. Драгана успела предупредить остальных. Сейчас прибежит охрана. А потом на остров нагрянут остальные...

Я с недоверием взглянул на Мансурова.

— Многовато ты знаешь об этом месте.

— Я здесь уже год, — сухо ответил он. — Ну так что, проверять меня будешь?

Дерьмо. Не хватало еще играть в угадайку. Но Катя могла быть полезна. По крайней мере в этом месте она единственная хоть как-то отвечала на мои вопросы о Тьме. Да и

бросать ее здесь не хотелось. Если она действительно больна, пусть ей оказывают помощь в психбольнице, но не держат здесь не пойми для чего.

И еще она все-таки меня спасла от ночного нападения. Спасение за спасение.

— Хорошо.

Я отвернулся, зашел за стол и уставился на размокший бутерброд. Видимо, кто-то забыл свой перекус. Черт, с колбасой и сыром, на черном хлебе. Как я любил...

— Есть его не советую, — прозвучал за моей спиной глухой голос Мансурова. — На него наверняка попали реактивы из того сундука. А там та еще отравка.

Хм. А паренек-то не врал.

— Ладно, убедил, — я обернулся и направился к его камере.

Изможденное лицо Мансурова расплылось в улыбке.

— И это... Убивать меня не советую. Трое суток без сна с непривычки — это, знаешь ли, не самое хорошее дело...

— Да не хочу я тебя убивать, — буркнул я. — Тут самим бы выжить. Говори код.

По-хорошему, наверное, следовало выпустить всех. С другой стороны, я понятия не имел, на сто были способны остальные. Вдруг их сила разрушительна и опасна для невинных людей? Ладно этот Мансуров — ну посмотрит он чужими глазами, ну пошпионит... Вряд ли сможет причинить много вреда, хотя дар интересный. Катя... Катя тоже безобидная, к тому же в ее крови накопилось столько успокоительных, что она при всем желании не смогла бы кому-то навредить. Но вот остальных могли засунуть в эту, прости, господи, кунсткамеру совсем не за безобидные способности.

— Два, восемь, шестнадцать, — сказал Мансуров. — Это код моей камеры.

Я быстро набрал нужные цифры, и разделявшее нас стекло отъехало в сторону. Паренек улыбнулся счастливейшей улыбкой, словно ребенок, которого привели в парк аттракционов.

— Спасибо, Мокрый. Ты же Оболенский, да?

— Ага, — я кивнул на лежавшую на полу Катерину. — Код от ее камеры, пожалуйста.

— Три, три, двенадцать.

Я только занес руку над клавишами, когда меня окликнула девушка из другой камеры.

— Эй! Красавчик! А нас?

Мансуров покосился на меня и перешел на шепот.

— Этих я выпускать не советую.

— Почему?

— Эта девица — Варвара Фукс. Она... Не знаю, как это у нее выходит, но... Короче, она умеет управлять чужими эмоциями. Сюда попала, когда едва не свела с ума весь свой класс в гимназии. Тогда списали на массовую истерику, а Варей заинтересовался Лазарь. И она стала его любимицей. Фукс здесь дольше всего, позже меня привели. И она здесь по доброй воле... В отличие от меня. Не выпускай ее, если не хочешь проблем.

— Эй! Заморыш! — с вызовом крикнула девушка. — Что ты там обо мне несешь?

Проигнорировав ее вопли, я уставился на Мансурова.

— А почему она сейчас ничего не делает?

— Потому что не может, — пожал плечами паренек. — На нее какой-то артефакт нацепили, который блокирует ее способность.

Да уж, с такой компанией не помешал бы шлем Магнето. Куда ни плюнь, сплошные менталисты.

— А парни?

— Рядом с ней — Сема Зайцев. Стихийник. Чуть не спалил здесь все к черту, когда Драгана из него силу вытаскивала. И в темной камере, вон там, Гриша Творогов. Этот вообще...

— Что с ним?

— Он зверь.

— В смысле...

— В прямом, дурень!оборотник он — редчайшее проявление природного дара. Причем сам он это не контролирует... Ну почти. На луну не воет, хоть за это спасибо.

— Так он что, в волка...

— Не-а, — ухмыльнулся Мансуров. — В кота. Точнее, в рысь... Сам мелкий, тоже худой. А вот котиче из него роскошный получается. Но ты сам подумай, что будет, если рысь выпустить... Он же в животное превращается, ничего не понимает, не помнит. Все на инстинктах. А там такие лапищи... Задерет кого еще...

Фукс снова забарабанила по стеклу.

— Красавчиик, — нараспев позвала она, видимо, имея в виду меня. — Не слушай ты этого тощего заморыша. Если выпустишь, я тебе такое покажу, что всю жизнь будешь скучать и вспоминать...

Нет, она, конечно, была ничего. Даже очень ничего. Короткая, почти мужская, стрижка удивительно ей шла. Аккуратные черты лица, изящная фигурка. Не присматриваясь, можно было даже принять ее за каноничную француженку из кино — вся такая тонкая, легкая... Разве что беретика и букета фиалок не хватало.

Но все портил взгляд шлюхи на благообразном личике. Это и отталкивало. Нет, против дам, выбравших в качестве профессии секс за деньги, я ничего не имел: труд честный, договоренности — на берегу, каждый крутится как может. Хочет телом торговать — ее дело, лишь бы берегла здоровье — свое и клиентов.

Но видеть ухмылку и циничный взгляд на столь молодом личике... Почему-то это не вызвало у меня ничего, кроме отвращения.

— Если у тебя нет третьей груди, то разговаривать нам не о чем, — проворчал я и наконец-то набрал код дот камеры Катерины.

Мансуров был прав — остальных выпускать было опасно. Фукс, управляя эмоциями, да еще и массово, могла устроить полную неразбериху. А она явно могла... Парень-рысь внесет дополнительную суматоху, а пироман еще и огонька добавит. Такими темпами через пару часов от Академии и правда ничего не останется. Но я не хотел лишних жертв, даже среди тех, кто попал сюда за дело.

Сперва нужно выбраться отсюда и вытащить Катерину. Она полезная, да и помогала мне как могла. Наверняка и Мансуров за нами увяжется — но он хотя бы мог передвигаться на своих двоих, в отличие от рыжей. Да и его дар мог пригодиться. Понять бы точно, как именно он работал...

Прозрачное стекло отодвинулось, и я бросился к девушке.

— Катерина!

Она тихо застонала, чуть приоткрыла глаза, но тут же снова сомкнула веки.

— Я... Не могу...

— Фигня, я сильный, — ответил я, подхватывая ее на руки.

Она словно ничего не весила, только вот ее острые косточки впивались мне в живот и плечи. Ничего, потерпим. Я обернулся к Мансурову.

— Знаешь, где выход?

— Допустим, — кивнул он. — А план какой?

— А у тебя какой был?

Он покосился на оставшихся взаперти одаренных.

— Не здесь, — шепнул паренек и махнул рукой, призывая следовать за ним.

Я умудрился подхватить нож Драганы, не уронив нашу «радиодевушку». Лишних ножей не бывает. Мы скользнули мимо пустых камер и оказались в другом коридоре. Здесь было пусто, но мой проводник резко остановился.

— погоди, — шепнул он. — Нужно кое-что проверить. Я знаю одного охранника...

Катерина заерзала у меня на руках.

— Идут. Двое... Рядом...

В этот момент металлическая дверь в конце длинного коридора распахнулась.

— Ой...

Я опустил Катю и буквально толкнул в руки Мансурову.

— Пригляди за ней.

А сам вышел против мужиков. Снова закипела кровь, требуя жертв. Трудно было сказать, желала ли того Тьма или просто так проявлялся родовой дар. Да и какая разница? Я сейчас и без этого был готов рвать глотки и ломать хребты, лишь бы выбраться отсюда.

Один из охранников тряхнул рукой, выбросив вперед раскрытую дубинку, и бросился к нам.

— Серьезно? — ухмыльнулся я.

— Им нельзя нас убивать, — пояснил за моей спиной Мансуров, кряхтя от попыток удержать Катерину. — Мы слишком ценные.

— Тогда какого рожна их так мало?

— Чтобы не вызывать подозрений.

— Тем проще.

Я скользнул взглядом по ножу. Нужны годы, чтобы научиться владеть таким оружием, но оставалось уповать на везение. Мне и так посчастливилось обрести тело воина, может и навыки остались, хотя бы на уровне рефлексов...

— Брось нож! — рявкнул охранник.

Ну да. Смешно. Он замахнулся на меня дубинкой, пытаясь выбить из руки оружие. Я молниеносно отдернул руку — слишком быстро, чтобы это было заметно глазу — и тут же вонзил нож ему в плечо. Охранник взвыл, но дубинку не выронил.

Снова замах — я поднырнул под открывшийся бок и полоснул ножом ему по ребрам. Не думал, не сомневался — просто позволил рефлексам действовать.

Где-то за моей спиной охнул Мансуров.

Охранник крякнул и осел на пол. Ровно в тот момент, когда до меня добежал его товарищ. Ну, у этого хватило мозгов долбануть меня электрошокером. Я взвыл, получив заряд. Тело содрогнулось, на секунду все мышцы свело и скрутило невыносимой болью. Кажется, даже сердце на пару мгновений остановилось, а волосы на затылке встали дыбом.

Я снова дернулся, но тело справилось. Хорошо иногда быть Оболенским.

Охранник отпрянул, глядя на меня с суеверным ужасом. Затем посмотрел на электрошокер, снова на меня...

— Хреновая у вас амуниция, — сказал я, надвигаясь на него.

— Тревогу уже объявили, — прошептал он. — Остров закрыли. Подняли защиты... Вам

не выбраться. Вас все равно найдут.

— Но тебе-то какая разница.

Он выкинул вперед руку, пытаясь снова ударить меня током. Я словно играючи заломил ее, заставив охранника вскрикнуть. Аппаратик выскользнул из его пальцев, а мгновением позже я взял противника в захват.

— Хочешь жить — не дергайся, — проговорил я, усадив его на пол. — Я задам пару вопросов. Ответишь честно — не убью. Понял?

— Д-да...

— Сколько вас здесь?

— Еще... Четверо.

— Где?

— Двое отсыпаются после смены смене. Еще двое... На территории...

— Где Лазарь?

— Уехал...

— Куда?

— Ты идиот? — воскликнул мужик. — Я охранник, даже не надзиратель. Я не знаю!

Ну конечно. Черта с два Лазарь что-то скажет охране. Хотя...

— Надзирателей здесь сколько? — продолжал я. — Над этим отрядом.

— Драгана и... Артур.

— Где Артур?

— Р-р... работает. Не здесь, в третьем корпусе. У него какая-то другая задача. Я не знаю... Нам не говорили. Просто взял двоих наших и увел. Они перед нами не отчитываются...

Я немного ослабил болезненную хватку.

— Благодарю.

— Ударь меня, — попросил охранник. — Нужно... Ранение. Иначе не поверят.

— Ты всерьез думаешь, что после этого тебя оставят в живых? — удивился я.

Он взглянул на меня и молча покачал головой. Но жить все равно хотел. Человек вообще тварь живучая.

— Оставь... Оставь его, — прошептала Катерина. — Он сам... Сам их боится. И нас.

Я покосился на девушку.

— Это риск.

— Нет. Я слышу его... Он не опасен.

Всего на мгновение я едва не поддался странной жажде крови. Но если Катерина была права и этот мужик не хотел причинять нам вреда...

Ладно, есть компромиссный вариант. Хочет жить — пусть заслужит это.

— Выведи нас отсюда, — велел я.

Охранник испуганно на меня вытаращился.

— Куда? Остров не покинуть! Там буря! Волны три метра... Вы не сможете...

— Это не твои проблемы. Выводи нас наверх, — жестче сказал я.

Мансуров подхватил Катерину на руки, но тут же покачнулся — слабенькие ручонки не могли удержать даже такую тростиночку. Пришлось забрать у него девицу и перекинуть через плечо.

— Извини, дорогая...

Я жестом поторопил охранника.

— Мы торопимся.

Он кивнул и направился к выходу.

— Так у тебя есть план? — шепнул мне Мансуров.

— Ага, — отозвался я. — И он даже мне не нравится.

Я взглянул на охранника.

— Как звать?

— А тебе зачем?

— А что, жалко? — огрызнулся я. — Обращаться к тебе хочу по имени. У нас так принято.

— Рома я.

Я кивнул.

— Вот и славно, Рома. Теперь выведи нас, пожалуйста, отсюда. Поможешь — отпущу. Мне лишние смерти не нужны, а вот руки и глаза пригодятся. Будешь хорошим парнем — не обижу.

Рома печально усмехнулся. Ну да, так он мне и поверил. Но человек — тварь не просто живучая, но еще и надеющаяся. Надежда — штука коварная. Она и заставляет действовать, и превращает людей в жертв. Этот Рома хотел жить и надеялся, что я был с ним честен.

— За мной, — сказал охранник.

Он развернулся и зашагал по немного скользкому полу. Тихий стук его ботинок сейчас почему-то меня успокаивал.

Мансуров — кажется, его звали Денисом — покосился на меня со смесью недоверия и страха.

— Насчет плана... То есть ты сам до конца не знаешь, что делать? — шепнул он.

Я пожал плечами.

— Я в такой ситуации оказался впервые. Но это не повод бояться. Не ссы, Дениска, прорвемся.

— Ну и фразочки у тебя... Где нахватался?

— Наверху, — отрезал я, не желая посвящать его в истоки своего словарного запаса. Но лучше быть поаккуратнее с выражениями. Все же так-то ношу тушку аристократа. Пусть и сволочи, но таки нужно соответствовать происхождению.

Охранник чуть прихрамывал, но на его скорость это почти не повлияло. Судя по тому, как быстро шагал этот Рома, ему и самому не хотелось проводить на подземном уровне ни единой лишней секунды.

Когда мы подошли к массивной металлической двери, он набрал код и кивнул:

— Сейчас там будет лестница, а перед ней — дверь в каморку, где мы отдыхаем. Так что нужно идти очень тихо... если вы не намерены убить всех, конечно.

Сейчас это не было моим приоритетом. Сперва — очутиться на поверхности, а там посмотрим. В идеале бы замуровать этот этаж, законсервировать до прибытия незаинтересованных официальных органов... Но никаких способов сделать это я не видел. Было бы здорово, например, сменить код, но у нас не было возможности.

Мансуров осторожно тронул меня за плечо.

— Чего? — я раздраженно обернулся.

— Катерина... Кажется, ей нехорошо. Она что-то побледнела.

— Она всегда бледная.

— Нет, Мокрый. Она это... Совсем...

Мысленно чертыхнувшись, я жестом велел охраннику подождать, а сам осторожно снял нашу ведьму с плеча. Мансуров был прав: что-то с Катей было не так, даже относительно ее обычного состояния.

Кожа стала совсем белой, словно восковой. Я даже мог разглядеть сетки сосудов и вен — синие веточки на тонком изможденном тельце. Осторожно прикоснувшись к ее шее, я попытался нащупать пульс.

Сердце билось, но как-то вяло. Редкие удары, слабые. Словно ее телу было тяжело качать кровь. Не нужно было никаких особых медицинских знаний, чтобы понять — Катерине срочно требовался лекарь. Отравление препаратами? Переборщила с прослушиванием своей «радиостанции»?

Я поднял глаза на паренька.

— С ней раньше такое бывало?

— Не знаю... Я слышал только, что какое-то время назад ей начали давать другое лекарство. Что-то сильное. Они хотели, чтобы это помогло ей взять силу под контроль. Но, кажется, не вышло.

— Ясно, — я выпрямился и снова бережно перекинул ее себе на плечо. — Значит, первый пункт плана понятен. Нужно в лазарет.

Мансуров замотал головой.

— Не-не-не! Нельзя туда!

— Вариантов нет. Ей нужна помощь.

Кроме того, мы с Тимофеем Викторовичем все же друг друга прикрыли. Да, на него оказали давление, но он пытался меня отбить. И с него точно спросит Лазарь или кто-то другой из этой странной организации. И спросят так, что наверняка мало не покажется. Так что он с нами в одной лодке. Хочет выбраться из передраги — пусть помогает.

Со всей этой беготней я позабыл о ране, которую мне нанесла Драгана. А она, между прочим, была неприятная. Адреналин меня отпускал, бедро начинало болеть. Хорошо бы перевязать и закинуться какой-нибудь таблеткой.

И еще следовало найти Софию. Понять, успела ли она с кем-нибудь связаться. Хорошо если она сможет помочь выбраться с острова или хотя бы укажет, где спрятаться и как сообщить о том, что здесь творится, на «большую землю».

По моей команде охранник снова набрал код и нажал кнопку активации. Тяжелая стальная дверь, отшлифованная почти до зеркального блеска, отворилась. К счастью, почти бесшумно.

— Осторожно, — беззвучно напомнил Рома.

Мягкие кроссовки помогали шагать тихо. Только мокрые, заразы... Когда мы проходили мимо двери «надзирательской», старались даже не дышать — причем не стовариваясь. Затем осторожные шаги по лестнице. Раз ступенька, два ступенька, десять, пятнадцать...

Все это время я молил всех богов, чтобы Катерина не очнулась. Чтобы не закашлялась, не закричала, не застонала.

Только когда мы оказались в конце второго пролета, я позволил себе сделать глубокий вдох. Охранник снова набрал код — к моему удивлению, такой же, как и на двери ниже — и мы наконец-то оказались в темном коридоре.

— Все? — почти беззвучно прошептал Мансуров.

— Не совсем, — шепнул охранник. — Здесь тоже особо не шумите.

Судя по всему, сейчас была глубокая ночь. Я не понимал, где именно мы вышли, но это

помещение явно было старым. Пахло сыростью, плесенью, спертым воздухом. Нас окружали голые кирпичные стены со следами снятой штукатурки.

Охранник зажег маленький фонарик и жестом велел следовать за ним. Стараясь не хрустеть мусором под ногами, мы медленно двигались по широкому коридору. Кое-где дверные проемы были просто пустыми арками, и я мог видеть сваленные в кучу небольшие кровати, наполовину истлевшую старую мебель: столы, стульчики, тумбочки... Вроде даже игрушки и книжки. Старинные окна-ячейки были застеклены мутными толстыми вставками.

В одном из залов обнаружили следы фресок на стенах: пейзаж центра Петербурга, на переднем плане резвились дети в форме гимназистов.

— Что это за место? — чувствуя неладное, тихо спросил я.

— Зброшенный корпус пансиона для детей младшего возраста, — отозвался охранник. — Раньше сюда забирали детей с десяти лет. Затем подняли порог до пятнадцати.

Я дернул плечами. По спине пробежал липкий холодок ужаса и отвращения.

Ладно пятнадцать лет — да, еще подростки, но это уже сформировавшиеся личности. Уже есть понятия о морали, совести, добре и зле. Первая любовь, поиск себя в мире и смыслов жизни. Сложное время, но ребята к этому возрасту обычно уже четко отличали хорошее от плохого. И уже понимали, за что несли ответственность.

Но десять лет? Десять, черт возьми! Это же совсем дети, только из начальных классов выпустились. Ни опыта, ни знаний — тут мамкина юбка да батина рука нужны, а не пансион. И как аристократки вообще соглашались отдавать своих чад сюда?

— Сироты здесь были, — словно угадал мои мысли охранник. — После Революции и Реставрации много детей дворянских сиротами остались, и не всех могли приютить дальние родственники. Потом, годам к пятидесятым, в этом совсем надобность отпала.

Мансуров скривился — было видно, что и его пробил озноб от одной мысли, что совсем маленькие дети могли оказаться в лапах того же Лазаря. Мы-то все хотя бы были близки к совершеннолетию.

Рома остановился и выключил фонарик.

— Слушайте меня. Я вывел нас через дальний ход. Подземелье делится на две части. Официальная четвертая группа находится прямо в подвале основного корпуса. Там же, где размещаются остальные.

— Но мы вроде на отшибе, — догадался я.

— Немного в стороне, да. Если хотите в Лазарет, придется пробежаться по территории. Сейчас ночь, но прожекторы работают. Кроме того, надзирательница успела передать новость нам и Лазарю. Значит, в Администрации наверняка тоже в курсе. Общую тревогу на острове объявили именно из дирекции.

Значит, Администрация была замешана в этом балагане самым непосредственным образом. Нет, понятно, что без ведома местного директора черта с два Лазарь мог бы отгрохать здесь свою подземную резервацию для особо одаренных. Но для меня это было одновременно и хорошо и скверно.

Хорошо — потому, что можно крепко взять за жабры местную верхушку. Потрясти как следует — и наверняка информация посыпется. И про Лазаря, и про эту его инициативу. Может еще что интересное расскажут.

А хреново было то, что администрация, прознав об инциденте в подвале, сделает все, чтобы не выпустить нас с острова и прикрыть собственную задницу. Потому как если аристократическая общественность обо всем узнает... Короче, будет больно. Всем.

Брат предупредил, что здесь стояли какие-то особо мощные защиты от побегов. И сейчас нас наверняка будут очень тщательно искать. А когда найдут... Что-то мне подсказывало, что все обставят как несчастный случай.

— Ты с нами? — удивился я, взглянув на охранника.

Роман растерянно улыбнулся.

— Во-первых, на такое я не подписывался. Шел простым охранником. Тогда еще удивился странным вопросам в анкете, но не придавал значения. Я же сирота — вообще никакой родни нет, в армии отслужил, хотел место подальше от цивилизации... Еще удивился, почему меня взяли, хотя отказывали более опытным. Это потом, когда увидел Драгану и подземелье... Но было поздно. Я сразу просек, что буду жив, пока молчу. Но не думайте, что все это время я радовался этой службе.

Мансуров недоверчиво прищурился.

— А не врешь ли ты часом, а?

— Катерина сказала, его мысли чисты, — я сам удивился, решив дать Роману второй шанс. — И у него есть шанс это доказать. Поможет — наверняка получит по минимуму. Может, вообще оправдают.

— Ну, вот и стал понятен мой интерес, — пожал плечами Роман. — Только есть еще одно. Я очень хочу, чтобы в этом подвале выжгли все до основания. Чтобы эту контору закрыли раз и навсегда. Потому что то, что я видел... И знаю, что вы тоже этого хотите. А ты, — охранник указал выключенным фонариком на меня, — выглядишь как человек, который знает, что делает.

Ну это он мне, конечно, польстил.

Я видел два варианта, и оба были рискованными и дырявыми. Первый — найти способ связаться с семьей или даже Темным Орденом, выложить им все и схорониться где-нибудь на острове, дожидаясь подмоги и сражаясь с войсками администрации. Так себе план.

Но второй был еще хуже — я всерьез подумывал пойти напролом и проверить на прочность все эти хваленые магические защиты.

Даже не знаю, какой из вариантов казался мне более безумным...

Но сперва — сбросить балласт. В смысле привести Катерину в чувство, припрятать где-нибудь Мансурова, чтобы не отсвечивал. И затем найти Софию. Сейчас «честный коп» мне бы очень помог.

— Идем, — велел я. — Нужно торопиться. Рома, ты же знаешь, где прожекторы. Можно пройти в тени?

— Постараемся. Благо Лазарет в отдельном флигеле, будет чуть проще.

Мы вышли — первым шел охранник, за ним я. Нашей ведьмой на плече, замыкал Мансуров. Паренек, несмотря на трусоватый нрав, держался молодцом. Не ныл, четко следовал инструкциям и обладал феноменальной способностью передвигаться бесшумно. Сдать бы его туда, где разведчиков готовят — может и вышел бы из него толк.

Роман скользнул вдоль заброшенного здания, из которого мы выбрались, и, двигаясь по стеночке, остановился у угла. Жестом указал нам на отдельно стоящий сарай, тоже заброшенный.

— Там еще один вход вниз.

Я глядел на холм, на котором возвышалось главное здание. Здоровенные же они прокопали тоннели, чтобы спрятать свою секретную лабораторию! Эту бы энергию да в мирное русло...

Прожекторы освещали в основном южную часть острова, а северная — которую увеличивали насыпями камня и песка, была захламлена строительными материалами. Света там было меньше, а вот тени — куда больше.

— Пойдем в обход, с севера, — шепнул Рома. — Дольше, но безопаснее. Главное — не нарваться на патруль.

И лишь когда мы отошли на достаточное расстояние, я, кажется, понял, что имел в виду брат, когда говорил о защитах. Остров был словно окружен несколькими слоями стихийной защиты. Светлые белые ночи позволяли немного разглядеть это чудо магической мысли.

На самом острове дул легкий ветерок. Все казалось безмятежным. Но в пятидесяти метрах от берега вокруг всего острова висела настоящая стена бури. Я отчетливо видел, как легкая рябь воды у берега превращалась в штормовые волны высотой в несколько метров. Словно в фотошопе соединили две картинки. Выглядело чудно и страшно. Высокие волны, беспощадный ветер, острые камни... Ни одна лодка не пройдет, а человек и вовсе сгинет. Даже чайки, попавшие в эту область, летали вперед хвостами.

Да, Хруст, ночка перестает быть томной...

— Шевелись! — подгонял меня охранник.

Мелкими и осторожными перебежками мы пересекли рабочую область, на которой днем проводили трудотерапию для охреневших аристократов. Жаль, что я не успел своими глазами увидеть, как вчерашние изнеженные мальчишки и девочки бодро махали лопатами и таскали камни. Затея-то интересная. Труд, как известно, сделал из обезьяны человека.

Оказавшись в небольшом сосновом лесочке, мы перевели дух. Отсюда уже просматривались окна флигеля Лазарета. В нескольких горел свет — значит, кто-то был на дежурстве. Главное — поймать именно Тимофея Викторовича. Черт, я так и не узнал его фамилии. Они все здесь их не называли.

Мы подобрались ближе. Я оставил Катерину с Мансуровым, а сам пошел заглядывать в окна вместе с Романом. Одно — палата, какая-то спящая девчонка с перебинтованной ногой. Ночное освещение. Второе — видимо, комната отдыха персонала. Медсестра привалилась к стене и задремала прямо в кресле. Третье...

— Он! — я указал на склонившегося над кучей бумажек мужчину. Тимофей Викторович не глядя отхлебнул из большой и явно давно немытой кружки.

Роман кивнул и развернулся, следя, за тылами.

Я осторожно постучал в окошко. Видимо, слишком тихо, потому как лекарь даже не обернулся. Пришлось забарабанить громче, молясь, чтобы медсестра в соседнем помещении не проснулась.

Тимофей Викторович вздрогнул, оторвался от записей и поднял голову на звук. Я жестом попросил его открыть окно. Лекарь вскочил — одновременно напуганный и возбужденный — и подошел к стеклу. Коротко скрипнула деревянная рама.

— Оболен... — он проглотил слова, ошарашенно уставившись на охранника. — Что все это значит?

— Он со мной. Помогает. У нас проблемы.

— Я в курсе, — профессиональный взгляд врача тут же скользнул по моему телу и устался на рану на бедре. — И это — тоже проблема.

— Со мной Давыдова. Ей плохо. Нужна помощь. Кажется, у нее отравление препаратами, которыми ее накачивали.

Лекарь оглянулся по сторонам и покачал головой.

— Владимир, я не...

— Все вы можете! — шикнул на него я. — Мы вырвались. За нами кровавый след. Там с ними делают такое... И со мной тоже делали. Об этом должны узнать! Помогите.

Он молчал, явно взвешивая риски и бенефиции. Может просто боялся за свою жизнь, может переживал за больных. Трудно сказать. Ведь настоящий врач, как мне всегда казалось, до конца себе не принадлежит.

— Вы клятву давали, — давил на самое больное я. — Черт со мной, Кате нужна помощь... Нужно ее спрятать ненадолго.

Тимофей Викторович закрыл глаза, устало вздохнул и сжал кулаки в бессильной ярости. А затем направился к двери своего небольшого кабинетика. У меня упало сердце. Да как он мог? Сейчас, после всего этого...

Но лекарь лишь запер дверь на два замка и засов, затем вернулся к нам и осторожно распахнул окно.

— Я не смогу выйти из флигеля незамеченным, но здесь получится помочь. Затаскивайте девушку в окно, — шепнул он. — И забирайтесь сами, Владимир. Если рану не обработать, заживать будет плохо даже на вашей шкуре.

Оставив Романа караулить, я бросился за Катериной и Мансуровым. Лекарь удивленно приподнял брови, увидев еще одного гостя, но от комментариев воздержался. Быстро осмотрев Катерину, он кивнул.

— Нужна детоксикация. В нее действительно закачали слишком много. Организм вообще перестал сопротивляться.

— Вы ее вытасчете?

— Да, — сухо кивнул врач. — Но было бы проще, знай я, что за препарат...

Мансуров улыбнулся.

— Погодите, я видел... Только название такое сложное. Трифлу... Трафлу...

— Трифлуперидол? — подсказал лекарь.

— Да! Точно.

Тимофей Викторович помрачнел и кивнул своим мыслям.

— Боюсь, это будет не очень просто. Придется применить комплекс из классической медицины и моих способностей. Кладите девушку на кушетку. И, Оболенский... Можно вас на мгновение?

Я помог разместить совсем бледную Катерину на узенькой кушеточке, что, очевидно, служила местом краткого отдыха и самому лекарю в период дежурства.

— Нужно как-то помочь? — спросил я, подойдя к нему.

— Не уверен, что у вас получится. Хотя, если честно, сейчас от этого многое зависит, — врач понизил голос. — Софии нет уже три дня. Она исчезла в тот же день, когда увели вас. И я боюсь, что с ней могли что-то сделать.

Значит, меня держали в подвале целых три дня?

Странно. Для меня время слилось в единый поток. Почему-то ощущалось, что я провел под пытками Драганы одновременно целую вечность и один миг.

Я внимательно уставился на врача.

— Есть предположения, где может быть София?

Он лишь неуверенно пожал плечами.

— Боюсь, нет. Ее и вовсе могли вывезти с острова. Верьте — нет, но я сердцем чувствую, что она в опасности.

Да здесь и не нужна была особо развитая интуиция, чтобы понять — София влипла. Наверняка где-то проявила неосторожность, чем обратила на себя внимание прихвостней Лазаря. А им лишние свидетели ни к чему, особенно если это излишне принципиальные надзирательницы.

Может она все же попыталась каким-то образом сообщить во внешний мир о своих подозрениях. Хорошо, если ей это удалось. А если нет?

Значит, исходить нужно из того, что за пределами острова никто ничего не знает. И тогда я бы предпочел физически убраться отсюда и лично привести подмогу.

Оставив меня в раздумьях, Тимофей Викторович подхватил какую-то склянку из шкафчика и вышел из кабинета, жестом велел нам соблюдать тишину. Вернулся через несколько минут.

Я вскинул брови.

— Проблемы?

— Больше нет, — сухо отозвался лекарь. — Просто сделал сон своей помощницы более глубоким. До семи не проснется, у нас есть часа три. Задерните шторы и не шумите.

Роман кивнул и тщательно расправил занавески на карнизе. А Тимофей Викторович тут же взялся за Катерину. Девушка чуть застонала и приоткрыла глаза, когда лекарь начал осмотр.

— Владимир, — слабым голосом позвала она и попыталась повернуть голову.

— Тихо, не шевелись.

Я сам подошел к ней и склонился над ее неестественно бледным лицом.

— Я... Я слышала про женщину. Из твоего отряда, надзирательница. Она здесь, на острове.

— Стоп. Когда ты...

Катерина слабо улыбнулась.

— Ну я же почти не могу это контролировать... Голос сам говорит то, что считает... важным. Она в опасности, эта женщина. Больше никто... не знает. Ее убьют, если ты не вмешаешься. Ее хотят убить.

Лекарь как раз распахнул створки старого шкафа, где на полках стояли флаконы, коробки и баночки самых причудливых форм и цветов. Причем некоторые были подписаны от руки. Мы переглянулись. Я вопросительно кивнул на девушку, спрашивая разрешения поговорить с ней. Врач кивнул.

— Катя, ты знаешь, где именно ее держат? — я присел на корточки возле кушетки. —

Как мне ее найти?

Наша ведунья прикрыла глаза, ее маленькое острое личико снова сморщилось от напряжения, но через пару мгновений она покачала головой.

— Слишком тихо. Не могу расслышать. Голоса от меня ускользают. Не могу... Не могу сосредоточиться.

И она снова отключилась, бессильно уронив голову на кушетку. Проклятье!

Тимофей Викторович тактично отодвинул меня от девушки.

— В ней, очевидно, такая доза препарата, что я удивлен, как она вообще остается в относительном сознании. Дайте время, Оболенский. Инфузионная терапия — метод быстрый и эффективный, но все равно барышня не восстанет аки феникс из пепла по щелчку пальцев! Дайте мне сделать свою работу, раз уж подвели меня под риск.

— Инфузионная... Это как?

— Капельница это, если по-русски. Игла, вена, лекарство.

— Понял, понял, — я отпрянул, выставив руки вперед в миролюбивом жесте. Злить медика не хотелось. — Что вы ей поставите?

Тимофей Викторович выставил на стол целую батарею каких-то растворов. В основном это были прозрачные жидкости в больших флаконах.

— У нее сильное обезвоживание, — сказал он. — Отравление тоже серьезное. Передозировка антипсихотиками — дело опасное. Нужно нормализовать водный и электролитный баланс. Ускорить выведение токсинов из организма, восстановить уровень кислотности крови... Но главное — не навредить. Так, отойдите! Поищу в базе ее данные. Нужно исключить аллергию.

Он решительно направился к столу, а я поймал себя на мысли, что, окажись я на настоящей войне, был бы рад помощи такого врача. Занявшись настоящей работой, Тимофей Викторович преобразился — суровое лицо стало еще строже, цепкие глаза подмечали каждую деталь во время осмотра. Мысль была остра, а рука не дрожала, никаких сантиментов.

Мужик был явно из тех людей, кто мгновенно мобилизовывался в экстремальных ситуациях. Даже жаль, что его определили на этот богом забытый остров. Ему место в местном аналоге МЧС или хотя бы на «скорой»... Почему он вообще здесь оказался?

— Давыдова, — подсказал я. — Екатерина Давыдова.

— Да знаю я! — раздраженно отмахнулся врач. — Помню ее еще с первого медосмотра. Она тогда куда живее была. Потом, когда ее перевели в «четверку», карту изъяли. Но у меня все продублировано на личном диске. Старая военная привычка, еще с Итало-Сербской. Мало им братья в сороковые насовали... Так нет, надо было спустя полвека снова сунуться...

Ворча, он вывел компьютер из спящего режима и принялся копаться в папках. Я не удержался и обратил внимание на «операционку». Видимо, отечественная, «Сокол» — на логотипе была птица с распростертыми крыльями.

Забавно, конечно, было подмечать такие бытовые мелочи. Пока я видел очень мало деталей этого странного мира и толком не понимал, где оказался. Вроде монархию отреставрировали, государством правил обновленный род Романовых. Судя по рассказу лекаря, была Вторая мировая. А вот какой была наша, Великая Отечественная? Была ли Блокада — не Ленинграда, но Петербурга? Что было с Москвой? А Сталинградская, точнее, он должен называться Царицыным, и Курские битвы? Как здесь все было?

Но раз Тимофей Викторович упомянул о войне сербов и итальянцев... Значит, Ось

существовала? Значит, был раздел Югославии и освободительная война? А был ли Тито?

Ох... Как же мне нужны книги. Много, много книг. И компьютер в личное пользование. Выяснить про способности, изучить историю, современность...

Но будем решать задачи по степени их приоритетности.

Сперва — вытащить Катерину, чтобы она помогла найти Софию.

— Так, нашел, — лекарь уткнулся в файл.

Я украдкой заметил фотографию Кати в момент поступления сюда. Действительно, словно другой человек.

— Хронические заболевания... Так, гастродуоденит. Терпимо. Анорексия... Объяснимо. Мигрени... Ничего удивительного, с ее-то даром... Аллергии на препараты... Нет, все чисто. Можно ставить мой коктейльчик. Не навредит.

Я не мешал врачу колдовать над пациенткой. Лишь иногда по его просьбе подавал то, что он просил. Тонометр, какие-то полоски-индикаторы для анализа крови — все делалось почти что в полевых условиях, благо у нашего Тимофея Викторовича был нужный опыт.

— Так, господа, — он наконец-то закончил проверку и подвесил емкость со смесью лекарств. — Теперь ждем час-полтора. Оболенский, пока что займусь вашей раной. Остальные в порядке?

— Если не считать сильнейшего потрясения, то да, — отозвался Мансуров.

— Извините, с потрясениями не работаю. Это к психологу. Я так-то хирург по основной специальности. Оболенский, раздевайтесь ниже пояса и садитесь на стул. Будем обрабатывать. Остальные... — врач оглядел свой небольшой скромно обставленный кабинетик и остановил взгляд на электрическом чайничке. — Кофе мне заварите, пожалуйста. Ночь будет длинной. И все тише мышки.

Я с неохотой стащил штаны и продемонстрировал порез. Черт, а он был глубже, чем ощущалось. Видимо, у меня как у бойцовой собаки, болевой порог был несколько завышен.

— Шить не буду, применю дар, — сказал Тимофей Викторович, промыв рану. — Будет больно.

— Да ладно...

— Я серьезно, Оболенский. За каждый дар нужно платить. За мой, увы, расплачиваются пациенты. Ускоренное сращивание тканей — это очень, очень больно. — Он взглянул на Мансурова и Романа. — Вы двое, держите его.

Я покосился на лекаря.

— Что, НАСТОЛЬКО больно?

— По-вашему, зачем я помощницу усыпил? Услышала бы, — он протянул мне деревянную палку. — Зажмите в зубах.

— Какое-то страдающее Средневековье, — проворчал я. — Компьютеры, электронные замки... И палочка для зубов.

— Оболенский, не раздражайте меня еще сильнее, прошу вас, — строго велел врач. — Судя по тому, что мы с вами услышали, вам пригодится здоровая нога. Так что придется потерпеть. Зато через полчаса сможете скакать аки сайгак.

Лекарь не стал бы зря надо мной издеваться. Я кивнул.

— А может и меня вырубите, как медсестру...

— Нельзя. Вы мне нужны в сознании. И себе тоже.

— Ну ладно, — я пожал плечами и вгрызся в деревяшку.

Судя по всему, выточили ее из какой-то очень мягкой породы. Зубы увязли в древесине

с неким подобием комфорта. Что-то хвойное. Ель или лиственница.

— Держите его, — велел Тимофей Викторович. Роман и Мустафин встали по обе стороны от меня и крепко ухватили за плечи. Точнее, охранник-то держал нормально, а вот Денис Мустафин точно в детстве недоедал каши. — На счет «три». Раз...

Бедро вспыхнуло такой дикой болью, что у меня слезы брызнули из глаз.

— Ммм... Иввевги! Мафь вафу!

Зубы впились в несчастную палку так, что дерево во рту хрустнуло. Но выдержало. Ну зараза этот Тимофей Викторович! Говорил же, что на счет «три». Обманщик!

Бедро горело так, словно на меня вылили все самые адские кислоты, подожгли огнеметом и засунули в рану руки в перчатках из наждака. И все это одновременно. Тело выгнулось в спазме, Роман крепче ухватил меня, а Мансуров честно попытался преодолеть сопротивление моего левого плеча.

— Аааа... Мммм... Довго ефе?

— Тихо, Оболенский, — лечитель-мучитель поднял на меня жесткие глаза. — Отставить ныть. Я ускоряю вашу и без того выдающуюся регенерацию почти что в сотню раз.

У меня не осталось ни сил орать, ни печатных слов, которыми я мог наречь лекаря и этот его лечебный процесс... Я потерял счет времени. Каждая секунда казалась вечностью. На лбу и спине проступил ледяной пот, и я уже не чувствовал других мышц — спазмом их скрутило как при столбняке.

Наконец боль начала понемногу слабеть. Мансуров крепче вцепился в меня, стараясь удержать от падения.

— Почти все, — не отвлекаясь, сказал лекарь. — Держитесь молодцом. Впрочем, другого я от вас не ожидаю. Решили стать героем, Оболенский, будьте любезны соответствовать.

— Свофофь!

От очередной вспышки боли я снова клацнул зубами по деревяшке, и она раскололась у меня во рту надвое. Отплевавшись, я жестом попросил товарищей отпустить меня.

— Тьфу. Я в порядке. Не держите...

— Рано! — Прошипел лекарь. — А ну держите его!

— Почему...

Тело словно в одну секунду превратилось в желе. Утомленные мышцы разом расслабились, почувствовав облегчение. Глаза закрылись сами собой, и мне показалось, что кто-то двинул меня большим пыльным мешком по голове...

* * *

— Кажется, очухался...

Я медленно разлепил веки и первым делом увидел слегка расплывающееся, но весьма обеспокоенное лицо Мансурова.

— Владимир Андреевич, — надо мной навис лекарь и осветил фонариком в глаз. Я зажмурился. — С возвращением.

— Лучше бы зашили, — прохрипел я. — Дайте воды.

Через несколько секунд в поле зрения возник Рома с кружкой, а врач и Мансуров приподняли меня и усадили на стул.

— Как нога? — Спросил Тимофей Викторович.

Я прислушался к ощущениям. Черт возьми! О ране напоминала только окровавленная дыра в штанине. Кожа была гладкая, без единого рубца. Словно и не было никакого увечья...

— Ничего себе, — выдохнул я и жадно присосался к кружке.

Тимофей Викторович снисходительно улыбнулся.

— Как я понимаю, вы впервые прочувствовали на себе мощь экстренного исцеления.

— Не знаю, — я пожал плечами и вернул Роме пустую кружку. — После аварии был без сознания. Мать говорила, вроде бы лекарей тоже привлекали. Но я ничего не помню.

— Ну, теперь имеете представление.

Я покосился на кушетку, где под капельницей лежала Катерина. Показалось или она действительно стала выглядеть живее? Тимофей Викторович осторожно разбудил девушку, и она приоткрыла сонные глаза.

— Катюша, красавица моя, вы меня слышите?

Она слегка улыбнулась.

— Вы не считаете меня красавицей. Вы думаете, что я больна.

— Отлично, «радиоприемник» заработал, — лекарь отстранился и обернулся к нам. — Господа, вынужден попросить всех вас отвернуться. Токсины должны выходить... самым естественным образом...

— Ой...

Мансуров залился краской. Да уж, действительно, условия у нас были... ну не самые галантные.

— Катерина, знаете, что это?

— Утка...

— Тогда вы наверняка знаете, что нужно сделать. Не переживайте, я тоже отвернусь. Стыдиться тоже нечего. Уверю, вам станет гораздо легче...

Мы поспешно отвернулись, стараясь не обращать внимания на происходящее позади. Ну я-то вдоволь поработал сиделкой с матерью. Меня таким не напугаешь. А вот девчонке наверняка было ужасно неловко. Зато после таких совместных приключений можно уже вообще ничего не стесняться.

Лекарь уложил девушку обратно и вышел — очевидно, чтобы избавиться от токсинов окончательно.

— Можно смотреть, — смущенно проговорила Катерина. — Извините...

А ей и правда стало гораздо легче. Щеки и губы порозовели, и на фоне буйных рыжих кудрей и бледной кожи это смотрелось свежо и очень симпатично. Зря лекарь не считал Катерину красавицей — данные у нее были что надо. Просто хотелось посадить ее на диету повышенной калорийности, почаще выводить на воздух и под солнышко. Через месяц вообще расцветет.

Она улыбнулась и жестом попросила меня подойти.

— Как ты?

— Уже могу думать. Это хорошо. Они не хотели, чтобы я могла думать и концентрироваться. Но сейчас я даже могу заглушать какие-то голоса и выделять другие...

— Как ты вообще живешь с этим вечным шумом в голове?

— Ну... Дар не выбирают. К тому же нас с тобой вообще никто не спрашивал. Тьма

никогда не спрашивает тех, кого выбирает...

Я поперхнулся слюной.

— Тьма? Это у тебя тоже Темный дар?

Хотя глаза... Я же видел, какими становились ее глаза, когда она «ловила» нужный голос. Но если это Темный дар, то Катерину наверняка должны были отдать в Орден. Насколько я понял, с такими способностями одна дорога — только туда.

Сейчас не хотелось думать о том, что и меня ожидала эта дорожка. Потом разберемся, сперва бы дожить.

Катерина понимающе улыбнулась.

— Меня и забрали вниз потому, что я слышу Тьму. Они думали, что я научусь задавать ей вопросы и получать ответы, которые нужны им. Но это так не работает. Тьма всегда сама решает, что мне сказать. Они пытались заставить мой дар работать на себя, но...

— Ничего у них не вышло, — кивнул я. — Но Тьма... Или этот голос. Короче, оно сказала тебе про Софию, надзирательницу. Получается, для Тьмы это важно?

Катерина слабо пожала тощими плечами.

— Я не знаю, Володя. Я знаю, что тебе не нравится твое имя. Я знаю, что у тебя чужая душа. Я знаю, что у тебя очень сильный и редкий дар и что ты можешь стать очень опасным... Для многих и для себя. И я знаю, что София не сказала тебе кое-что очень важное. Для тебя и для нее. Она не хочет этого говорить, но она должна.

— Не понимаю...

— Я тоже не понимаю... Хруст! Вот как ты себя называешь. Хруст. Странное имя.

— Это не имя. Но да, я так себя называю.

Черт, а она и правда опасно много знала. И слышала обрывки моих мыслей. Хорошо хоть, что теперь могла контролировать, что говорить, а о чем молчать. Спасибо и на том, что не выдаешь моих тайн, красотка.

Ясно, почему в нее так вцепился Лазарь. В такой дар кто угодно вцепится — слишком уж полезный.

Но меня волновало другое. Почему Тьма решила сказать про Софию? Почему для Тьмы важно, чтобы ее спасли? Чего вообще хочет эта пресловутая Тьма? Что это вообще — сила с собственным разумом? Божество?

— Я не знаю, Хруст, — устало улыбнулась Катерина. — Для меня это просто Голос. Голос, который я отличаю от тысяч других. Тебе нужно идти, Хруст. Сейчас. София не доживет до утра. Ее истязают за то, что она узнала. И сделают так, что никто и никогда ее не найдет.

Ладони сами собой сжались в кулаки. На глаза снова напознала уже хорошо знакомая мне пелена воинской ярости.

— Где она? — спросил я.

— Третий корпус. В мастерских.

Мы с Романом переглянулись. Второй надзиратель, коллега Драганы. Кажется, Артур... Он же был в третьем корпусе. Вот зачем он ушел туда вместе с двумя охранниками.

Твари! Женщину, пусть и одаренную. Одну втроем мучить...

— Убью, — тихо сказал я, поднимаясь на ноги.

— С удовольствием помогу, — ответил Роман.

Катерина ухватила меня за рукав. Тонкие цепкие пальчики впились мне в запястье с неожиданной силой.

— Будь осторожен, — прошептала она. — Все будет тяжелее, чем ты думаешь.

Я пожал плечами.

— Ясное дело.

— Отнесись серьезно, Хруст. Ты опасен, но ты почти не умеешь владеть своими способностями. Берегись.

В глазах Катерины застыла неподдельная тревога. Снова что-то услышала? Или близко к сердцу восприняла то, что нашептал ей тот голос? Но она была права — любая ошибка сейчас будет стоить слишком дорого.

Я кивнул.

— Конечно, Катя. Мы будем осторожны. Еще увидимся, не скучай тут.

Мансуров тоже поднялся.

— Я с вами.

Мы с охранником переглянулись и одновременно покачали головами.

— Нет. Нечего тебе там делать, парень, — ответил Роман.

— Но я могу вам пригодиться!

Теоретически мог, конечно. Но у этого задохлика было еще больше шансов подохнуть, чем у меня. Я-то хотя бы обладал стойкостью и толстой шкурой и, следуя древней русской традиции, просто дать в дыню супостату. А Мансуров не мог. Не воин он. Но Родине всякие нужны.

— Ты очень нам годишься, — я смягчил тон, чтобы не задеть искренние чувства паренька. — Если присмотришь за Катериной и поможешь доктору. Катя слаба, а лекарь и так ходит по лезвию ножа, помогая нам. Так что мне будет спокойнее, если ты за ними приглядишь. Это очень важно. Я ведь могу на тебя рассчитывать?

Мансуров сперва разочарованно вздохнул, но затем кивнул.

— Как скажешь, вождь. В конце концов, ты меня вытащил из подвала. Ты вроде как главный.

Забавно. Я как-то не думал возглавлять местную подпольную ячейку партизанского сопротивления. Но оно как-то само получилось. Кто первый взял на себя ответственность за остальных, тот и рулит.

Меня такое подчинение Мансурова немного смутило — все же не те обстоятельства, чтобы устанавливать иерархию. Но так было проще. Да и тот же Роман как-то быстро принял мои правила игры и решил помочь... Хотя вариантов у него было немного.

Ладно, Хруст. Если у тебя все получится, ты, быть может, здорово реабилитируешь Володю Оболенского в глазах возмущенной общественности, и все эти ребята очень помогут в очищении реноме. Поступок, как ни крути, рискованный и героический. Главное, чтобы героем не сделали посмертно.

Но прежде всего — вытащить Софию. Я хотел понять, почему Тьма сделала на этой девушке такой акцент. Должно же быть объяснение. Может она выяснила нечто, что может нам помочь? Вряд ли эта Тьма стала бы вещать Катерине какую-то фигню.

Мы с Романом снова переглянулись. Охранник кивнул на окно.

— Лучше не светиться во флигеле. Наверняка здесь не одна помощница дока дрыхнет...

Охрана точно дежурит у входа. Так что уйдем так же, как и пришли.

— Согласен, — отозвался я и уже хотел отодвинуть штору, чтобы добраться до замка на раме, когда вернулся лекарь.

— Стоять, господа, — велел он и поставил под кровать чистую утку. — Вы предлагаете мне прятать у себя этих двоих?

— Ну не поташу же я ее с собой в драку, — ответил я. — Можете их где-нибудь спрятать?

Тимофей Викторович задумался. Было заметно, что ему совершенно не нравился такой расклад, но в то же время он понимал — Давыдову и Мансурову требовалось спрятать. Иначе хана и самому доку.

— Сейчас начнется форменное безумие, — ответил врач. — Они будут искать везде. Вообще везде! Каждую наволочку наизнанку вывернут.

— Если у вас есть предложение, как вывезти их с острова через эту штормовую защиту, я внимаю, — раздраженно бросил я. — Или если вы вдруг знаете, как эту защиту снять...

— Боюсь, снять ее у вас точно не выйдет. Директор Академии — выдающийся природник. Нужно быть хотя бы ровней ему, чтобы попробовать деактивировать эти заклинания.

— А если его вырубить или убить?

Лекарь посмотрел на меня как на умалишенного.

— Раньше я был уверен, что безумие не передается при контакте... Но если вы еще раз скажете нечто в подобном ключе, кажется, меня ждет публикация в международном журнале и мировое признание за бесценный вклад в изучение помешательства.

— Ну не плюйтесь вы ядом, я варианты ищу!

— Это не вариант, — отрезал лекарь.

Я обернулся к Мансурову.

— А тот, которого в подвале держат. Там же тоже природник...

— Он огненный, — покачал головой Денис. — Может с другими стихиями что-то и умеет, но я его только в работе с огнем видел. Не думаю, что нам это поможет. Да и он явно не ровня самому директору. Сильный, но неопытный.

Понятно. Значит, наведываться в гости к местному голове бессмысленно. Нужно трезво оценивать свои возможности. Что бы там ни говорила Катерина о моей потенциальной опасности, но это только в перспективе. Сейчас нужно признать, что, будучи всего несколько дней в этой тушке и вообще не зная своего потенциала, лезть в лобовую атаку на могущественного колдуна — самоубийство.

Нормальные герои должны идти в обход. Точнее, видимо, плыть... Или ползти. Или, блин, лететь.

— Тогда придется искупаться, — равнодушно пожал плечами я. — Здесь вроде бы не так уж и глубоко.

Мужики вытаращились на меня со смесью непонимания и ужаса. Лишь Катерина улыбнулась.

— Без Софии у тебя не получится. Ты поймешь, когда вы встретитесь. Поспешите.

Тимофей Викторович покосился на пациентку, и я понял, что сразу после нашего ухода ее ожидал допрос.

— Ладно, разберемся, — я отодвинул штору и отпер замок. — Придумали, где их спрятать?

Лекарь устало вздохнул.

— Да. Но нашим воспитанникам это точно не понравится. Однако других вариантов я не вижу. Придется вам примерить на себя кое-что неприятное...

Катерина жестом велела нам убираться. Ладно, главное — наш врач все же что-то накумекал. Здесь сейчас всем приходится не очень комфортно, так что Катя и Денис потерпят.

А мы с Романом шли на маленькую войну.

Бесшумно выбравшись из окна, мы огляделись. Светало, близилось утро. До подъема еще час, не меньше, но солнце уже во всю светило. На этом проклятом острове в белые ночи от него было вообще не спрятаться.

— Туда, — шепнул Роман и осторожно скользнул вдоль стены.

Охраны стало заметно больше. Всеобщую тревогу не объявили, но явно разбудили тех, кто отсыпался. Двигаться стало сложнее. Одно хорошо — идти было недалеко, иначе точно бы с кем-нибудь столкнулись.

— Здесь мстерские, — почти беззвучно пояснил охранник, когда мы прилипли к стене старого одноэтажного здания из красного кирпича. — Дверь открыта, видишь?

Я молча кивнул. Роман снял с пояса весьма потрепанную дубинку.

— У меня только это.

— Живем.

Значит, рассчитывать приходилось на троих противников. Будем исходить из того, что София помочь не сможет. Что ж, численное преимущество не на нашей стороне. Не сговариваясь, мы с Романом одновременно пришли к тому, что он берет на себя нейтрализацию коллег-охранников, а я разберусь с Артуром.

Внутри горели слабые лампы, словно здесь сэкономили электричество. Мы прошли мимо кабинетов, где воспитанников приучали к ручному труду, дабы не отрывались от земли слишком высоко и много о себе не думали. Столярная мастерская, токарная, швейная, кожевенная... прямо кружок труда.

Мы одновременно остановились, услышав протяжный тихий стон. Он резко оборвался.

Нет, не показалось. Точно шумели, причем в самом конце.

— Санблок, — сказал Роман. — Туда.

Я призвал на помощь всю силу, какой располагал. Пальцы крепко сомкнулись на рукояти ножа, уже привычный адреналин вскипятит кровь и заставил ноги пружинить. Тело словно вышло из спячки, и это ощущение мне очень нравилось. Будто только в эти моменты я чувствовал себя живым на сто процентов.

Времени на раскачку не было. Мы подошли к приоткрытой двери, из-за которой доносились звуки ударов.

Кто-то шаркнул и выругался.

— Сколько же в тебе крови, а...

Я кивнул Роману, и мы одновременно влетели в дверной проем. Позади меня уже шла драка — товарищ врубился в бой мгновенно. Я же бросился на мужчину в форме надзирателя.

И тут же едва не поскользнулся, напорвшись на невидимый блок.

Артур — это точно был он — медленно обернулся ко мне.

— На прогулку вышел? — улыбнулся он. — Или по титьке любимой надзирательницы соскучился?

Я скользнул взглядом по Софии. Черт. Катерина была права — ее явно пытали. Кровь, очень много крови. Но сейчас я пытался преодолеть невидимую стену, которая отделяла меня от еще одного садиста. Их там что, только по этому принципу в отряд набирали?

Заскрипев зубами, я с трудом продвинулся. Воздух впереди меня был таким плотным, что создавал сопротивление сильнее, чем водяное. Артур — природник? Точнее, тоже стихийник?

Он широко улыбнулся, наблюдая за моей попыткой преодолеть невидимый барьер. Я заскрипел зубами и, выставив вперед нож, попытался разрезать эту непонятную плотную субстанцию. Ноги скользили по кафелю, Артур ухмылялся...

Что-то, какая-то тень, скользнула за его спиной.

В следующий миг он вздрогнул. Ухмылка сменилась удивлением. А затем он взвизгнул по-бабьи и схватился за ухо.

— Сука!

— Надо было рвать больше зубов, — прохрипела София.

Нужный эффект был достигнут — Артур потерял концентрацию, барьер дрогнул, и я по инерции провлился вперед. Прямоком на него. Разве что успел поудобнее перехватить нож — и вовремя.

— Назад! — рявкнул я Софии, но она уже и без этого рухнула на пол. Артур обернулся ко мне — ровно для того, чтобы встретиться с ножом Драганы.

Рука двигалась быстрее, чем глаза могли различить. Я несколько раз ударил ему в грудь с такой силой, что под ними хрустели ребра. Артур булькнул, плюнул в меня кровью и сполз вниз.

Но он еще был жив. А я ощутил жажду. Не свою. Тьма жаждала, чтобы я применил дар.

Артур тарашился на меня огромными полными недоумения глазами.

— Ты... Ты не должен был...

— Посмертный подарок от твоей подружки-садистки, — улыбнулся я и вонзил нож в последний раз.

Тьма на мгновение залила мне глаза черной пеленой. Я чувствовал, как пульсировала печать на теле, словно оживала, как тянулись ее темные щупальца к умирающему надзирателю, отнимая у него последнее.

И мне, черт возьми, было хорошо. Настолько хорошо, что тело содрогнулось от наслаждения, когда дар Артура перетек ко мне.

Казалось, это заняло всего мгновение. Но спустя пару секунд кто-то тронул меня за плечо.

— Готово, — сказал Роман.

Я тряхнул головой, прогоняя остатки Тьмы и эту сладкую истому, какая бывает после хорошего секса. Удовольствие было вполне сопоставимо.

А затем увидел, что София, попытавшись подняться, поскользнулась и распласталась в луже собственной крови.

— София!

Я выронил нож и бросился к девушке, скользя кроссовками по грязному полу. Сколько же крови... Весь кафель был залит ею, этими причудливыми разводами — кровавым полотном художницы-смерти.

Моя надзирательница лежала на боку — успела недалеко отползти, когда мы отвлекли ее мучителей. Но дело было не просто плохо. Дело было просто кабздец.

Казалось, на ней не оставили ни единого живого места. Били — часами, ломая кости, удар за ударом отбирая красоту и надежду. Но волю не отняли. Били снова — и снова она держалась, потому что били еще. Даже зачем-то заново вскрыли старый шрам, который она велела лекарям не убирать. И именно эта глубокая рана превращала ситуацию из просто «хреново» в «хуже некуда».

Чудовища.

— О... Оболенский, — она даже заставила себя улыбнуться, и я увидел, что у нее во рту не хватало доброй половины зубов. — Прости... Я теперь плохо... Плохо могу говорить. Но я постараюсь.

Она шепелявила. Следы запекшейся крови на щеках и подбородке. Они что, зубы ей вырывали? Или выбивали?

— Господи, что они с тобой делали? — выдохнул я, стараясь не показывать ей, что мне стало страшно.

Именно сейчас почему-то напал какой-то странный ступор. Битва закончилась, кровавые жертвы принесены, и когда стихла адреналиновая буря, не осталось ничего, кроме боли. Не моей боли. Ее, Софии. И эта боль пугала. Пугало даже не то, что с ней сделали, а то, что она все еще держалась. Цеплялась за жизнь изо всех сил. Хотя понимала — это конец.

Будь на ее месте обычный, не отмеченный даром, человек, он давно бы стал трупом.

София протянула руку — тоже окровавленную. Пальцы были переломаны, на одной руке не хватало ногтей. Господи...

Я внутренне содрогнулся. Избитые ладони сами собой снова сжались в кулаки.

Как они могли так... с женщиной! Черт с ним, что она из рода аристократов и одарена, она, блин, девушка! Как можно пытаться с такой жестокостью...

Жаль, что я убил этого Артура слишком быстро. Нет. Не такой смерти он заслуживал. За то, что он сделал, за то, на что вообще был способен — нет, он заслуживал самой мучительной и бесчеловечной казни. Чтобы прочувствовал боль каждого человека, каждой души, которую истязал.

Роман растерянно взирал на Софию. Видимо, увиденное потрясло даже его.

— Не думал, что скажу это, но... Кажется, Драгана была не таким чудовищем, — тихо проговорил он.

София подняла руку и жестом попросила меня приблизиться. На негнущихся ногах я подошел к ней вплотную и рухнул на пол.

— Я, кажется, умираю, — прошептала девушка.

— Думаю, да.

— Давай отнесем ее к лекарю, — предложил Рома. — Он должен что-то придумать. Он военврач, он сможет!

— Нельзя, — слабо качнула головой София. — Раз ты вырвался... Оболенский... Если ты вырвался, значит, сейчас остров стоит на ушах. Нельзя идти в Лазарет. Попадемся.

— Не знаю, может дернуть кого-то из лекарей среди воспитанников, — я продолжал судорожно искать варианты. — Должны же быть с даром целителей.

— Тихо, Оболенский, — остановила меня София. — Не суетись. Все именно так, как должно быть.

Нет, не так. Я опоздал. Появись я хотя бы на полчаса раньше, может...

Прошое терпит сослагательного наклонения — так меня учили? Ну вот. Теперь живи с этим, Хруст. Ты не успел, и у тебя на руках погибает невинный человек. А ты ни черта не можешь сделать.

— Я должна тебе кое-что сказать, — прошептала девушка. С каждым словом ее голос становился тише, слабее, словно она выдыхала свою жизнь. — Им не сказала, но тебе — должна. Знала — как только они из меня все вытрясут, сразу прикончат. Пыталась тянуть время. Надеялась, что моя весточка дошла...

— Ты успела что-то передать на сушу?

— Попыталась. Кажется, тогда и оступилась. Они либо перехватили мое сообщение, либо узнали, что я его отправила. Не уверена, что его получили. Я ведь проследила за Артуром из «четверки»... Подслушала его разговор с каким-то странным мужчиной. Несколько раз видела его на острове, он приезжал к директору. Поняла, что они все заодно...

Видимо, она срисовала Лазаря. Я кивнул.

— Все так. Только я тоже все это выяснил. Черт, София, ну зачем ты полезла...

— Думала, успею сбежать, — виновато улыбнулась надзирательница. — Хотела сама выбраться с острова. У меня ведь дар странный... Дед говорил, это потому, что у нас в роду была водяница. Русалка по-вашему... На моего прапрадеда на русальной неделе водяницы напали. Он отбился и на одну крест надел — а она ему и покорилась. Красивая была, просилась с ним пойти. Он как раз овдовел, вот и привёл её домой, стал жить как с женой... Вот потому, говорят, нас всегда вода любила. Но это все сказки. Просто такая мутация... Я ведь могу... Могла... У меня могло получиться переплыть пролив в бурю. Я ведь хотела...

Я провел ладонью по лицу. Проклятье... Так вот зачем Тьма так хотела, чтобы я нашел Софию. Тьма все знала. И про мою способность и про дар этой девушки...

Кажется, Роман догадался, о чем я подумал — он-то слышал мой разговор с Катериной, хотя и не знал, что я сделал с Драганой. Но мог что-то заметить, когда я прикончил Артура.

— Эй, — он слегка тронул меня за плечо. — Не мое дело, но...

— Да понял я, — процедил я сквозь зубы и стиснул кулаки в бессильной ярости.

Вот как я плачу за свой дар, да? Убивая тех, кого хочу спасти? Вот как Тьма плетет свои узоры? Да будь оно все проклято!

София подняла на меня заплывшие глаза.

— Что такое?

Я не смог ей ответить. Понимал — если хочу выбраться, то вот он, ой шанс. София все равно не жилец. Но не мог я оправдать это в собственных глазах. Не мог. Не милосердие это для меня было. Милосердие — это заставить ее заткнуться и потащить к лекарю. Чтоб он мехом внутрь вывернулся, но вытащил ее.

А это... Это не милосердие. Это убийство. Даже не казнь. Потому что казнят виновных.

— Он умеет забирать силу одаренных, — ответил за меня Роман. — Отнимая жизнь, присваивает себе дар.

София улыбнулась своей жуткой кровавой улыбкой и дотронулась обезображенными пальцами до моей щеки.

— Сомневаешься, да? Не хочешь?

— Конечно, нет!

— Надо. Надо, Владимир. Я не смогла, но сможешь ты. Потому что если ты этого не

сделаешь, значит, я зря держалась все это время. Зря надеялась.

— София, я...

— Послушай, — она говорила так тихо, что мне пришлось наклониться к самому ее лицу. — Послушай, Оболенский. Я тогда не все тебе сказала. Та авария... Меня вылечили, но не полностью. У меня не будет детей. Меня никто тогда не спрашивал, а выбор был дать мне умереть или оставить жизнь, но вот такую... А я такую никогда не хотела. Я о семье мечтала. О доме за городом, на Смоленщине. Как у старых помещиков. А меня всего этого лишили.

Кровь отхлынула у меня от лица.

— Господи, так это я тебя...

— Не ты. Лекари. Они за меня выбрали. Потому-то я и пошла в надзиратели — хоть так пользу приношу. И детей люблю. Решила, так принесу больше пользы. Стараясь вернуть их в нормальную жизнь... Так что все хорошо, Володя. Все хорошо складывается. Видишь, как все хорошо получилось?

Роман отступил на пару шагов, давая мне возможность все решить. София снова улыбнулась — с какой-то дико неуместной нежностью, от которой защемило в груди.

— Давай, Оболенский. Ты не безнадежен, я в это верю. И ты должен успеть. Давай...

Не сумев сдержать вопль отчаяния, я сомкнул пальцы на ее горле.

Меня рвало на части изнутри, и ни проснувшаяся Тьма, ни горевшая огнем печать не могли этого заглушить. София не сопротивлялась. Наоборот — словно сама подталкивала меня к тому, чтобы все закончить. Ее тело боролось, но она сама — уже нет...

Единственное, что хоть как-то могло утешить — я забирал не только ее силу, но и всю боль. Теперь она будет моей, и я буду нести ее столько, сколько потребуется. Потому что такая жертва не должна быть напрасной.

Если среди нас и был герой, то это она. Маленькая светловолосая надзирательница с вечно печальными глазами. И пока что она сделала для всех больше, чем кто-либо.

Я болезненно поморщился, когда ее дар начал переткать ко мне. По крупице черный дым вытягивал его из слабеющей девушки, пожирал и отдавал мне. Сам процесс доставлял наслаждение — вполне физическое. И сейчас это было дико и отвратительно. Настолько, что я с трудом сдержал тошноту.

И лишь когда темные узоры пропали с моих рук, а София дернулась в последний раз, я рухнул на грязный пол, а Роман навис надо мной — взволнованный, бледный.

— Глупый вопрос, но... Ты как?

— Нормально, — прохрипел я.

— Врешь.

— Не самый подходящий момент для рефлексии, тебе не кажется, — огрызнулся я и попробовал подняться. Охранник подал мне руку и помог выпрямиться.

Я еще раз оглядел последствия нашего визита. Да уж, судя по всему, воспитанников в этот день ждет освобождение от работ. Администрация будет замечать следы в мастерских.

— Просьба есть, — сказал я и взглянул на Софию. — Нужно куда-нибудь ее перенести. Боюсь, как бы в кислоте не утопили, чтобы все скрыть. А я не хочу, чтобы она... Хочу, чтобы ее похоронили по-человечески.

Роман кивнул.

— Сделаю. Ну... Постараюсь. Все равно не смогу пойти с тобой — у меня-то нет никаких способностей.

Я удивленно приподнял бровь.

— Серьезно?

— Я из простых, — печально улыбнулся товарищ. — Проще некуда. Обычный парень. В охрану одаренных не берут. Сам понимаешь... Низковато это для аристократа, на страже стоять. А вот надзиратели все из одаренных, им положено. Но их не так уж и много — по двое на отряд. Зато моя форма сейчас поможет мне протянуть подольше. Скажу, что погнался за вами, вы меня вырубili... Даже особо выдумывать не придется.

Он опустил глаза, и только сейчас я увидел, что он был ранен. Насколько серьезно, предположить было трудно, но я видел, что его левый бок был темным от крови.

— Сам-то как? — спросил я, указав на ранение.

— Терпимо.

— Точно?

— Владимир... Сейчас не до этого, да и справлюсь. Не такое бывало. А вот тебе нужно поскорее сваливать с этого острова. И теперь у меня к тебе будет ответная просьба.

Интересно.

— Слушаю, — хрипло отозвался я.

— Не знаю, какой именно у тебя план... У вас, аристократов, всегда есть подвязки на всякого рода влиятельных людей из вашего сословия. Особенно у тебя — ты же из тех самых Оболенских... Как выберешься, что именно планируешь делать?

Хороший вопрос. Может и правда лучше подумать об этом именно сейчас — вряд ли у меня будет время планировать действия, сражаясь со стихийными защитами острова. К тому же это возможность хоть как-то отвлечься от того, что я только что сделал. Находиться рядом с Софией было невыносимо.

— Доберусь до деревни, там должен быть телефон. Хоть у кого-нибудь, — размышлял я. — Позвоню родителям...

Ага, прекрасно. А ты номер знаешь, Хруст? Не знаешь, черт тебя дери!

У меня был мобильник с забитой телефонной книжкой, но его отобрали при поступлении. И сейчас соваться в главный корпус, чтобы его добыть, идея хреновая.

Первая дыра в плане. Может есть какая-нибудь справочная? Должна же быть! Номер официальной резиденции тоже наверняка есть в открытом доступе. Ладно, что-нибудь придумаю.

Еще бы маякнуть Темной матери Друзилле. Лазарь и Драгана со своей подпольной тюрьмой — это, конечно, важно. Но Тьма никуда не делась. И где-то на этом острове бродил человек, способный убивать. Непонятный человек. Неизвестно, по чьей воле он действовал и чего добивался.

— Я попрошу тебя позвонить кое-куда, — голос Романа заставил меня вернуться в реальность. — Отсюда не могу.

— Почему? — удивился я.

Охранник усмехнулся.

— Тебе разве не говорили? На этом острове личных средств связи нет даже у надзирателей. А общая линия, проводная, как ты понимаешь, прослушивается и даже подвергается цензуре.

Ну, если найду телефон, сделать лишний звонок мне труда не составит.

— Кому нужно позвонить? Твоей родне?

— Я же сирота, — отмахнулся охранник и внезапно стал еще серьезнее. — Это прозвучит очень странно, но я попрошу тебя внимательно запомнить все, что я сейчас скажу, и в точности воспроизвести это, когда окажешься на суше и наберешь номер.

Я с недоверием глядел на Романа. Что этот товарищ задумал? Говорил загадками, конспирировался... Боялся возмездия?

— Говори, что нужно сделать, — кивнул я. — Запомню.

Так-то у меня никогда не было особых проблем с памятью. А вот насчет Оболенского — черт его знает. К тому же башкой он и правда здорово треснулся, а органические повреждения мозга, насколько мне было известно, напрямую влияли не только на эмоциональное состояние, но и на когнитивные способности.

— Просто сделай все так, как я скажу, и не задавай вопросов, хорошо? Потом, когда здесь все устаканится, я все объясню. Но сейчас не до этого.

— Диктуй уже! — Прошипел я и приготовился запоминать.

— Набери номер. Семь, гудок, семнадцать-ноль-три, гудок, сто тринадцать, восемнадцать, ноль, восемь. С любого аппарата набирай через гудок, понял?

— Да.

Номер непривычный. Впрочем, ничего удивительного — здесь-то история уже сто лет как шла другим путем. Наверняка и прогресс, пусть и развивался, но со своими особенностями.

А номер запомнить было легко. Семь — такой же международный код страны, как и в моем родном мире. Семнадцать-ноль-три — год основания Петербурга, удобно. Возможно, потому такой префикс и присвоили... ну а остальные цифры легко ложились — хорошее сочетание.

— Ответит девушка, — продолжал Роман. — Попроси ее соединить тебя с Евгенией Ильиничной из архива. Тебе ответят, что она на совещании, и спросят, что передать. И вот здесь самое важное. Слово в слово запоминай! Скажи, что ты Филимонов, ее сосед из двенадцатой квартиры, и что она вас заливает. Что вода уже течет прямо по стенам и скоро затопит персидский ковер.

Я вытаращился на охранника во все глаза.

— Что за чепуху ты несешь?

— Это не чепуха, — сурово ответил Роман. — Сделай все, как я сказал. Выполнишь — и можешь выдохнуть.

— Ну скажу я это — и дальше что?

Роман пожал плечами.

— Дождись ответа. Тебе могут задать пару вопросов. Потом скажут, что делать.

Я затряс головой, пытаясь уложить в нее весь этот бред. Черт возьми, это уже походило на какой-то абсурд. Но если предположить самое дикое, звучало это все как шифр. Сперва пароль, затем передача информации...

Я мигом подхватил нож Драганы и направил его на Романа.

— Ты кто такой, мать твою?

— Я здесь работаю, — охранник на всякий случай отпрянул. — Не нервничай, Владимир. Я тебе не враг. Я просто здесь работаю.

— Ага, — выплюнул я. — Вот только на кого?

Невзрачное лицо Романа исказилось гримасой раздражения.

— Сказал же, все объясню позже, — процедил он сквозь зубы. — Ты вроде не тупица, Оболенский. Сам пораскинь мозгами, что все это может значить. Просто у нас сейчас действительно очень мало времени. Ты, вероятно, слабо представляешь, что такое протокол «Цитадель» на острове. А именно его сейчас и активировали.

— Вообще не представляю, — отозвался я. — И мне, если честно, наплевать.

— А зря. «Цитадель» — это полный контроль над всей территорией и над каждой душой. Воспитанников, скорее всего, запрут. Объявят тревогу и придумают правдоподобный повод. А затем начнется зачистка. Ты же понимаешь, что те, кто здесь всем рулят, прекрасно знают о том, что творилось в том подвале. И у них беглецы. Директор пойдет на все, чтобы скрыть инцидент и прикрыть свою одаренную жопу.

Он сказал это с таким презрением, что я невольно задумался — а насколько он вообще может быть мне другом, если я тоже одарен и потенциально опасен? Если это классовая ненависть, то лучше держать ухо востро.

— Сейчас идеальный момент, чтобы за эту самую жопу его и ухватить, — продолжал Роман. — И ты единственный, кто может с этим помочь!

— Значит, это код?

— Да, — торопливо кивнул Роман. — Подробностей не будет. Но сигнал нужно передать как можно быстрее, пока здесь все не зачистили.

М-да. Влип ты, Хруст.

Выходит, этот Роман — шпион какой-то? Агент или кто он там под прикрытием, прости господи? Ничего другого на ум не приходило. Это кино все больше походило на артахасный шпионский триллер.

— Почему сам телефон не сопрешь и не позвонишь?

— А ты попробуй здесь сеть поймать, — проворчал охранник. — Защиты стоят не только от побегов, но и от несанкционированных способов связи. В мирное время можно было выбраться в свой отгул, и я так и делал. Но сейчас на острове «цитадель». Не выбраться. Никакой связи, кроме проводной. А там — «уши». Так что ты — моя связь, Володя.

Я в отчаянии провел ладонями по лицу, стягивая кожу. Замарался — и хрен с ним.

Проклятье, во что же я влез-то? Сначала эта печать Тьмы, будь она неладна. Потом покушение — и до сих пор неясно, кто именно пытался меня укокошить. Затем путешествие в подвал и знакомство с Лазарем — и тоже не поймешь, что за людей он представляет и насколько они могущественны...

И сейчас, как последний гвоздь в крышку гроба моей надежды на нормальную жизнь — эти вот выкрутасы простого охранника Ромки, который, блин, решил изобразить тут передо мной хренова Джейсона Борна!

Нет, я все понимаю. Пути судьбы неисповедимы, все дела. Но можно не так сразу все вываливать, а?!

— Ты мне одно скажи, — я вцепился в Романа взглядом, не опуская ножа. — Только честно. Я все равно почую, если брешешь. Детям и тем, кто ни в чем не виновен, хуже от этого звонка не станет?

Ведь если все настолько серьезно, то жажнет так, что может и простых ребят зацепить.

Он молчал, изучающе глядя на меня. Вообще, следовало раньше догадаться, что этот Роман был не так прост. При довольно невзрачной внешности он был хорошо развит физически — для недаренного. Крупный, сильный, явно тренированный — то, как лихо он разложил сразу двоих своих «коллег», уже о многом говорило.

Не стал сильно сопротивляться, когда мы вырвались. Возможно, сперва хотел всеми силами сохранить себе жизнь — и понятно, почему, раз должен был передать какую-то информацию. А затем... Понял, что я пытаюсь спасти людей? Поэтому решил помогать?

— Ты меня удивляешь, Оболенский. К счастью, удивил приятно. Не похож ты на человека, которому место на этом острове.

— На вопрос отвечай!

— Нет, воспитанникам и надзирателям, которые не замешаны в том, что творилось в тайном подвале, это хуже не сделает. Скорее даже наоборот.

Я кивнул.

— Мне этого достаточно.

— Тогда идем, помогу тебе добраться до пирса.

— Не нужно, — я покачал головой и сунул нож за пояс. — Займись Софией. Я сам выберусь. Если нужно, прорвусь силой.

— О, в этом я уже не сомневаюсь, — печально улыбнулся Роман. — Только, пожалуйста, сперва повтори то, что запомнил. Я должен убедиться, что ты все сделаешь

правильно.

Я несколько раз пересказал номер телефона и порядок действий. Пару раз путался и сбивался — и тогда Роман раздраженно меня поправлял. Сейчас, когда дошло до главного, он стал заметно нервничать.

Да и мне было не по себе. Пусть София подарила мне свою способность, но я ведь толком не понимал, как она работала. Не знал, как действовала власть над стихией воздуха, которой пользовался Артур. Вообще не понял, какими особенностями, помимо физической силы, обладала Драгана.

Сдавалось мне, что я собрал тот еще ящик Пандоры. Потому что за каждый дар приходится платить, и я не знал, чем придется расплачиваться за то, что я приобрел.

— Все, проваливай, и побыстрее, — сказал Роман. — И, прошу, выживи в этом шторме.

Он протянул мне руку, и я пожал ее, коротко кивнув на прощание.

— Увидимся, — напоследок сказал я.

Роман усмехнулся.

— Это оптимизм или надежда?

— Это цель, — ответил я и направился к выходу из коридора.

Лишь в последний раз заставил себя обернуться и взглянуть на Софию.

Я тебя не подведу, милая.

* * *

Ладога от души окатила меня высокой волной. Норовистая царица озер, с характером.

Я подобрался к пристани с запада — там на берегу развалились гигантские валуны — наследие Валдайского оледенения. За ними было легче скрыться, хотя уже на самом подходе к берегу я все же столкнулся с патрулем охраны. К счастью для меня и к несчастью для них — я заметил их первым.

Пролив был затянут почти непрозрачной сизой дымкой — всего метрах в пятидесяти начиналось форменное безумие стихии. Такое точно было неподвластно природе — это был рукотворный барьер.

Шторм бесновался так, что даже до меня долетали брызги. Птицы поспешили убраться подальше. На берег выбрасывало рыбу — я заметил серебристые бока подлещиков и полосатые горбы окуней.

— Ну, с Богом, — выдохнул я и с сожалением стянул кроссовки. Дно каменистое, ноги изрежет. Пришлось раздеться до белья, чтобы то, что осталось от моей робы, не мешало плыть.

Я не знал, что именно следовало делать, поэтому решил идти напролом. Просто врублюсь в эту водяную стену и буду идти, плыть, ползти по дну, если придется. Всего пара сотен метров отделяла меня от цели. Но сейчас это расстояние казалось непреодолимым.

Сомнений не было. Был страх ошибиться.

Я спрятал одежду под камень, чтобы охрана продолжала искать меня на острове. Разумеется, они вскоре поймут, что я решил смыться. Но пусть сперва побегают.

И вошел в воду.

Да, гостеприимством Ладога не отличалась. Вода была не просто холодной — она

обожгла стопы этим холодом. Стиснув кулаки и скрежеща зубами, я пошел дальше, стараясь не разбить пальцы ног о подводные камни.

Вода била в лицо, ветер завывал в ушах, а я упрямо пер навстречу барьеру. Вот уже стало по грудь, еще через пару шагов — по шею... а затем ноги и вовсе оторвались от дна, и меня подхватила буря.

Задержав дыхание, я старался нырнуть, увидеть дно и, если получится, попробовать переплыть этот барьер. Но меня ждало разочарование — выкопанный внизу ров был слишком глубоким, и я попросту не мог добраться до дна.

Очередная волна подхватила меня, подбросила, словно тряпичную куклу — я старался контролировать движения и не тратить силы на бесполезное барахтанье. Но удержаться было невозможно — меня постоянно кидало, метало, подбрасывало, перекувыркивало на ледяных волнах, словно вода и ветер решили сыграть мною в футбол.

Да что ж такое! Меня засасывало в ловушку. Я вдруг понял, что уже долго болтался на одном и том же месте — ни назад, ни вперед. Угодил в самый эпицентр этой бури, а сил оставалось все меньше. Словно что-то впереди — нечто невидимое и могучее, не пускало меня...

Было трудно дышать, трудно плыть, трудно просто держаться на воде. Но каждый раз, когда я пытался нырнуть, меня снова подбрасывало. Вот, значит, как это работало — затягивало в центр заклинания и изматывало до тех пор, пока организм не лишится сил.

И хуже всего было то, что даже я, даже со всеми дарами, тоже стремительно их терял. Оболенские крепки, но не бессмертны.

В какой-то момент я уже потерял счет времени. Существовали лишь очередная волна, новый порыв ветра и старые проблемы.

Я перестал соображать. Воздуха не хватало. Легкие наполнились водой, и я понял, что начал по-настоящему тонуть.

Страшно. Всего сотня метров до деревни на берегу... А я уже не мог...

Легкие начали гореть, тело тряслось, перед глазами поплыли темные круги. Я захлебывался водой, путался в водорослях, которые притащило бурей, и понимал, что провалил задание...

Тело перестало сопротивляться. Я наконец-то шел ко дну, но теперь лишь для того, чтобы на этом дне и остаться на какое-то время. А потом всплыть, наглядно продемонстрировав могущество природной магии...

И в тот миг, когда я закрыл глаза и окончательно перестал сопротивляться, мне показалось, что я услышал веселый, озорной, словно звон серебряного колокольчика, женский смех...

Мне подумалось, что этот смех был галлюцинацией, агонией погибающего от нехватки кислорода мозга. Ну что ж, не самый неприятный «приход» напоследок.

Но было бесконечно жаль, что я провалил задание. Катерина ведь предупреждала, что следует относиться серьезнее, что нельзя недооценивать опасность. А я... Положился на «авось» и дары, которыми не умел пользоваться — и вот итог.

Глаза закрылись сами собой, руки и ноги безвольно повисли в плотной пресной воде. Там, наверху, надо мной сверкало холодное северное солнце, а здесь, на непонятной глубине было темно и холодно. Как в могиле.

Внезапно хрустальный смех зазвучал еще ближе, и мне показалось, что звенел не один, а целый хор веселых колокольчиков. Что ж, я всегда был против уныния на своих похоронах...

— Гляди, какой славный! — прозвенел нежный голосок — одновременно близкий и далекий.

— И правда! — вторил ей еще один девичий голос. — Могуч! Богатырская кровушка, не иначе... Может оставим себе? Или все же вытащим. Раз уж сам нам на пути попался...

— А ежели матушка прознает? Гневаться будет, опять бурю подымет...

— Да что ей гневаться? Это ведь просто молодец. Жаль таким рыб кормить...

— Тише, сестрицы! — мелодичный смех тут же утих, когда вмешалась третья девица, строго прикрикнувшая на остальных. — Поглядите-ка поближе... Могуч да слаб. Утонул да не умер. Диво...

Мне показалось, кто-то до меня дотронулся.

— Ой! Теплый...

— Ясное дело, теплый — он ведь еще живой...

— Может с острова? От колдунов сбежал?

— Надо бы к матушке его отвести, — сказал строгий голосок. — Он ведь мертвый уже должен быть. А живой. Гляди, не дышит совсем — а все равно живой...

Вокруг меня что-то закружилось, поднимая пузыри. Я хотел открыть глаза и посмотреть, что же это такое, кем были эти девицы... Но не мог. Сил совсем не осталось. Даже их голоски, казалось, утонули в этой холодной воде...

— Может родич наш, — продолжил строгий голосок. — А если так, нужно к матушке вести. Раз не помер до сих пор, значит, морем поцелован. А ежели вода благословила, то и нам ее уважать надобно. Иначе, если до деда дойдет, плохо будет. Лава, Сарья, помогите мне...

Что-то подхватило меня, взметнув волну щекотных пузырьков. Казалось, в меня вцепились маленькие тонкие пальчики и куда-то потащили.

И в этот момент я совсем отключился.

Просыпаться не хотелось.

Почему-то на тело напала жуткая лень. Уставшие от приключений и драк мышцы молили о пощаде. Голова раскалывалась от бессонницы, ныли все конечности.

Но я был жив. И я, черт возьми, дышал.

Только вот... как?!

Осторожно открыв глаза, я с удивлением понял, что и правда мог дышать. Только сперва пришлось выкашлять всю воду, которой я нахлебался, сражаясь со стихийным барьером.

— Очнулся! Очнулся!

Снова эти голоски, как озорные колокольчики. Было в них что-то... природное, по-детски непосредственное. словно весенняя капель или журчание ледяного ручья. Голоса, за которыми стояла сама природа.

Я осторожно поднял голову и увидел перед собой троицу очень странных девиц.

Высокие и тонкие. Я бы не назвал их тощими — нет, они выглядели здоровыми, полными жизни и вполне счастливыми. Просто они очень здорово отличались от обычных девушек. Их бледная, с некоторой синевой кожа, казалось, немного светилась изнутри. По всему телу были рассыпаны то ли блески, то ли чешуя — что-то искрилось на коже.

Три пары огромных ярко-синих, как само море, глазищ с любопытством меня разглядывали.

— Эээ... Здравствуйте, — почему-то сейчас красноречие дало сбой, и я не придумал ничего умнее.

Девицы продолжали молча на меня пялиться, словно разглядывали заморскую диковинку. А я, в свою очередь, так же пялился на них.

А ведь девки-то непростые. Ох непростые...

Волосы они заплетали в длинные, до пят, косы, и в них же вплетали нити речного жемчуга, золотые и серебряные ленты, ракушки, побрякушки, бусинки. На голове у каждой девицы был причудливый головной убор, напоминавший небольшую корону, а облачены они были в платья из полупрозрачной переливающейся ткани, под которой были заметны силуэты их тел. Весьма и весьма соблазнительные, к слову.

Да, худышки, но очень гармоничные. И настолько необычные, что казались красивыми.

— Простите, но вы кто такие? — снова спросил я.

Две девушки переглянулись и весело рассмеялись, а третья укоризненно покачала головой и наградила меня строгим взглядом.

— Мы дочери Моряны Нево, — важно сказала она.

Как будто это должно было мне все объяснить!

— Кого, простите?

— Моряны Нево, Владычицы озерной, — мне показалось, что эта серьезная нимфа не была настроена ко мне дружелюбно. В отличие от ее подружек, которые озорно стреляли глазками и тихо хихикали.

Так, Хруст. Чем дальше в лес, тем толще партизаны. Если ты все еще бредил, то из твоего мозга надо точно взять анализы, чтобы синтезировать самую забористую дурь в мире. Ибо такой приход — это слишком даже для тебя.

Я огляделся по сторонам и ахнул от восхищения.

Сперва мне почудилось, что я попал не в сон, а в настоящую сказку. Не в киношную, а ту, из былин и картин Васнецова. В крайнем случае — в декорации к опере «Садко».

Как выяснилось, очнулся я в огромном зале роскошного дворца. Ничего подобного я не то что прежде не видел, но и представить себе не мог. Стены из горного хрусталя — чистого и прозрачного, а каждая грань искрилась радужными бликами. Пол был вымощен ковром самоцветов — нежным розовым кварцем, глубоким фиолетовым аметистом, красной яшмой и зелеными агатами. Страшно наступать на такую красоту...

— Ух ты...

Подняв глаза наверх, я удивился еще больше.

Высокие хрустальные своды зала были украшены смотровыми окошками причудливых форм, через которые можно было наблюдать за подводной жизнью. Над дворцом проплывали ленивые белорыбицы — лещи, плотвички, сиги, щерили плавники угрюмые окуни-горбачи и важные судаки, резвились, сверкая серебряными боками, уклеики...

Стены и колонны увивали причудливые растения, качавшие длинными темными листьями. Все здесь сверкало золотом, серебром и драгоценными камнями самых разных цветов и размеров. Словно я очутился внутри большой шкатулки с сокровищами. И больше всего здесь было перламутра и жемчуга.

— Милые девы, позволено ли мне узнать, как я здесь оказался? — я решил действовать максимально дружелюбно. Сперва выясним, что это за фантастическое место и чего от меня хотят...

— Ты оказался здесь потому, что мы привели тебя, — озвучила очевидное строгая нимфа. — А привели мы тебя потому, что больно уж ты нам странным показался, добрый молодец. Если ты добрый...

Я пожал плечами.

— Злым тоже бываю. Как и все люди...

— Любопытный ты, — продолжила девица. Судя по ее наряду, она занимала чуть более высокое положение относительно своих подружек. Золота на ее одеждах было больше, самоцветы — роскошнее и богаче. — Не такой, как обычный человек.

— Я одаренный, — кивнул я, решив не скрывать очевидного. — Среди людей есть такие, кто сильнее и выносливее, кто может управлять природными силами...

Я заткнулся, заметив, что лицо серьезной девицы исказилось гримасой гнева.

— Колдун! — воскликнула она, и две другие девушки в ужасе отпрянули. — Ты с острова? С острова, где колдуны бурю устраивают?

— Эээ... Да. Только я оттуда сбежал. И эта буря меня чуть не убила.

— Вот то-то и оно! — прищурилась старшая нимфа. — Колдуны хорошо тонут. А ты не утонул. Потому ты и здесь.

Ну... Вот и, вероятно, нашлось объяснение подарку Софии. Она же говорила, что унаследовала дар от предка-водяницы. Может именно так он работал? Позволял долго находиться под водой и не умирать?

А я, выходит, ошибся в том, что слишком быстро растратил все силы и устал. Так, что ли?

— А вы... Русалки?

Девица выгнула смоляную бровь и усмехнулась.

— Мы — девы речные. Я — Назья, а это Лава и Сарья, мои сестрицы. Русалки водяницы которые, нам очень далекая родня.

Я сделал вид, что меня удовлетворило это объяснение, хотя на самом деле я с каждым ее словом понимал все меньше. И все отчетливее чувствовал себя героем былины о Садко. Тем

временем суровая девица взмахнула тонкой ручкой — множество тонких браслетов на ее запястье зазвенели — и поманила кого-то к себе.

Мне на плечи легло что-то мягкое и теплое. Я вздрогнул от этого неожиданного прикосновения. Обернулся — но никого уже не было.

— Не бойся, — сказала Назья. — Негоже тебе являться к нашей матушке в... в том, что вы на суше носите. Ты в Озерном царстве, и ты гость. А это — просто накидка, чтобы ты не смущал других дочерей своей наготой.

— Благодарю...

Не знаю, что это был за материал, но он оказался очень приятным. Словно легчайшее пуховое одеяло, накидка мгновенно меня согрела. Жаль только, обуви не было. Но здесь все ходили босиком.

А я все никак не мог взять в толк, что же это было за странное место. Мы ведь находились под водой, на дне озера. Но здесь я мог дышать, здесь мы могли разговаривать. Откуда взяться воздуху? Да и сам дворец должен быть герметичным...

Впрочем, давай начистоту, Хруст. В том, что с тобой происходило и продолжает происходить, зачастую нет ни логики, ни здравого смысла. И объяснить ты это не можешь. Просто расслабься и получай удовольствие. Благо здесь и правда было на что посмотреть.

— Здравствуй, молодец, — прозвучал властный голос из глубины зала, и Назья вздрогнула. — Не бойся, подойди ближе.

— Матушка зовет, — шепнула речная дева. — Иди. И будь почтителен перед Владычицей.

Я кивнул и медленно двинулся вперед. С каждым шагом зал становился все величественнее и прекраснее. Он одновременно напоминал средневековый храм — такие высокие здесь были потолки — и большой главный зал в старинном замке. Только о таком убранстве не мог мечтать ни один король.

Вдоль стен на резных лавках из цельных кусков самоцветов сидели дивной красоты девушки. Все такие же тонкие и глазастые, как Назья и ее сестры — или подружки. Одни девицы весело щебетали и ткали ту самую необычную ткань, из которой здесь мастерили одежду. Другие нанизывали длинные нити бус из жемчугов, расшивали драгоценными лентами головные уборы. Третьи, ловко орудуя иголками, похожими на рыбы кости, расшивали узорами готовую одежду. Все это сопровождалось дивной красоты песней, которую девушки исполняли хором высоких, красивых голосов.

Заметив меня, девицы смущенно отводили взгляд, но в то же время заинтересованно пялились, когда я на них не глядел. Видимо, не привыкли видеть здесь вполне живых молодых людей с суши. Любопытствовали.

— Ближе, гость, — велели мне. — Не бойся.

В конце этого роскошного зала на легком возвышении расположился настоящий трон. По-другому и не назвать. С высокой спинкой, украшенный искусной инкрустацией, он сиял так, что у меня с непривычки резало глаза.

Окруженная этим дивным сиянием, на троне расположилась женщина. Такая же глазастая, с бледной искрящейся кожей. Она выглядела старше — по человеческим меркам, лет под сорок. И у нее была настоящая северная и холодная красота. Неприступная, строгая, величественная. И совершенно нечеловеческая.

Яркие, как сапфиры, глаза, белоснежные волосы, на голове — зубастый украшенный прозрачными камнями венец.

В одной руке Владычица держала острогу из серебра. Шлейф ее платья стекал по ступеням, словно радужная пленка, а широкий пояс и тяжелое нагрудное украшение были сделаны из чистого золота.

Она подняла свободную руку в знак приветствия.

— Моряна Нево я, дочь Морского Царя и наместница его на озере Нево. Альдоге или Ладоге, как вы его называете.

Черт, жизнь меня к такому не готовила, но лучший способ не навлечь гнев суровой дамы — не давать поводов гневаться.

Я поклонился.

— Меня зовут Владимиром. Из княжеского рода Оболенских.

Владычица внимательно изучала мое лицо, а затем, прислонив острогу к стене, медленно спустилась ко мне. Я замер, пока она кружила вокруг меня, а ее шлейф лизал мои босые ноги.

— Оболенский, — задумчиво сказала она. — Не припомню, чтобы кто-то из вашего рода имел с нами сношения. Оболенские — богатыри. Наш народ знает о вас, но мы вам не друзья и не родня... Тем интереснее, как же так вышло, что юный муж из Оболенских обладает даром моря. Как ты объяснишь мне это, гость?

Я напрягся. Положение, прямо скажем, так себе. Эти морские амазонки уж точно смогут меня прикончить, если захотят. Лгать я им не хотел. Но если рассказать, как именно ко мне перешел дар Софии... Надзирательница все же была им родней, как я понял. Пусть и дальней. На их месте я бы своему рассказу не обрадовался.

Но я решил не лгать.

Владычица Нево застыла передо мной, молча ожидая рассказа. И я начал. Почти что с самого начала. Пока рассказывал, заметил, что прекрасная песня нимф стихла и теперь все эти огромные глазищи и маленькие ушки были поглощены моей историей.

— Вот как, — задумчиво проговорила Моряна Нево и неспешно вернулась к трону. Ее длинные тонкие пальцы поглаживали острогу, и мне это ничего оптимистичного не внушало. — Значит, ты готов поклясться, что колдуны и те, кто им служит, извели потомка одной из наших водяниц.

— Я сам закончил ее страдания, — склонил голову я. — И ко мне перешел ее дар. Но я бы не стал отбирать его насильно. Если бы София могла сама... Я бы помог ей выбраться.

Владычица долго молчала, а затем затянула печальную песню. Я не понимал слов — да и не знал, были ли они там. Возможно, язык озерных дев этого и не предполагал. Но песня была печальная, и у меня снова защемило сердце.

Мотив подхватили все девы — слезы на их глазах сверкали, словно алмазы, подсвеченные сиянием озерного трона.

А затем Моряна Нево резко ударила острой по драгоценному полу так, что выбила из него осколки. Песня тут же оборвалась.

— Слушайте меня, дочери, — голос Владычицы был грозен, но лицо оставалось непроницаемым. — Слушайте и исполните мою волю. Гость, пусть я не рада видеть его из-за печати, что он на себе носит, сказал правду. Тьма нам не друг, ибо Тьма всегда все извращает себе на пользу. Но сейчас этот богатырь из Оболенских душой не кривил. Давно мы договорились не вмешиваться, долго терпели соседство с колдунами, что засыпают наши владения песком и пядь за пядью отнимают у нас владения. Но сейчас пришла пора вмешаться.

Я непонимающе глядел на местную королеву.

— Почему вы колдунов... то есть одаренных не любите? Они вам что-то сделали?

— Потому что они не знают, с чем играют, юнец, — раздраженно ответила Владычица. — Но пока нас это не затрагивало, нам до того дела не было.

— А сейчас затронуло... Все из-за Софии?

Да ну. Может у этого народца, конечно, были особые порядки и традиции. Но не верилось мне, что гибель Софии могла вызвать гнев у Владычицы. В конце концов где они тогда были раньше? Почему ей не помогали?

Нет, здесь точно был какой-то личный интерес. Впрочем, так-то Моряна Нево была хозяйкой Ладоги. Насколько я понимал, она была чем-то вроде духа всего озера. На ее месте мне бы, конечно, тоже не пришлось по душе вынужденное соседство с поехавшим Лазарем и вообще всей этой исправительной шарагой. Особенно с учетом концентрации силы на квадратный километр...

— Не хочу я больше терпеть такое под боком, — заявила Владычица. — Бурями своими рыбу пугают, птиц отпугивают. Они это величают укрощением стихии. Ха! Да только с каждым годом им все мало. Не умеют довольствоваться и благодарить, не ценят то, что имеют. Считают, богами стали. И они ошибаются. Нельзя укротить озеро Нево. Потому что ни одну стихию нельзя укротить. Вы получили дары, но даже не понимаете, зачем они вам достались...

И тут мне в голову пришла, пожалуй, самая нелепая идея, которую можно было вообразить.

— Хотите прекратить соседство, почтенная Моряна? — улыбнулся я. — А если я попытаюсь вам помочь так, что вы особо ничем и не будете рисковать? Только и у меня будет к вам одна просьба...

Озерная владычица прищурила глаза и скользнула по мне снисходительным взглядом.

— Предлагаешь обмен? Услугами? И что же ты можешь предложить мне такого, что я не властна сделать?

Я пожал плечами.

— Выгнать колдунов с острова, например.

— Думаешь, мы этого не можем?

— Полагаю, если бы могли, то уже выгнали бы... Либо вас это соседство не так уж и достало, раз вы ничего так и не делали почти за сотню лет.

За моей спиной раздался возмущенный ропот. Не хотелось быть непочтительным, но у меня и правда было мало времени. Я должен был добраться до суши, позвонить, спасти товарищей... И все эти подводные приключения совершенно не вписывались в мои планы.

Так что разговор будет коротким. Либо договариваемся о сотрудничестве, либо расходимся.

— Твою наглость оправдывает лишь юный возраст, маленький богатырь, — процедила владычица, но было заметно, что моя непочтительность была ей поперек шерсти. Или чешуи...

— Если я выйду на сушу, то смогу сделать так, что колдуны на острове перестанут вас беспокоить. Уж не знаю, кто там из вас сильнее, кто кому надоел и какие у вас конфликты. Мне до этого дела нет. Я просто говорю о том, что смогу с этим помочь. Но при условии, что вы вернете меня на берег.

Пальцы Владычицы крепче сжали драгоценную острогу.

— Ты не вправе просить нас о чем бы то ни было, гость, — прозвенел ее голос. — Мы не помогаем тем, кто принадлежит Тьме. Потому что Тьма поглощает все, чего касается, и делает своим. Ты уже забрал дар, который не должен был тебе принадлежать, юный богатырь. И должен быть благодарным за это. У тебя будет шанс отплатить добром. Но не сейчас. Ты поймешь, когда.

Она ударила острой по полу — да так сильно, что во все стороны посыпались искры и осколки вымощенного самоцветами пола. Водяные девицы вскрикнули и заметались, мельтеша перед глазами, словно маленькие напуганные рыбки. Я инстинктивно зажмурился — и вовремя: искры становились все ярче, белее... Словно съедали пространство вокруг себя...

А затем кто-то отвесил мне крепкую пощечину...

— Тише ты! — проскрипел надо мной чей-то голос. — Убьешь же.

— Ничего, пускай очухается. Василича зови. Он вишь какой холодный — точно проторчал в воде не пойми сколько. И башка разбита — видишь? Кровит... Помощь нужна пацану. Давай, бегом! Одна нога здесь, другая там.

— А рыба...

— В жопу себе эту рыбу засунь хвостом наружу! Человек помирает, не видишь, что ли?

Я застонал и попытался пошевелиться.

— Тихо ты, — чья-то рука легла мне на плечо. — Тихо, пацан. Не шевелись лучше.

— Что... Где я?

— Мы тебя из воды выволокли, — проскрипел голос. — Нахлебался ты изрядно, едва откачали. Хорошо хоть, тебя на банку выбросило — там и подобрали. Все почти кончилось, парень. Просто полежи. Сейчас фельдшер прибежит — и залатает тебя. Надеюсь...

С трудом разлепив один глаз, я увидел склонившегося надо мной косматого мужика со всклокоченной седой бородой. Трудно было определить его возраст: то ли очень хреновые сорок, то ли отличные семьдесят.

Голова была как чугунная. Мои лопатки неудобно упирались во что-то твердое и острое. В ногах скользило и копошилось что-то холодное. Рыболовная сеть... Да и запах был соответствующий.

И, кажется, я лежал в лодке.

Рыбак наклонился чуть ближе и прищурил выцветшие глаза на обветренном лице.

— Говорить можешь? Себя помнишь?

— А... Ага.

— Славно. Башка сильно болит?

Еще как! Затылок ломило так сильно, словно меня огрели по нему увесистым бульжником.

— Весьма, — прохрипел я. — Мне бы аспиричику.

— Тебе бы не аспиричику, а в больничку, дурень! Видать, здорово ты ударился. Мы когда тебя в лодку затащили, ты все какую-то чепуху нес. Про владычицу озерную и девок речных. Как будто разговаривал с кем-то, да никого рядом с тобой не было. Мы с Ленькой пытались тебя растолкать — да куда там... Потом увидели, что у тебя башка вся в крови, и погребли к берегу. Только сейчас вот ты очухался. Звать-то как?

Я слушал рассказ рыбака, не зная, что и думать. Нет, реально было похоже на бред или на видение. Может я все-таки смог пробраться под бурей по дну... И тогда меня наверняка отнесло на банку, шарахнуло о камни и...

Черт его знает, как именно проявился дар Софии. Не сдох — и ладно.

— Володя, — прошептал я. — Из Оболенских. Сын княжий.

— Опять бредишь?

— Вот те крест, мужик. С острова я. Сбежал. Там бунт. Я одаренный. Меня отправили потому, что только у меня был шанс перебраться через бурю...

Я молол первое, что пришло в голову, приплетая к этому часть правды. Ну не стану же я растолковывать первому встречному всю эту историю про тайную тюрьму, садистов-надзирателей и солдат-подростков?

Рыбак не сводил с меня бледных, почти рыбьих, и жутковатых глаз.

— То-то я и думаю, чего это тебя купаться в майке да трусах в июне понесло... Ленька-то поначалу подумал, ты спяну в воду прыгнул — ну и допрыгался. Любит у нас тут молодежь летом с палатками стоять.

— Пожалуйста, — я крепко ухватил рыбака за плечо. — Мне помощь нужна.

— Это я вижу. Ладога тебя изрядно помотала.

— Да не в этом смысле! Сообщить нужно! Связь нужна!

Рыбак с усилием разжал мои пальцы.

— Да погоди ты! Хорош вскакивать! Сперва надо хотя бы голову тебе перемотать. Щас Ленька приведет Василича. Потому как если ты княжий сын, то, уж прости великодушно, если ты в моей лодке коньки отбросишь, то меня со свету сживут. Так что сначала башку

тебе замотать надо. Я дядя Жора, кстати. Иллонен. Сейчас Василич тебя посмотрит, проверит, что ты опять не бредишь...

— Да в порядке я!

— Василичу, фельдшеру нашему, виднее будет. Он тут доктор, а ты, раз на острове был, значит, преступник. Но нам до этого дела нет. Озерный закон прост: тонущего всегда вызволи.

— За это благодарю от всей души, дядь Жор. Правда. Но я не брежу.

— Давай-ка проверим. Леньку, внука моего, ты знатно напугал, княжич. Глаза подбегают, вращаются дико, чепуху несешь, к какой-то владычице взываешь — и не разбудить. Хотя... Есть поверье, что у каждой реки и озера свои духи на охране стоят. И что духов этих надо задабривать, чтобы улов был добрый. И худого делать нельзя — тревожить воду почему зря, ловить молодняк, сор бросать. Тогда, дескать, духи прогневаются и наказать могут. Но мне-то мой дед рассказывал. Да только это все местные рыбацкие поверья. Откуда княжескому сыну про наши легенды знать?

Я отмахнулся.

— Неважно. Где я? В Леднево?

— Не, снесло тебя. В Назии ты.

У меня внутри все похолодело.

— Назия?

— Ну да. Деревня такая. В честь речки названа...

Я нервно слотнул слюну. Одну из тех глазастых девиц звали Назьей... Так это что получается — они там все... Так, стоп, Хруст. Что из того, что ты видел, было правдой? Что имело связь с реальностью?

Могли это быть игры разума? Например, наложение памяти прежнего Оболенского на мою — такое же наверняка возможно, если воспоминания решили вернуться? Что еще? Удар головой? Ну да, тоже что-то могло нарушиться.

Короче, понятно, что ничего не понятно.

Но слишком уж странным было это видение. Как кино или картинка. Слишком много пафоса, лубочности, даже кича... Впрочем, об этом можно будет подумать потом. Главное — я выбрался. И у меня было дело.

— Мне нужен телефон, — прохрипел я, пытаюсь подняться. — Нужно позвонить...

— Куда?! А ну лег обратно!

— Вы не понимаете, — я захлебывался воздухом, которого внезапно стало слишком много. — Это очень важно! Я должен позвонить! Где ближайший телефон?

Рыбак продолжал удерживать меня и пялился на меня во все глаза. Видимо, было что-то такое в моем выражении лица, что он отстранился и вытащил из внутреннего кармана старой куртки кнопочный мобильник.

— У меня денег мало на счету. Вчера ежемесячную плату списали... Родне позвонить хочешь?

— Не совсем, — отозвался я и протянул руку. — Можно? Обещаю, я быстро. И я вам все возьму, как все уляжется. Обязательно.

Рыбак отмахнулся.

— Да ладно... Еще с человека в беде плату брать. Но денег и правда хватит только на один звонок. Так что ты уж с умом номер набирай...

Телефон напоминал неубиваемый кирпич Nokia 3310. Небольшой монохромный

дисплей, тугие кнопки, корпус из очень крепкого пластика и приятная основательная тяжесть в ладони. Мне было непривычно держать в руках такой раритет, особенно с учетом того, что в прошлой жизни я всю пользовался тоненькими смартфонами с кучей приложений.

Значит, только один звонок. Тогда никакого справочного бюро — буду звонить в единственное место, номер которого я знал.

Я судорожно вспоминал инструкции Романа. Семь, гудок, семнадцать-ноль-три, гудок, сто тринадцать, восемнадцать, ноль, восемь...

Кнопки поддавались туго, а экран был слишком тусклым под ярким солнцем. Пошли длинные гудки — один, второй, пятый... Трубку снимать не спешили.

Шестой оборвался, и сквозь треск и помехи я услышал усталый женский голос.

— Слушаю.

— Здравствуйте... — я немного стушевался от неожиданности. Уже перестал верить, что ответят. — Мне нужна Евгения Ильинична из архива.

Пауза. Шелест бумаги и, кажется, клацанье ногтей по клавиатуре.

— Евгения Ильинична сейчас на совещании, — чуть более живым голосом ответила незнакомка. — Что ей передать?

— Хорошо. Передайте, что звонил Филимонов ее сосед из двенадцатой квартиры. — В этот момент подслушивавший разговор рыбак удивленно на меня вытаращился и потянулся было, чтобы забрать у меня трубку, но я вовремя шархнул в сторону.

— А ну отдай! Опять бредишь же...

— Тихо! — Прошипел я и вернулся к разговору. — Евгения Ильинична нас заливает... Вода... Вода уже течет прямо по стенам и скоро затопит персидский ковер!

Снова пауза. Долгое молчание, но я слышал, что девушка на том конце трубки взволнованно задыхалась. Стук по клавишам — торопливый. Ожидание...

— Вы в Леднево? — Наконец спросила незнакомка.

— Нет. Назия. Меня просили позвонить. Я от...

— Ожидайте, — отрезала она. — Ваша жалоба принята. Специалисты направятся к вам в ближайшее время. Держитесь.

И она отключилась. Звонок сбросился, и телефон превратился в кирпич. Тут же пришло сообщение об отрицательном балансе на счету.

— Прости, дядь Жора, — я вернул аппарат рыбаку. — Все потратил.

— Это что ты сейчас такое учинил?

— Так надо.

— Не, не верю я тебе, княжич. Слишком уж ты странный, — он взглянул поверх моей головы в сторону берега и замахал рукой. — Идут! Ничего, шас тебя осмотрят, найденыш.

Уже загорелый подросток, что для июня в наших широтах было редкостью, сопровождал пухленького мужчину с саквояжем. Добежав до нас, он широко улыбнулся, продемонстрировав здоровые, но кривоватые зубы.

— Живой, на слава богу!

— Разойдитесь, — велел человек с саквояжем. — Быстрый осмотр проведем здесь. Нужно убедиться, что его можно переносить или вести. Леня, сгоняй к Икко, приведи старших. Если нести придется, нужны руки.

Ленька кивнул и тут же понесся по берегу в сторону деревни.

— Я в порядке, доктор, — попытался отмазаться от осмотра я. — Сам пойду.

— Не слушай его, Василич, — проворчал рыбак. — Пацана о камни на Зеленцах побило. С башкой у него явно беда.

Тем временем врач уже сбросил куртку и принялся меня ощупывать. И, задрав мокрую майку, замер.

— В пункт его, быстро, — распорядился он, на всякий случай проверив рану на голове. — Не смертельно, но обрабатывать будем у меня.

Он аккуратно помог мне подняться, закинув одну мою руку на плечо, а вторую подхватил дядя Жора. Увязая в мокром песке, мы добрались до подъема к деревне — там нас перехватил Леня с двумя крепкими молодцами.

— Ведите ко мне, я пока все подготавливаю, — распорядился фельдшер и убежал вперед.

Меня бережно дотащили до простого деревенского домика, в котором было трудно признать фельдшерский пункт. Лишь маленькая и почти незаметная табличка указывала на его предназначение. Рядом на этом же участке возвышался еще один домик — как я понял, хозяйское жильё.

По двору лениво бродили курицы, а свободно гулявший лохматый пес ткнулся мне в колено мокрым носом.

— Ну все, княжич, — улыбнулся дядя Жора. — Бывай. Дальше пусть тобой Васильич займется.

Двое молодцев проводили меня в дом и усадили на застеленную белоснежной простыней кушетку. Василич как раз переоделся — даже халат накинул — и обрабатывал руки.

— Как вас зовут?

— Владимир Оболенский. Предвосхищая вопросы, я плыл не в Назию. Видимо, снесло.

— Провалы в памяти заметили?

Ну как сказать... Я усмехнулся.

— С ней и до сегодняшних приключений была беда. Или вы газет не читали?

— У нас тут на газеты времени нет, — проворчал фельдшер. — Рыбакам не до этого, а на мне четыре деревни в округе висят. То инфекция, то травмы, то отравление, да и бабы круглый год рожают. Тяжелее только местному зоотехнику.

Я кивнул. Ладно, если он такой весь из себя занятой, сэкономлю ему время.

— Жалоб нет. Просто обработать бы рану на голове — и я пойду.

— И куда вы пойдете в таком виде? — фыркнул Василич. — Пешком до Петербурга? У нас здесь железной дороги нет.

— Телефон искать. Почта-то у вас должна быть.

— Почта есть. В Приладожье. Четыре километра вниз по реке.

— Переживу.

— Погодите вы, юноша! — шикнул фельдшер, осматривая рану. — Пока я вас не отпущу, никуда вы не пойдете. Так, сидим ровно, не дергаемся, сейчас будет печь...

Я вздрогнул, когда он принялся промывать рану. Судя по всему, перекись водорода. Терпимо, хотя и неприятно.

— Зашивать не надо, само зарастет, — предупредил я. — У меня дар такой.

— Дар-не дар, а забинтовать придется. Хотя погодите-ка... У вас в ране что-то есть, — удивленно сказал фельдшер. — Ну-ка... Твердый инородный предмет, нужно вытащить.

Он принялся ковыряться пинцетом. Я кривил лицо от боли, но старался не смущать и без того озадаченного эскулапа.

Вскоре я услышал маленький стук — выгащенный из раны предмет упал на маленькое стеклышко.

— Очень странно, — изрек фельдшер, разглядывая находку. Затем капнул немного раствора, чтобы смыть кровь, и приблизил находку к свету. — Ооочень странно...

— Что там? — оглянулся я.

— Ну такого в моей практике еще не было. Пальцы деревообрабатывающими станками рубили в избытке. Картечь из мягких тканей каждый сезон по пять раз точно вытаскиваю. От бешенства уколы делал, ла и прочие раны зашивал. Но еще ни разу я не находил в голове человека жемчужину. Жемчуг это, — он протянул мне стеклышко, и я разглядел на нем маленький перламутровый шарик неправильной формы. — Жемчуг пресноводный. Продукт деятельности моллюска *Margaritifera margaritifera*, он же жемчужница пресноводная. Между прочим, в нынешние времена находится под угрозой исчезновения. А сам моллюск между прочим — долгожитель. Больше двух сотен лет живет...

Я удивленно вскинул брови.

— Весьма глубокие познания для простого деревенского фельдшера...

— Мои предки из Карелии. Занимались жемчужным промыслом. Есть даже семейная легенда, что жемчуг, добытый нашим пращуром, сам Иван Грозный в руках держал и первой царице своей дарил. А вам, молодой человек, в какой-то степени повезло. Найдка символичная. — Он кивнул на жемчужину. — Забирайте. Голова ваша, рана ваша, значит, и жемчужина тоже ваша... Советую сделать из нее талисман. Потому что благодаря Жоре у вас сегодня второй день рождения.

Я терпеливо ждал, пока Василич бинтовал мне голову. Он явно не торопился — действовал обстоятельно, сопровождая процесс рассказами о местных легендах. А затем усадил на кушетку, сунул в руки кружку с горячим чаем и закутал в одеяло.

— Вы долго пробыли в воде. Переохлаждение у вас. Грейтесь, я пока подкину дров в котел.

— Вот что странно, — оторвавшись от повязки, проворчал он, снимая халат — В этих местах, насколько мне известно, жемчуг не находили уже лет тридцать...

От горячего крепкого и сладкого чая меня разморило. Допив, я поставил кружку, завернулся в одеяло и привалился к стене — может удастся немного покемарить, пока фельдшер не отпустит меня.

А там найду телефон, свяжусь с родными...

В полудреме я услышал, что Василич вернулся и, не став меня тревожить, принялся убирать мусор. Я провалился в долгожданный исцеляющий сон — голова начала нагреваться, дар Оболенских делал свою работу и стремительно меня чинил...

Но громкий стук двери заставил меня проснуться.

На пороге приемной комнатки стоял незнакомец средних лет в черном пальто и кожаных перчатках. На длинной цепочке болтался тяжелый серебряный кулон с каким-то причудливым символом.

— Степан Васильевич? — скорее утверждал, нежели спрашивал незнакомец. — Я брат Луций, дисциплинарный Ордена. Мы по поводу незнакомца с печатью Тьмы. Это он?

Фельдшер отпрянул. Я покосился на него и стиснул кулаки.

— Ну спасибо, Василич...

— Ну спасибо, Василич... Большое вам спасибо, — выдохнул я.

Фельдшер стыдливо отвел глаза и бочком, вдоль стеночки, пытался уйти с линии угрозы.

— Простите... — промямлил он. — Таков закон. Я был обязан сообщить...

Брат Луций коротко кивнул.

— Степан Васильевич, вы сделали все правильно, и от лица всего Ордена я благодарю вас за бдительность и сотрудничество. Закон, как и техника безопасности, писан кровью пострадавших мирных подданных. В конце концов почтенный доктор не знал, принадлежите вы Ордену или нет... А правила предписывают подданным немедленно сообщать в Орден об обнаруженных носителях печатей Тьмы.

Брат Луций сделал шаг вперед и пристально на меня посмотрел. От этого взгляда стало не по себе — внутри все похолодело, словно в меня заглядывала сама бездна. Как рентгеном обдало — насквозь просвечивал, зараза.

— И теперь я вижу, что вы не прошли посвящение, юноша, — добавил дисциплинарий. — А это делает ситуацию еще более пикантной. Если не сказать опасной... Степан Васильевич, могу я попросить вас оставить нас с вашим пациентом наедине?

— Разумеется!

Фельдшер пулей вылетел из комнаты, а через пару секунд громко хлопнула входная дверь. Ну да, на месте этого мужика я бы тоже поспешил убраться отсюда.

Впрочем, сейчас требовалось подумать о своей шкуре.

Итак, Хруст, случилось то, что так или иначе должно был случиться — тебя засек Орден. Орден, в котором состоит тетка твоего «отца» и которым тебя пугала «мать». Но что дальше? Схватят меня и засунут в эту... Что это? Магический орден? Секта? Ковен ведьмачий? Ну, допустим.

Только вот, насколько я понял, это было нечто вроде монастыря: вступая в Орден, ты лишался всей строй жизни — в том числе фамилии и титула. Даже имена они принимали другие. Ну точно как в обители. Только колдовской.

А что будет, когда они выяснят, насколько мощным даром я обладаю? Могут ведь и вовсе попытаться убить. Кому охота держать рядом с собой типа, способного не просто тебя прикончить, но и забрать твой дар себе?

Хорошо еще, что Лазарь не прознал об особенностях моего Темного дара. Ох, хорошо бы, чтоб не прознал...

Стараясь не выдавать эмоций, я сдержанно встретил взгляд брата Луция и тоже внимательно изучил нового знакомого.

Весьма интеллигентного вида, в простой, но довольно стильной одежде. Правда, на фоне деревенских пейзажей его тонкое пальто и начищенные туфли смотрелись дико. Через пять минут прогулок по окрестностям от столичного лоска не останется и следа.

Он был среднего роста, строен — даже слегка худоват, с тонкими, на грани женственных, чертами лица. Весь из себя утонченный, что аж в рожу хотелось плюнуть. Но все слащавенькое впечатление уравнивали глаза. Темные, почти непроницаемо-черные радужки делали его физиономию жутковатой, особенно на контрасте с очень бледной, как у

Катерины, кожей.

Вампир хренов. Только не как те гламурные красавчики из романтических фильмов, и не уroda носферату. Нет, в этом брате Луции таилась какая-то опасная сила. Что-то первобытное и зверское. И оно смотрело на меня его глазами. Смотрело так, что было невозможно отвести взгляд, ибо эта опасность по-своему завораживала.

Почему-то мне подумалось, что этот брат Луций станет достойным противником, случись нам сойтись в бою. И еще неизвестно, на кого я бы поставил...

— Итак, чем я могу вам помочь, брат Луций? — спросил я, не вылезая из своего одеяла. — Полагаю, у вас есть вопросы.

Дисциплинарий внезапно улыбнулся — довольно простой и открытой улыбкой, что никак не увязывалась с его образом. И на стоматологе он явно не экономил.

— Да, почтенный. Вопросы у меня к вам имеются, — он указал на стул. — Могу я присесть?

Я пожал плечами.

— Ну, собственно, это не у меня нужно спрашивать. Я не хозяин этого дома.

— Однако вы явно из аристократов. Я вижу у вас не только дар Тьмы, но и... другую силу. Какой род вы представляете?

— Владимир Андреевич Оболенский, сын... нового князя Оболесного.

Брат Луций вскинул темные брови.

— О... Да, это несколько осложняет дело. Налицо возможный конфликт интересов. Что ж, даже не знаю, обрадуется ли Темная мать Друзилла вашему новому дару или нет. Или она знает?

— Еси бы знала, то наверняка я бы здесь не сидел, — невинно улыбнулся я. — Дар проявился уже на острове. Меня ведь неделю назад упекли в Исправительную академию.

— Так, значит, печать совсем свежая?

— Да.

— А сила? Проявилась?

Я медлил с ответом. Хреновая ситуация. Солгу сейчас — так они же потом все равно выяснят. Тот же Роман видел, как я это делал. Мансуров, Катерина... А ведь у Катерины тоже был Темный дар. Интересно, о ней этот брат Луций знал?

— Не уверен, — отозвался я, решив не давать однозначных ответов. — Думаю, лучше проверить это вашими силами в соответствующих обстоятельствах. А сейчас они, боюсь, неподходящие.

— В этом я с вами всецело согласен. И все же позвольте мне взглянуть на вашу печать. Это безболезненная процедура, ваше сиятельство.

Я вздрогнул, когда он вежливо назвал меня по титулу отца. А ведь правда — теперь я стал сиятельством. По крайней мере вне стен Академии. Теперь отец — князь, а старший брат — его наследник. И теперь у них проявятся особые дары. А у меня... Видимо, у непутевых сыновей всегда особая дорога приключений.

— Разумеется.

Я сбросил одеяло и поднялся с кушетки. Брат Луций подошел ближе, протянул руку и, беззвучно шевеля губами, дотронулся ледяными пальцами до моей печати. Сила в ней отозвалась, и причудливый серебряный кулон на шее дисциплинария вспыхнул.

— Не может быть сомнений — это мощное проявление Темной энергии, — важно заключил он. — И потенциал весьма впечатляет, ваше сиятельство. Боюсь, у меня для вас

две новости.

— Начинайте с плохой.

— Там плохо кормят, — кисло улыбнулся он.

Я тяжело вздохнул.

— А хорошая?

— С таким потенциалом взлет по карьерной лестнице весьма возможен. Тем более у вас столь влиятельная родственница в Ордене. Признаюсь, мне даже в некоторой степени неловко из-за того, что именно мне, а не Матери Друзилле, выпала участь сообщать вам столь важные новости. Но, боюсь, вам, Владимир Андреевич, придется сменить место пребывания. Вариантов нет. Таков закон.

— Значит, Орден, — выдохнул я.

— Орден, — кивнул брат Луций. — Но прежде, чем я выполню то, зачем сюда прибыл, боюсь, придется навестить Исправительную академию. Признаюсь, мы с коллегами явились на Ладугу не только по вашу душу. Впрочем, все это я смогу объяснить вам и по дороге. Вас не затруднит одеться?

Я развел руки в стороны с нагло-виноватой улыбкой.

— Боюсь, именно в таком виде я и оказался в Назии... Разделся, чтобы переплыть пролив, когда убегал с острова.

Брат Луций по-хозяйски распахнул один шкаф, второй... И не найдя ничего, кроме запасного белого халата, протянул его мне.

— Еси застегнетесь на все пуговицы, вид будете иметь нелепый, но хоть срам прикроете.

— Тогда я уж лучше возьму с собой одеяло...

Ну, выбирать здесь было не из чего. Это ведь был аналог ФАПА из моего мира, даже не жилой дом. Так что, облачившись в халат и набросив на плечи одеяло, я прошлепал босыми ногами по крашенному бурой краской полу. А еще сунул в карман своей новой одежды жемчужину — пусть и правда останется на память об этом приключении.

— Должен предупредить, в Академию сейчас будет очень трудно попасть.

Брат Луций снова улыбнулся.

— О, поверьте, ваше сиятельство. Уж я-то знаю...

Мы вышли на крыльцо, и я с удивлением уставился на припаркованный у ворот черный внедорожник. Почти что родной «козлик», только покомфортабельнее. Крыло автомобиля украшал такой же символ, что болтался на шее у темного брата. Больше никаких опознавательных знаков не было.

За рулём и на переднем сидении находились двое мужчин в черном. Увидев нас с братом Луцием, водитель тут же выскочил к нам.

— Как прошло?

— Отлично, — коротко бросил дисциплинарий. — Вызвали по делу, да и юноша оказался здравомыслящим. Впрочем, иного варианта я не рассматривал, учитывая обстоятельства.

Я покосился на Луция.

— А бывают эксцессы?

— Разумеется. Владимир Андреевич, прошу в автомобиль. Я отвечу на ваши вопросы пока едем.

Я залез в на удивление комфортабельный салон, брат Луций разместился рядом.

Водитель с недоумением таращился на мое одеяло, но от комментариев воздержался. Когда мы тронулись, он тронул сидевшего на переднем пассажирском кресле мужчину.

— Поговорил с рыбаками?

— Да, — отозвался он. — Это наш клиент вызвал «Десятку». Так что, считай, повезло.

— Не совсем. Теперь они тоже захотят с ним пообщаться.

— Прошу прощения, — вмешался я. — Вы говорите обо мне? Что за «Десятка»?

— Десятое управление, — пояснил дисциплинарий.

— Мне это ни о чем не говорит.

Внезапно темный брат ударил себя ладонью по лбу.

— Точно! Совсем ведь из головы вылетело в этой суматохе. Вы ведь тот самый внук князя, который...

Я широко улыбнулся.

— Ага. Который разбился и чудом выжил. А за свои грешки был направлен в Исправительную академию их отмаливать и становиться правильным подданным. Так что, если вас не затруднит, я жажду подробностей.

Водитель и брат Луций молча переглянулись в зеркале заднего вида. Ну пусть играют в гляделки, я хотя бы поваляюсь в теплой машинке. А там разберемся. В конце концов, после всего, что случилось за эту неделю, Орден начинал казаться едва ли не курортом.

— Десятое управление, сокращенно «десятка» — орган надзора за одаренными. Подразделений много, но основная степень ответственности — своевременная регистрация проявившихся даров, целевое использование оных и поиск следов Тьмы. Так что мы вынужденно сотрудничаем.

— И я вызвал эту «десятку»...

— Рыбак рассказал о вашем странном звонке. Уже через час в Назию съехались отряды особого реагирования. Приехал этот их дознаватель... Ну, брюзгливый такой, как его...

— Самойлов?

— Точно. Он. Уже на месте, как мне сказали. Там сейчас всем руководит.

Луций покачал головой.

— Плохо. Самойлов специалист хороший, но нашего брата не жалует. Полон предубеждений. Ладно, договоримся, надеюсь.

Я внимательно ловил каждое слово. Сперва мне показалось, что информация, что я передал от Романа, предназначалась для Ордена. А сейчас выходило, что Орден-то по иному поводу приехал. Значит, наш Рома служил в этой «десятке»? Государев человек, выходит. Видать, заслали его на остров, чтобы собирал сведения под прикрытием. Наверняка пасли Лазаря. Но все вышло из-под контроля...

Да уж, умеешь ты эффектно всем спутать карты, Хруст.

— Господа, не считите мое излишнее любопытство наглостью, но я бы хотел понимать, что сейчас происходит.

— Много интересного, Владимир Андреевич. И самой любопытной находкой за сегодняшний день являетесь вы. Вы выбрались с острова — что, к слову, уже обратит на вас внимание всех заинтересованных лиц. Передали послание о тревоге «десятке» — царские псы сорвались с цепей и примчались сюда. Причем, судя по уровню подготовки, они намереваются брать остров штурмом. Что само по себе внушает тревогу: там куча несовершеннолетних одаренных аристократов, среди которых есть настоящие преступники. Не нравится мне, к чему все это идет. Еще и Самойлов... ну не того они прислали. Он же

мясник.

Я удивленно слушал брата Луция. Пока он казался мне вполне живым и адекватным мужиком — даже о детках непутевых заботился. Хотя не исключено, что у него во всем этом был шкурный интерес.

— Вы говорили, что приехали не только по мою душу. Я ведь все-таки из Академии. Может я смогу что-то подсказать. Вдруг видел или слышал...

Дисциплинарий обменялся многозначительными взглядами с сидевшем на переднем пассажирском безмянным темным братом. Тот отмахнулся — дескать, поступай как знаешь.

— В последнюю неделю на местности, которую занимает Академия, обнаруживалась повышенная активность силы. Яркие всплески, выбросы Тьмы. Разумеется, мы не могли обойти это обстоятельство стороной. По нашим данным, из носителей тьмы там зарегистрирована всего одна воспитанница. Но один человек столько активности проявить не мог, особенно с учетом наложенных запретов. Значит, есть кто-то еще.

Неужели они знали о Катерине? Тогда почему не пришли ей на помощь раньше?

— Ну у меня дар проснулся, — отозвался я. — Этого мало?

Хотя ведь был и третий человек. Тот, кто пытался меня убить, но не смог. И ведь он все еще оставался на острове...

— Наша сестра-провидица увидела три различных конфигурации выхода Тьмы, — сказал дисциплинарий. — И мы должны отыскать всех троих.

Тащившийся по колдобинам сельской грунтовки внедорожник наконец-то выбрался на финишную прямую к деревне Леднево. И мы уперлись в перекрытую дорогу. Настоящий блокпост, черт возьми.

— Вот об этом я и говорил, — проворчал безмянный темный брат. — Самойлов вечно перегибает.

— Перегибает или нет, а мириться с ним придется, — ответил брат Луций и вышел из машины, чтобы переговорить с подошедшим к нам бойцом.

Форма у него была странная. Похожа на полицейскую. Чуть дальше я увидел массивные машины, похожие на БМП: там уже дожидались приказа солдатики или кто-то очень на них похожий. Все Леднево, казалось, погрузилось в хаос. Тут и там носились, сверкая подошвами, офицеры и «пиджаки». В конце улицы у выезда к причалу, видимо, организовали штаб.

А искусственная буря все так же бушевала, скрывая от нас то, что происходило на острове...

Брат Луций вернулся. Мрачный, сосредоточенный.

— Как и ожидалось, нам здесь не особо рады. Однако господин Оболенский — гость желанный. Пришлось заставить удачу поработать на себя.

Я выгнул одну бровь.

— Сделали меня своим пропуском?

— Надеюсь, вы не против. Подполковник Самойлов хочет с вами пообщаться.

Что ж, забавно складывалось. А интересно чувствовать себя козырем, который можно вот так хитро вытащить из рукава и получить желаемое. Главное, чтобы этот козырь, то есть я, не превратился в разменную монету...

— Тогда давайте пообщаемся с товарищем Самойловым, — улыбнулся я. — То есть с господином подполковником...

Нас пропустили. Внедорожник медленно катил по забитой людьми улице. Казалось, население деревни эвакуировали от греха подальше, а может те сами попрятались. Но атмосфера здесь царила гнетущая. Наверняка так пах воздух на поле, где вот-вот начнется сражение: еще ничего не началось, но ты уже знаешь, чувствуешь — сейчас жажнет.

Когда мы подъехали, невысокий лысый мужчина в потрепанном пальто как раз разговаривал с кем-то по телефону и, увидев нас, кивнул и тут же сбросил звонок. Первыми вышли темные братья, а водитель даже любезно открыл передо мной дверь и помог выбраться. Холод сразу же лизнул голые пятки. Да и стоять на мелкой щебенке обочины было неприятно.

— Вот, значит, дезертир, — сурово взглянул на меня Самойлов и нахмурил лоб. — Как удалось выбраться?

— Помогли. Плюс я сильный. Оболенский я, Владимир.

— Ясно, — казалось, подполковник мгновенно потерял ко мне интерес и обернулся к темным братьям. — Не буду спрашивать, что вы здесь забыли, господа. Очевидно же, что не из праздного любопытства в такую даль тащились. Кого-то из своих там потеряли?

Брат Луций покачал головой.

— Незарегистрированный. Одного нашли в Назии, — он покосился на меня. — С его сиятельством сложностей не возникло, он понимает важность ситуации. Но есть второй. И о нем мы ничего не знаем.

Самойлов достал из кармана плаща украшенный гербом портсигар, вытащил самокрутку и раскурил от эффектного щелчка бензиновой зажигалкой.

— Значит, так, господа темные, — выдохнув ядреный дым, он обернулся в сторону острова. — Там застрял наш человек, и он попал в беду. Там застрял кто-то из ваших — и его бы тоже оттуда вытащить. А еще у меня наконец-то появилась настоящая возможность прижать яйца этому неуловимому Лазарю. Чем я сейчас собираюсь и воспользоваться. Поэтому, господа, будет штурм. И если среди вас нет могущественных природников, советую отойти в укрытие.

Я молча переводил взгляд с Самойлова на бурю и обратно. Подполковник, одетый «по гражданке», задумчиво курил, взирая на представителей Ордена.

— Это самоубийство, — сказал брат Луций. — У вас почти нет шансов. Граф Баранов — один из сильнейших природников в империи. Молю, скажите, что вы вызвали одаренного из Петербурга.

— Мы, по-вашему, совсем идиоты?! Разумеется, вызвали, — проворчал Самойлов, с силой притаптывая брошенный окурок. — Но нет времени его дожидаться. Если их там предупредили, то они сейчас занимаются заметанием следов, улики уничтожают. А мне нужны доказательства! Пока согласуют, пока направят прошение, пока найдут мастера нужного уровня... Баранов с помощниками успеют весь остров вылизать дочиста. Нельзя медлить!

— Но и людей топить почему зря тоже не стоит.

Я снова с недоумением отметил, что этот брат Луций пока производил впечатление эдакого гуманиста от темных сил. Даже странно. Мне-то представлялось, что в этом Темном ордене собрались... ну не злодеи, конечно. Но не зря ведь Тьму называют Тьмой?

Или мне чего-то недоговаривали?

— Так что вы предлагаете мне делать, а? — взорвался подполковник. — Может у своей Тьмы спросите, вдруг у нее ответ найдется?

Брат Луций невежливо ткнул на меня пальцем.

— Господин Оболенский — ходячая улика, насколько я понимаю. Ведь раз он смог вызвать вас, то и с вашим связным знаком.

Я кивнул.

— Знаком. Он мне очень помог, да и не только мне. Если вы знаете про Лазаря, то не мне вам объяснять, насколько там все нечисто. Так вот, я там был и все это видел. Они меня забрали, но я смог вырваться.

Потянувшийся было за второй самокруткой Баранов застыл с занесенной над портсигаром рукой.

— Так. Оболенский, прошу на пару слов.

Я зачем-то покосился на темного брата, и тот кивнул мне, словно подтверждая, что мне ничего не угрожало. Самойлов отошел на десяток шагов, ближе к краю воды.

— Почему он сам не вышел на связь? — безо всяких вступлений начал допрос подполковник. — Он ранен? Телефон накрылся?

— На острове нет связи, — торопливо пояснил я. — Он дал мне инструкции.

— Почему именно вам?

— Потому что я единственный из воспитанников мог оттуда выбраться. И выбрался. Повезло с совокупностью даров, очень удачно сложилось. Но вы и так все без меня понимаете.

— Когда вы расстались, он был еще жив?

— Да и почти цел. Но прошло... — черт, а я ведь даже не понимал толком, сколько прошло времени. Сутки? Меньше? — Короче, я согласен, что надо торопиться. Да только если меня с полным набором способностей едва не убило, зачем людей на гибель посылать?

Самойлов помрачнел пуще прежнего.

— Приказ у меня, — тихо сказал он. — Дело пошло на контроль к самому Брусилову! Вы уж простите мне мой просторечный язык, но если обосремся, то головы полетят — только успевай считать. А меня в угол загнали.

Да уж, патовая ситуация. Я снова взглянул на «солдатиков» — ну какое им против столь сильного колдунства идти?

— Вас что, подставить пытаются? — усмехнулся я. — Это же невыполнимое задание. Ну, разве что вы санкцию совсем сверху не получите...

— Да едет санкция. Санкция и мощный природник в одном лице. Сам Великий князь Глеб Алексеевич нас осчастливит своим визитом. Да только пока доедет... И вы правы. Меня уже два года под трибунал подвести пытаются, как на Лазаря вышел. Да все пока господь миловал. Но сейчас, видимо, везение закончилось.

Я мусолил жемчужину в пальцах по старой привычке — всегда так делал с каким-нибудь мелким предметом, когда думал.

А занятно получалось.

«Десятка» каким-то образом вышла на Лазаря. Неплохо работали, если им даже удалось выяснить расположение лаборатории и заслать туда своего казачка. А директор Баранов явно имел очень влиятельную «крышу», раз действовал столь нагло. Еще и Орден вмешался — задело и их интересы. Короче, всех зацепило, и сошлось все это в точке по имени Хруст.

Налицо большая заварушка вроде войны местной элиты. А остров — так, частное проявление. Просто один нарыв вскрылся, и гноем забрызгало всех, кто был рядом. Вопрос лишь в том, кто и с кем воевал. И, главное, за что.

А Баранов сидит себе на острове и факи нам показывает. Тоже, небось, сообщил своей «крыше», что влип, и теперь дергает рычаги, чтобы тянуть время.

Самойлов был прав — сейчас в Академии наверняка шла зачистка под каким-нибудь благовидным предлогом. А мне все это было настолько противно, что хотелось действовать немедленно.

Хочу сам посмотреть, как над головой этого Баранова сломают шпагу. Знал ведь, сволочь такая. Все, тварина, он знал. И не просто знал. Сам это осиное гнездо свил.

Я поднял глаза на подполковника.

— Есть идея. Не уверен, что получится, но попытаться стоит.

— Сперва доложите.

— Это будет очень трудно объяснить, — я крепко сжал ставшую теплой от моих пальцев жемчужину. — Но если поможет, потом расскажу.

— Дар?

— Дар.

— А не опасно? А то если еще и вы у меня тут погибнуть решите, мне точно не видать пенсии.

— Рановато вы на пенсию собрались, — широко улыбнулся я.

Я прошел мимо него, завернутый в одеяло как в ритуальную мантию. До чего же смешно выглядело со стороны. Но плевать. Как говорилось в одной старой рекламе, имидж — ничто.

Берег был каменистый — ноги болели, ударяясь о гальку, соскальзывали, в лицо долбили водяные брызги, а ветер свистел в ушах, но я упрямо пер в воду. Умудрившись найти небольшую песчаную площадь, я остановился там, потоптался немного, а затем закрыл глаза

и опустил жемчужину в воду.

— Моряна Нево, — шепнул я с улыбкой. — Кажется, ты кое-что у меня забыла. Возвращаю потерянное и прошу подмоги. Не мне, а тем, кого заперли на острове. Я ведь обещал, что могу помочь избавиться от неприятного соседства? Вот мы и собираемся. Только помоги этим людям пройти. Сделай, что-нибудь, пожалуйста. Ты же владычица озерная, тебе вся Ладога подвластна... Я знаю, ты можешь. Поэтому, прошу, помоги нам.

Если честно, я и сам до конца не верил в то, что это сработает. Да я даже не был уверен, что видел эту Моряну наяву. И если бы не эта маленькая жемчужинка, то и вовсе списал бы ту странную встречу на бред утопающего.

Но жемчужинка же откуда-то взялась. А фельдшер говорил, что они уже давно почти перевелись в этих местах. Так что...

Мне никто не ответил, а я и не понимал, какой реакции ожидать. Глупо это все было. Но в одном я был уверен — жемчужина принадлежала не мне. Откуда взял, туда и нужно вернуть. Просто знал — неизвестно, откуда.

— Ну, я попросил, — вздохнул я и побрел обратно.

Куривший очередную самокрутку подполковник вцепился в меня тяжелым взглядом, когда я перелез через валуны и подошел к нему.

— Ну и как шаманство? Сработало?

Я пожал плечами.

— Так гарантии и не было... Просто подумалось вдруг, что можно попытаться обкашлять один вопросик... Но, видимо, не судьба.

— Или судьба...

Самойлов уставился на что-то за моей спиной. Окруженные сеткой морщин глаза расширились, словно этот бывалый мужик увидел Лох-несское чудовище. Кутаясь в одеяло от резко поднявшегося ветра, я медленно обернулся... И обомлел.

Ладога уходила. Именно так — уходила. Вода медленно, но упрямо отступала к горизонту, обнажая каменистое дно и покрытые водорослями валуны. Пядь за пядью, метр за метром темные воды отходили от берега, пока не обнажили путь к острову.

У Самойлова выпала изо рта его самокрутка, но он этого, казалось, даже не заметил, продолжая завороченно пялиться на чудо природы.

— Что вы сделали? — Прошептал он, так и не отрывая глаз от воды. — Как... Как, черт возьми?

Я пожал плечами.

— Договорился. С озером.

Подполковник тряхнул головой, словно пытался сбросить наваждение. Нет, это происходило наяву, и я сам поразился ловкости и изяществу решения Моряны. Если она не могла по каким-то причинам остановить бурю, то хотя бы лишила это буйство воды... Элегантно.

А я в этот момент вспомнил, что лишил жизни природника-воздушника. Ну что, Артурчик. Наше знакомство было кратким, и вспоминать его лишний раз я не хотел. Но нудно же извлекать хоть какую-то пользу из существования такой твари, как ты. Пусть хотя бы твой дар пригодится.

Я обернулся к Самойлову.

— Это не все, — я кивнул на дрожащий воздух — этакую прозрачную стену, сотканную из мощных потоков ветра. — Собирайте людей. Я пока пойду вперед, попытаюсь сделать с

этим что-нибудь.

— Оболенский, вы уверены?

— Один раз уже получилось. Может и еще на что-нибудь схожусь. Только одеяльце оставлю здесь. Вы уж попросите кого-нибудь приглядеть, чтобы его не сперли. А то собственность медпункта как-никак.

Чем дальше, тем больший азарт во мне просыпался. Остапа понесло, так сказать. Я поймал странный кураж, некую форму безумия, но сейчас даже наслаждался этим. Странная, но до одурения приятная эйфория.

Ладога ответила. Мне почему-то было проще думать не обо всех этих озерных девах, морянах и прочей подводной иерархии. Я, как и местные рыбаки, воспринимал само это гигантское озеро как одушевленное существо. А уж кто там водится помимо нерпы и рипуса...

Сейчас даже холод не чувствовался. Я сбросил одеяло и потопал как был — в белье да повязке на башке, напрямик к стене ветра. Удивленные возгласы за моей спиной стихли, я слышал короткие и не всегда печатные выражения Самойлова, отдававшего приказы своим людям.

А я шел. И чувствовал себя... Нет, не всемогущим. Свободным. Сейчас не было ничего кроме холодного воздуха, пропитанного запахом тины и рыбы, кроме этого бледного северного солнца, начавшего понемногу припекать забинтованную макушку.

Я шел и улыбался, как ребенок.

Потому что сейчас я шел в бой и знал, что просто так не сдамся.

— Владимир Андреевич, — раздался за моей спиной голос брата Луция.

Я замедлил шаг, но не остановился.

— Чего вам?

— Уверены, что справитесь?

— А вы мне помочь решили? — улыбнулся я. — Так вроде среди вас нет природников, иначе вы бы уже предложили помощь Самойлову.

— Так и вы не должны быть природником, господин Оболенский, — справедливо возразил брат Луций. — Вот что меня заботит. Значит либо вы обладаете сразу несколькими дарами, что весьма любопытно и крайне нетипично для особ столь юного возраста, еще и не являющихся наследниками, либо вы намереваетесь использовать силу Тьмы. И в последнем случае мы могли бы вам помочь.

Я все-таки остановился и повернулся к нагнавшему меня темному брату.

— Не сможете, — покачал головой я. — Тьма здесь совсем ни при чем. Я действительно могу попробовать воздействовать на уровне стихии. Но... Не знаю, что из этого получится. Как бы то ни было, прорываться через шквал, идя по дну, как мне кажется, немного проще, чем ломиться через стену бушующих волн.

Брат Луций продолжал скептически взирать на дрожавший от ветра воздух перед островом, но кивнул.

— Не могу с вами не согласиться. И все же...

— Расслабьтесь вы, — широко улыбнулся я. — Меня трудно убить.

И пошел дальше. Пробивать дорогу для силовиков.

— Это-то меня и беспокоит вкуче со всем прочим... — тихо проговорил мне вслед темный брат. — Странно, что это не пугает вас, Владимир Андреевич...

Не пугало. Прямо сейчас мне хотелось проверить мир — и самого себя — на прочность.

Если сдюжу, тогда и испугаюсь силы, которую получил.

Я прошёл добрую сотню метров по мокрому песку, лавируя между грядами мокрых камней. Кое-где валялись, тускло поблескивая перламутром, пресноводные ракушки. Значит, все-таки водились здесь...

И чем ближе я подходил к стене ветра, тем сильнее внутри меня рос азарт. Я скалил зубы острову, сжимал кулаки и хохотал, не в силах сдерживать распиравшую меня силу.

Ну, Артур, покажи, чем обладал.

Сложив руки лодочкой, я резко выбросил их вперед — как клин войска, стремившегося пробить стену противника. Предплечья превратились в сталь, пальцы — в наконечник летящей стрелы. Я чуть пригнул голову, чтобы не снесло повязку. Куда там! Бинт сорвало и размотало, тряпка зацепилась за одно ухо и болталась в этом воздушном потоке, как окровавленный стяг. Хреново Василич наложил, придется перебинтовывать...

Воздух передо мной дрожал и был плотным, словно густой кисель. Я давил на эту стену, концентрируясь на потоках ветра, пытаюсь понять, как это работало... А затем осознал, что эта внешне статичная «конструкция» на самом деле была связкой миллионов маленьких потоков воздуха. Как кристаллическая решетка, сотканная из молекул, атомов, электронов... От общего к частному. От большого к малому. Но я начал интуитивно понимать эту логику.

А, едва поняв, разрушил.

— Ну же! Давай!

Я уже не знал, к кому обращался и кому кричал. Наверное, самому себе. Сконцентрировав всю силу в руках, я вдавил их в эту стену, а затем медленно, соприкасаясь с каждым потоком, до каких добирались мои пальцы, принялся их умирять. Минус один, минус два...

Время словно перестало существовать. Я не больше не слышал и не видел — весь потенциал чувств, все внимание сосредоточились на этих невидимых мельчайших потоках.

И вскоре я понял, что уже мог раздвинуть ладони. Сопротивление стало ослабевать.

Я с надеждой обернулся и увидел подпрыгивавшие на камнях «бээмпэшки» — точнее, их более огламуренный и причесанный под городские реалии вариант, но мне так их было проще называть.

— Сюда! — взревел я, отчаянно размахивая руками. — Живее! Газу, газу!

Я едва успел отскочить от пронесшегося мимо меня железного гиганта. Бреши, что я пробил, хватило, чтобы машина закончила начатое. «Бээмпэшка» лишь слегка увязла в невидимом воздушном желе, а, перебравшись через этот рубеж, снова набрала скорость. Одна машина, вторая...

Я взглянул на свои руки. Пальцы дрожали и почему-то посинели, словно мне переломали каждую косточку. Шевелить ими было больно, поэтому я, расправив руки по швам, шагнул следом за машинами к острову.

— Оболенский! — опять брат Луций. Он нагнал меня, изрядно изгваздав свой стильный черный костюм. Это еще что. Потом он начнет песок из ботинок вытряхивать... — Оболенский, вы в порядке?

Я равнодушно пожал плечами, и пальцы тут же прострелила боль. Это я зря. Понял.

— Нормально, — хрипло отозвался я. — Живой, как видите.

— Что с руками?

— Ну так ими и работал...

Брат Луций возвел очи горе и трагически вздохнул.

— Тьма глубинная, ну за что мне это...

Я лишь усмехнулся.

— Идемте, темный брат. Самое интересное ведь только начинается.

Мы пропустили вперед еще пару пеших отрядов — да уж, Самойлов явно собирался воевать с местной администрацией, раз нагнал столько народу. А может перестраховывался от подставы. Или хотел предать историю огласке, дабы «крыша» Баранова не замяла. Как известно, чем больше знают, тем меньше шансов скрыть. Как бы то ни было, народу хватало, чтобы окружить не очень плотным кольцом весь остров.

К счастью, на меня почти никто не обращал внимания. Оказалось, что присутствие служителя Ордена могло быть неплохим пропуском и способом избежать лишних вопросов.

— Вынужден предупредить, что после окончания этой, с позволения сказать, операции и нашей миссии, вам придется отправиться с нами, — миролюбиво, успокаивающе говорил темный брат. — Я должен представить вас своему начальству, Владимир Андреевич. Потому что подобного сочетания даров я еще не видел.

— Как закончим, непременно, — отозвался я. — Только учтите, что господин подполковник тоже явно положил на меня глаз и захочет допросить. Я сегодня прямо как девиц на первом балу. Так что вы уж там определите очередность...

Брат Луций позволил себе легкую усмешку, но вмиг посерьезнел, когда увидел то, как встретил нас остров.

— Ни шагу дальше! — предупреждал искаженный громкоговорителем голос. — Остров на карантине!

Я как раз подошёл к спыгнувшему с машины Самойлову. Следовало отдать должное, мужик был в отличной форме и наверняка мог показывать салагам мастер-классы по выполнению нормативов.

— Бздят, — многозначительно констатировал я. — Не было там никакого карантина. Местный доктор такого бы не допустил.

— Ну и лексикон у вас, ваше сиятельство, — хмуро отозвался подполковник. — Небось, от этого сброда нахватались?

— Я и есть этот сброд. И люди там разные. Не все попали туда по своей воле.

— Это я и хочу доказать, — проворчал он и шагнул вперед.

Одетый в странный прорезиненный костюм человек замахал руками.

— Стойте! Карантин! Опасная зона. У нас вспышка антракса!

Самойлов остановился. Я заметил, как всего на секунду по его лицу пробежала тень сомнения.

— Что такое антракс? — тихо спросил я.

— Сибирский карбункул. Язва, — пояснил за моей спиной брат Луций. — Особо опасная бактериальная инфекция.

Я нервно проглотил слюну. Что? Сибирская язва? Seriously?!

— Как думаете, — темный брат подошел к Самойлову, — им могло хватить наглости в действительности распространить заразу?

— Насчет наглости — черт его знает, Луций, — ответил подполковник. — Но вот в том, что они тянут время, я более чем уверен.

И в этот момент небо за спиной облаченного в защитный костюм оратора на миг ярко вспыхнуло. Затем раздался грохот. Такой силы, что, казалось, даже тысячелетние камни застонали. Мы инстинктивно отпрянули и зажмурились, прикрывая головы руками — и

вовремя: нас обдало взрывной волной, принесшей щепки, пыль и крошку.

А затем все стихло. Не просто стихло — казалось, вообще все звуки мира перестали существовать.

Я осторожно разлепил глаза и вытер пыльное лицо. Главный корпус — роскошный белый фасад... Горел.

— Твою же мать, — не сдержался Самойлов.

— Воистину, — прошептал брат Луций.

Вот же дерьмо. Директор явно решил подойти к вопросу заметания следов масштабно. Рвануть здание... Как ему могло это прийти в голову? Совсем людей не жалко?

Неужели он настолько боялся последствий, если подпольную тюрьму все же найдут? Может я видел и узнал лишь малую часть того, что там происходило. Если все было гораздо страшнее и жестче, чем мне показалось?

Ну да, в таком случае замять явно не удастся. Особенно с учетом того, что Самойлов уже получил официальную санкцию и ждал прибытия Великого князя. И если император не конченная сволочь, то он точно велит покарать всех причастных по всей строгости.

Потому что дети — это святое. И уж тем более одаренные. Такое не прощают.

Вероятно, этого и боялся граф Баранов. Судя по этому взрыву, он не собирался идти на сотрудничество с «десяткой». Но почему? Из идейных противоречий? Или настолько боялся Лазаря и его могущественных патронов, что предпочел такой исход?

— К зданию! — рявкнул Самойлов, прокашлявшись от пыли. — Быстро, вашу мать! Пошли, соколики, шевелите ляхами!

Судя по всему, облаченный в защитный костюм сотрудник сам не ожидал такого сценария. Он поднялся с земли, растерянно озираясь по сторонам, выронил громкоговоритель...

— Но... Как же карантин... Антракс... — глухо промямлил он из-под маски.

— Х...якс, — проворчал Самойлов в рифму. — С дороги!

Я бросился было вперед, но подполковник крепко схватил меня за плечо.

— Где может быть мой человек?

— Понятия не имею.

— Тогда думайте! Где вы виделись в последний раз?

— У третьего корпуса, в мастерских. Но он должен был оттуда уйти — там небезопасно. Потом собирался смешаться с остальными охранниками...

— Проклятье...

Я осторожно вырвался из хватки Самойлова.

Мансуров же умел смотреть чужими глазами. Да, ему для этого требовались какие-то особые манипуляции, но они же были знакомы с Романом. Интересно, этого могло быть достаточно?

— Есть идея, как его найти, — сказал я. — Тоже с помощью дара. Но для этого мне сперва нужно отыскать одного своего товарища...

И не только его. Катерина, Мансуров — они оба были в большой опасности. А ведь еще оставались те, кого мы так и не вызволили из подвала. Даже если Лазарь промыл им мозги, их все равно следовало вытащить и выяснить, как они вообще там оказались.

Но эти заключенные были первыми кандидатами на устранение, потому что слишком много видели своими глазами. А легальные воспитанники, их надзиратели и прочий персонал, кто был не «в теме»... Ими ведь тоже решили заодно рискнуть.

Что же здесь за тайные такие хранили, что решили пустить в расход все учреждение, лишь бы Самойлов ничего не узнал...

— Я найду их, — заявил я, бросившись вперед.

— А ну стоять! — рявкнул Самойлов. — Стоять, Оболенский!

Я раздраженно обернулся.

— Ну чего вам еще? Вы же видите — корпус горит! Там рядом жилые палаты. Здесь ребят под сотню наберется. И лазарет, там вообще лежачие были... Всех могло задеть. Нужно людей спасать!

Холодная ладонь легла мне на плечо.

— Мы не можем рисковать вами, ваше сиятельство, — мягко сказал брат Луций. — Вы сейчас единственный свидетель того, что там происходило. Вы осознаете, насколько важны для расследования и всего дела? Если предположить, что мы опоздали... Что все, кто что-то знал...

— Даже думать об этом не смейте, — отрезал я. — И я их не брошу. Я обещал им, что вернусь.

Брат Луций вновь печально улыбнулся.

— Вот вы и вернулись. С подмогой. Теперь предоставьте нам выполнять свою работу, ваше сиятельство. Вы и так уже сделали гораздо больше, чем можно было надеяться...

Я решительно замотал головой. Ноги налились силой и пружинили, готовясь сорваться и побежать в любой момент. Тело снова переходило в «боевой режим», а ведь это было неспроста. Значит, ещё не все кончено. Значит, еще есть с кем сражаться. И кого спасать...

— Да в жопу вас всех, — сказал я и рванул с места.

Я бежал, почти не касаясь ногами земли. О последствиях этой выходки подумаем как-нибудь позже, если это еще будет иметь какое-то значение. Я не знал и половины того, что могли рассказать Катерина и Мансуров с позиции заключенных. А Роман мог дополнить картину — к тому же он был прислан сюда, чтобы выяснить детали. Наверняка и у загнанного в угол, но отважного лекаря Тимофея Викторовича было что сказать. Все они были важны. Мой рассказ без их свидетельств ничего не стоил.

Потому что одного меня можно было легко оговорить, устранить, обезвредить... Спишут все на травму головы, на помутнение рассудка, да на что угодно, лишь бы обесценить мои слова. Я ведь не знал, с какой силой столкнулся и кому перешел дорогу. Но столько голосов никакой Лазарь не заткнет. Поэтому я должен был вытащить их всех. Вытащить — и дать этому делу самый громкий резонанс.

Моя миссия была лишь в том, чтобы привести помощь и спасти свидетелей. Несомненно, очень важная и в чем-то даже ключевая. Но это было не все. И я собирался расшибиться в лепешку, но сделать все возможное, чтобы граф Баранов заливался соловьем в застенках казематов «десятки».

И я хотел привести Катерину за руку на Сенатскую площадь — или где там нынче устраивали публичные слушания и приводили наказания в исполнение — привести, чтобы она присутствовала на процессе, чтобы видела, что за нее отомстили.

А потом... А потом разберемся.

— Оболенский!

— Стойте!

Я слышал, что брат Луций и Самойлов что-то кричали мне вслед. Темный маг даже побежал за мной, но быстро отстал, ибо явно был лишен даров воина. А я припустил во весь опор, благо организм действительно быстро восстанавливался.

Взбежав на холм, где полыхал некогда прекрасный в своей строгости белоснежный главный корпус, я оглядел масштабы бедствия. Рвануло явно изнутри. Очаг возгорания был

сильнее на первом этаже, но огонь уже подобрался ко второму, кое-где даже лизал крышу. Не знаю, сколько там было в тротиловом эквиваленте, но бахнуло очень мощно.

— И ведь рванули именно тогда, когда поняли, что мы рядом, суки такие, — выдохнул я.

— Значит, не успели все убрать. Или убрали не всех, — запыхаясь, прохрипел позади меня брат Луций.

Я озадаченно обернулся.

— Вы-то зачем за мной полезли? Бессмертный что ли?

— Так и вы не бессмертный, Владимир Андреевич. Потому и подстраховываю. Одаренные, хотя и отрекаются от рода, когда проходят посвящение в Орден, но испытывают ностальгическую привязанность к мирской семье. Поэтому если с вами что-то случится, Темная мать Друзилла подвергнет меня таким мучениям, что вам и не снилось. Она, знаете ли, весьма вредная старуха. И с фантазией.

Я усмехнулся. Надо же. Кровь все-таки не водица.

— Тогда, боюсь, вам придется разделить со мной мое сумасбродство, — сухо ответил я. — Потому что меня вы остановить не сможете. А если попытаетесь, клянусь, будете мечтать о муках авторства Друзиллы.

Темный брат равнодушно пожал плечами.

— Что ж, тогда вы как минимум будете под моим присмотром.

А мне начинал нравиться этот Луций. Сперва показался пафосным щеголем, особенно с этой его слишком утонченной мордашкой и излишне вежливыми манерами. Но на деле проявил себя достойно. Не ныл, впрягался во всю движуху, пытался помогать и думал не только о своем Ордене, но и об окружающих. Вызывало симпатию. Судя по всему, должность Луций занимал не из высших — может поэтому сохранил тягу к гуманизму. Еще зачерстветь не успел.

Если в Ордене была хотя бы половина таких, как этот парень, то не такое уж это и страшное место.

— Тогда не отставайте, — велел я и направился дальше.

Чем ближе я подбирался, тем сильнее воняло тухлыми яйцами. Газ? Устроили утечку и подорвали? Я шумно вдохнул воздух и многозначительно посмотрел на Луция.

— Пытаются сымитировать несчастный случай, — спокойно ответил темный брат. — Ожидаемо. Но им это не поможет.

Я крутил головой, пытаюсь прикинуть, как подойти и куда бежать первым делом. Романа наверняка будет искать Самойлов. И если засланец еще был жив, то сам объявится и сдастся. Так что мое дело — ребята и лекарь.

Я указал в сторону Лазарета — флигеля на отшибе, до которого, тем не менее, уже добрался огонь.

— Луций, вы пожары тушить умеете?

— А я похож на пожарного?

— Дар у вас какой?!

— Не по этой части у меня дар, — проворчал темный брат. — Темный ментализм, ваше сиятельство. Дисциплинарный должен уметь убеждать.

— Хреново.

Я, впрочем, тоже не особо походил на огнеборца. Но у меня хотя бы были мощь и выносливость Оболенских.

— Как войдем, пробежитесь по палатам, помогите вывести больных, — перейдя на бег, велел я. — Я найду лекаря.

— Мне это не нравится...

— Засуньте себе ваше отношение сами знаете куда! И не пытайтесь применить на мне эти ваши темные ментальные шутки — сейчас не тот случай. Вы хотели обезопасить людей — действуйте.

К моему удивлению, брат Луций почему-то не стал со мной спорить. Лишь приподнял ровную бровь.

— Продолжаете удивлять, ваше сиятельство. Вас в это учреждение точно не засунули по ошибке?

Я жестом указал ему на ряд окон.

— Там палаты. Рамы деревянные, камней куча. Справитесь.

— Но как...

— Солдат привлеките, блин! — бросил я. — Зря их, что ли, сюда пригнали?! Увидимся.

И я рванул дальше, оставив озадаченного колдуна наедине с нетипичной задачей.

Я пробежал с подветренной стороны вдоль стены, надышался дыма, откашлялся, но заглядывал в каждое окошко в надежде увидеть кого-то из знакомых. Ничего.

Наконец я добрался до окна кабинета лекаря. Занавешены, рамы заперты, форточка закрыта. Не к добру. Недолго думая, я с разбегу влетел в окно — сейчас-то уж зачем беречь казенное имущество? Сгруппировался — прыжок наверняка получился эффектным. А вот разбивать и без того раненой башкой стекло было не очень мудро. Зато эффективно. Но я вообще мудростью не отличался.

Приземлившись на пол под звон осколков, отдаленные крики и топот ног в коридоре, я огляделся. Весь кабинетик лекаря был заполнен дымом, и он вырвался в разбитое окно, позволяя мне разглядеть то, что было внутри.

— Тимофей Викторович!

Врач лежал у двери — прямо под щелочкой, откуда из коридора в кабинет тянулись мелкими смерчками клубы серого и едкого дыма. Лекарь был без сознания. Возможно, заперся — или его нарочно заперли. Вокруг царил хаос, словно здесь боролись.

Я бросился к доку и поволок к окну, на воздух.

Черт, чем у нас в чувство угоревших приводят? Кислород дают, но откуда мне было взять его в этом кабинете? Не было здесь ни баллонов, ни масок... я подхватил его — на удивление тяжелого, и перебросил через окно на едва позеленевшую лужайку.

Так, что дальше? Вроде он дышал. Значит, еще не все было потеряно. Вроде надо растереть грудь, делать искусственное дыхание? Еще, кажется, помогала холодная вода...

Я как-то угорел в деревне у бабушки в бане. Так меня первым делом в сугроб бросили — быстро пришел в себя. Но сугробов не было. Зато в кабинете нашелся небольшой холодильник — и я, бросившись к нему, выгреб все пакеты, ампулы и все, что могло охладить лекаря.

Разместив это добро на груди и голове, я снова попытался нащупать его пульс. Есть! Слабый, но ритмичный. Сердечко работало. А ну, мотор, давай, разгоняйся... Нам сейчас нужна быстрая езда!

— Тимофей! Ну же!

Я воззвал к дару Артура — осторожно собрал руками ветер, носившийся возле лазарета, и направил напрямик в лицо доку. Получилось несколько мощнее, чем ожидалось, и поток

ветра заставил щеки лекаря трепетать как парус.

Зато сработало.

— Аллилуйя! — Выдохнул я, когда он открыл глаза.

И первым делом он отстранил меня, повернулся набок и прочистил желудок. Ничего, значит, все нормально. Меня тоже тошнило в том сугробе...

— Эй! Док! — Я приподнял его и уставился в осоловевшие глаза. — Слышите меня?

— Об... Оболенский. Вижу, слышу.

— Что случилось?

— Всего быстро не расскажешь. Повезло, что не убили. Хотя собирались. Схитрил, — он взглянул на разбросанные вокруг пакеты из холодильника, ампулы и банки. — Молодец, Оболенский. «Пятерка» за первую помощь.

— Где ребята?

— В контейнере.

— Чего?

— В контейнере биологических отходов. Другого места, куда их прятать так, чтобы туда сунулись в последнюю очередь я, уж простите, не придумал, — он попытался подняться, но тут же рухнул обратно на землю. — Черт... Не дойду, Оболенский. Но вам нужно их оттуда вытащить. Помещение для отходов в опасной близости к возможным очагам пожара.

В контейнере для отходов спрятал, значит? Хм, а ведь в этом был свой резон. Насколько я помнил, медицинские отходы считались опасными, им присваивались разные классы, а требования к утилизации были довольно жесткими. Неправильное соблюдение регламента влекло за собой большие проблемы. И вполне реальные риски. К ним даже просто так запрещалось подходить.

Видимо, наш эскулап решил этим воспользоваться. Хитрюга какой.

— Сделаю, — кивнул я. — Говорите, где искать.

— Задний двор... Общий. Там закуток от лазарета — отгорожен кирпичной стеной. Разделяет флигель и гаражи основного корпуса.

— Хозблок, получается.

— Да, рядом, — прошептал Тимофей Викторович. — Я их одел в костюмы защиты. Не панацея, конечно, но пришлось же в настоящих отходах закапывать. Думал, смогу забрать их оттуда, как лазарет проверят...

— Что с вами сделали?

— Допросить пытались. Сымитировал острую сердечную недостаточность. Есть у меня пара хитрых лекарств. К счастью, в этот момент появились вы, и господам стало не до меня. Просто заперли, предполагая, что я не смогу выбраться и умру здесь. Их согноли по тревоге...

Халтура, однако. Окна-то были без решеток. Хотя острый сердечный приступ не особенно способствует физической нагрузке. А чтобы выбраться через окно, лекарю пришлось бы поднапрячься.

— Понял, найду, — отозвался я. — Ждите меня здесь, только отползите подальше, а то вдруг снова где-нибудь рванет.

Тимофей Викторович улыбнулся и покрутил одну из ампул в руках.

— Удачно вы мне допинг принесли. Может к вашему возвращению приду в чувство.

Я кивнул и, все же оттащив его дальше, пошел искать контейнеры. У них должна была быть особая маркировка. Ситуацию осложняла хреновая видимость — здание горело все

сильнее, дыма становилось больше, и к нему примешивались какие-то едкие химикаты. Здесь же всюду шла стройка... Жаль, маски не было, а то и вовсе кислородного баллона. Сейчас бы не помешало.

У меня было мало времени: даже выносливость Оболенских не позволит находиться в этом аду долго. А во внутреннем дворе дым стоял столбом. Я отгонял его от себя, используя дар Артура — ветер хоть как-то позволял расчищать пространство перед собой. Но я уже надыхался этой дрянью, и сознание начинало понемногу плыть.

А ведь Катерина и Мансуров там, в этом ящике. И у них не было возможности вызвать ветер.

Я пробрался через узкий проход между стеной и флигелем и вышел на маленькую площадку с рядом баков и контейнеров. И мне показалось, что один из них содрогался от стука.

— Я здесь! — крикнул я, подбегая к здоровенному вонявшему какой-то химозой темному баку. — Погодите...

Черт, как же у него открывалась крышка? Это был не простой мусорный бак — нет, здесь все запирали герметично, на множество защелок и предохранителей, поиск которых сейчас отнимал у меня и друзей драгоценные секунды.

Внутри бака кто-то отчаянно пинался и, кажется, что-то кричала Катерина.

— Подождите, подождите, ребята...

Пальцы соскользнули с очередного замка, когда резкая боль пронзила мне спину. Я вздрогнул, сперва не поняв, что это было. А затем внутри что-то булькнуло — инородное тело повредило какую-то важную часть меня.

А затем еще удар. И еще. Что-то твердое, острое. Стilet? Заточка?

Эта тварь знала, куда бить. И била сильно.

Я обернулся — не так быстро, как хотелось бы.

Темная фигура, окутанная не только Тенью, но и проклятым черным дымом, отступила на шаг, словно оценивая результат своей работы.

И бросилась бежать.

— Хруст... — прохрипели из ящика. — Хруст... помоги...

Я взвыл от ярости, боли и досады.

Можно было попробовать догнать эту падлу. Догнать и приволочь к ногам того же брата Луция — он-то знает, что с этой паскудой делать. А еще лучше — пожадничать и отнять дар. В качестве компенсации за причиненные мне неудобства.

Хрипы внутри бака стихли. Что-то бухнулось с глухим стуком. Шорохи прекратились. И это был хреновый знак. Очень хреновый.

Да твою ж дивизию! Погнаться за нападавшим или спасти товарищей?

Да, если честно, для меня и выбор не стоял. Ухватившись одной рукой за раненый бок, свободной я пытался отстегнуть последние замки.

— Сейчас, ребят. Сейчас, пару секунд...

Наконец-то последняя защелка поддалась. Я с усилием поднял крышку — пришлось задействовать обе руки. На меня тут же пахнуло каким-то химозным зловонием.

— Ребят! — Позвал я. — Целы?

Никто не ответил. Я принялся копаться в куче каких-то пакетов, пустых склянок. Пришлось почти полностью залезть внутрь — контейнер оказался очень вместительным, а из-за дыма ни черта не было видно. Наконец я нашарил холодную тонкую ручку. Катерина.

— Кать, иди сюда.

Я крепко схватил ее запястье и потянул наверх. Рука болталась, как у тряпичной куклы. Девчонка явно вырубилась.

Если бы не ранения, не заполненные угарным газом и прочей дрянью легкие, я сделал бы все это гораздо быстрее. Но сила уходила из меня вместе с кровью, а голова едва соображала от отравления.

С трудом вытащив Катерину — лекарь заботливо нарядил ее в какой-то шуршащий защитный костюм, я оттащил ее к проходу и вернулся за Мансуровым.

— Денис! Денис, ты меня слышишь?

Что-то зашевелилось под плотным утрамбованным слоем использованных бинтов. Сперва вылезла одна рука, затем вторая — и я рванул их на себя, вытаскивая парня. Щуплое тельце Мансурова описало дугу в воздухе, приземлилось на меня, и мы оба, потеряв равновесие, шлепнулись на землю.

Парень мучился диким кашлем, словно пытался выплюнуть легкие.

— Ка... Катю нашел?

— Ага.

Он кивнул и снова закашлялся.

— Ты как, — снова ухватившись за раненый бок, спросил я.

— Нормально. Только тошнит.

— Сам идти можешь?

— Не знаю... Наверное.

— Придется. Я сам сейчас Катю не утащу. Помоги мне.

Денис снова закашлялся, и я начал всерьез за него бояться. Впрочем, Катя вообще отключилась, так что ни секундой дольше здесь нельзя было находиться.

— Подъем, — я выпрямился первым и помог Мансурову встать. Он пошатнулся, но

удержал равновесие. А затем с ужасом уставился на меня.

— Ты же ранен! Как вообще держишься?

— Я же Оболенский.

Но долго храбриться у меня бы не получилось. С каждым мгновением я чувствовал себя все более беспомощным.

Мы подхватили Катерину, благо она, считай, ничего и не весила. Я жестом указал Денису на проход, куда следовало протиснуться. Парень не ныл, не тормозил и даже старался сдерживать приступы кашля.

Идя по стеночке, потому что по-другому уже не получалось, мы вышли к флигелю лазарета. Под деревом полулежал Тимофей Викторович, и возле него сутился какой-то молодчик в форме ребят Самойлова.

— Почти... Почти пришли, — улыбнулся я.

И рухнул без чувств.

* * *

Мне снилась мама.

Не та измученная несправедливой судьбой женщина, понемногу забывавшая все то, что было для нее важно. Нет. Я видел ее молодой и самой красивой. Для ребенка же мама всегда самая красивая, правда?

Помню, как, забирая меня из детсада, она всегда вела меня по самому красивому маршруту. Стены домов там были раскрашены красивыми граффити, но тогда я не знал этого слова. Просто мне нравились эти яркие картинки.

И на середине дороги мы заходили в магазин, где продавали мое любимое петрохолодовское мороженое на развес. В стаканчик влезало ровно два шарика. Мама брала мне один с шоколадной крошкой, а второй — дынный.

И все тогда было хорошо. И все было спокойно. Казалось, никакие тучи не смогут затмить этого счастья. Мама была с вечной аккуратной укладкой вокруг красивого, но всегда чуть уставшего лица. Ее серые глаза смеялись, когда я угощал ее своим стаканчиком — себе она никогда мороженое не брала. Она откусывала совсем немножко от каждого шарика и отдавала все мне. Говорила, на работе наелась конфет с чаем. Только потом, сильно позже, я понял, что на второй стаканчик просто не хватало денег. Что она вообще много в чем себе отказывала ради меня...

— Мам, прости.

Она удивленно подняла выщипанные в ниточку брови.

— За что простить, Сашенька? Тебя ведь даже воспитательница не ругала...

— Я не смогу вернуться. Я ведь... Я ведь здесь застрял... Я ничего не могу для тебя сделать отсюда.

Она непонимающе покачала головой.

— Что ты такое говоришь, солнышко? Доедай быстрее! Видишь, уже доньшко стаканчика подтекает...

Я замотал головой, закричал и от отчаяния бросил стаканчик на землю. Он угодил в лужу — и как только брызги взмыли вверх, все вокруг нас начало окрашиваться черным.

Словно огонь пожирал фотографию. Мир искажался, закручивались уголки, мамино лицо стремительно выцветало и бледнело, везде проступали темные пятна...

«Ты не вернешься», — прошептал незнакомый голос, звучащий словно отовсюду. — «Ты не вернешься, но ты сможешь ее забрать. Забрать, пока не стало поздно. Ты же хочешь этого... Хруст?»

Я вздрогнул.

Только Катя знала, как я себя называл — она могла читать мои мысли. Но голос принадлежал не Катерине. Станный голос. Не мужской, не женский. Тихий, но не шепот. Шелестящий, но музыкальный. Неестественный.

— Кто ты? — я озирался по сторонам, но вокруг никого не было.

«Я твой друг».

— Ага. Так и поверил.

«Благодаря мне ты получил второй шанс. Получил дары, на которые никто не мог рассчитывать. И можешь получить больше, гораздо больше...»

— И за что такой аттракцион невиданной щедрости?

«Потому что однажды и ты мне поможешь. Сделаешь кое-что для меня».

— Так кто ты? Или что ты такое?!

Я кричал во мрак и ужасно бесился оттого, что ничего не видел. Здесь, казалось, не было ни времени, ни пространства. Просто пустота. Черная пустота. Не холодная, не теплая. Никакая.

«Я дам тебе шанс. Дам тебе силы. Тебе будет нужно только сделать верный выбор...»

Голос исчез, мрак начал рассеиваться — и теперь казалось, что яркие лучи солнца пробиваются через дырявую черную тряпку. Один за другим они выжигали тьму, а я...

А я распахнул глаза.

Несшая надо мной бдение незнакомая девица вскрикнула от неожиданности.

— О, господи! — она с ужасом отшатнулась, словно я не просто очнулся, а еще и... ну не знаю, детородный орган ей показал.

Я с недоумением приподнял бровь.

— И чего орем?

— Простите, — девушка приложила руку к весьма пышной груди, которая от частого дыхания так и норовила выпрыгнуть из блузки. А на блузку был накинут белый халат. Лекарша? — Простите, ваше сиятельство. Вы меня напугали. Не рассчитывала, что очнетесь так скоро. Вам бы еще сутки спать...

Я рассеянно кивнул.

— Я же из Оболенских, мы быстро восстанавливаемся.

— Даже воинам нужно время. Особенно если у них повреждены печень, почки, поджелудочная железа и пробито легкое. А еще отравление...

Я заинтересованно уставился на барышню.

— Что, даже так?

— Даже так, Владимир Андреевич, — кивнула она и, словно, спохватившись, представилась. — Елена Олеговна Трубецкая, врач-лекарь.

Видимо, связка «врач-лекарь» означала, что дамочка имела не только дар, но и соответствующее высшее образование и полную квалификацию.

А еще она оказалась постарше, чем мне подумалось на первый взгляд. Лет тридцать, может чуть больше. Но очень ухоженная, хотя и держалась скромницей. Почти без

косметики, светлые волнистые волосы, яркий румянец... Ну и фигура что надо. Застегнутая на все пуговицы пуританская блузка едва сдерживала напор этой красоты.

— Рад знакомству, Елена Олеговна, — улыбнулся я и бегло осмотрел помещение, в котором находился. Не Лазарет академии, не особняк Воронцовых, но и на больницу не походило. Скорее, спальня или просторные гостевые апартаменты со всеми удобствами. И обстановка очень дорогая... — Где я?

Лекарша смущенно улыбнулась.

— Вы в резиденции Великого князя Глеба Алексеевича. Он повелел доставить вас к нему из соображений вашей безопасности, а также для своевременного оказания квалифицированной помощи. Я личный врач его семьи.

Неплохо я устроился. Только вот...

— Где остальные? Врач из лазарета, Катерина — рыжая девушка, Мансуров...

— Тише, тише, ваше сиятельство, — лекарша положила прохладную ладонь мне на лоб. — С ними все в порядке. Все живы и уже почти здоровы. Разве что за исключением девушки. Ей предстоит длительная реабилитация. Но их успешно вывезли с острова, и сейчас они под защитой. А вам действительно нельзя волноваться — это затормозит процесс восстановления.

Я глубоко вдохнул и выдохнул. Ну слава небесам. Значит, успел...

— А Самойлов? Брат Луций? Директор...

— Тихо! — Елена Олеговна мягко, но настойчиво прижала мою голову к подушке. — Вы обо всем узнаете из первых уст. Но сейчас, прошу вас, дайте мне закончить работу. Я еще не привела вас в порядок.

— Ладно, — проворчал я. — Так что мне нужно делать?

— Хотя бы не шевелитесь. Я ведь работаю с тканями неинвазивным методом... И раз уж вы в сознании, имейте в виду, что будет довольно неприятно.

О, это я помнил — Тимофей Викторович не особо меня щадил, когда срашивал рану на бедре. Я кивнул и пообещал лекарше не орать.

Стараясь отвлечься от боли, я разглядывал обстановку в комнате.

Интересно, насколько близкой родней приходился этот Глеб Алексеевич государю? Раз князь именно Великий, то, насколько я помнил, оказался я почти что у бога за пазухой. Другой вопрос, почему мне оказали такую честь.

Нет, все понятно, Оболенские — очень многочисленный и могущественный род, а я теперь стал одним из двух княжичей. Пусть не наследовал, но все равно вес отныне имел совершенно иной. Кроме того, могли сыграть роль и мои заслуги — все же в героя поиграл успешно.

Но только ли в этом было дело? Или я вляпался в нечто настолько важное, что дело взяла на карандаш императорская семья? Ну и меня решили держать поближе, ибо, например, слишком много разузнал...

— Готово, Владимир Андреевич, — лекарша отняла руки и поднялась на ноги. — Не могу констатировать, что вы здоровы — все же в ближайшие дни вам стоит вести максимально приближенный к постельному режим. Однако вы сможете прибыть на аудиенцию к моему господину.

Я приподнялся на кровати и удивленно уставился на молодую женщину.

— Даже так?

Она улыбнулась одними губами.

— Вы, ваше сиятельство, насколько я поняла из контекста, сыграли едва ли не ключевую роль в деле, о котором уже два дня судачит весь город. Скандал в исправительной академии для детей аристократов! Тут и простолюдины бы руководство на вилы подняли, а теперь представьте, как бурлит свет...

Я кисло улыбнулся.

— На то и был расчет.

— Если вы чувствуете в себе силы, я позову слуг, чтобы помочь вам одеться. Если вдруг вам станет хуже или вы почувствуете любое недомогание... Я буду здесь до утра.

— Благодарю, Елена Олеговна, — кивнул я. — Великому князю с вами очень повезло.

Лекарша сдержанно кивнула и вышла, оставив меня пялиться на роскошную лепнину невероятно высокого потолка. Да уж, дворец, судя по всему, отгрохали такой, что наверняка на него ушел весь бюджет какой-нибудь средней губернии...

Меня умыли, одели, даже напоили крепким сладким чаем — ароматным и с долькой лимона — и затем повели на аудиенцию.

Я брел по коридорам, украшенным собраниями древностей и предметов роскоши — картины великих мастеров, рыцарские доспехи и старинное оружие, коллекции фарфора и хрусталя... Столько великолепия, что Эрмитаж позавидует. Великий князь, вероятно, предпочитал вкладываться в вечные ценности.

— Прощу, Владимир Андреевич, — шепнул лакей, когда объявили о моем прибытии.

Я шагнул в распахнутые двери и оказался в помещении, напоминавшем одновременно рабочий кабинет, зал собраний и гостиную. Все было выполнено в английском готическом стиле: темное резное дерево, тканевые обои на стенах, убранный сукном длинный стол, за которым могли разместиться человек десять...

И там уже собралась весьма разнообразная компания. При моем появлении все, кроме одной женщины, встали в знак приветствия.

— Владимир Андреевич, — улыбнулся приятный мужчина лет тридцати пяти и шагнул мне навстречу. — Счастлив принимать вас в своем доме. Мы безмерно рады, что ваши раны удалось быстро исцелить.

Я застыл, не очень понимая, как себя вести. К сожалению, в этой моей «прошивке» записей об этикете не сохранилось. Что ж, будем действовать по наитию и исходя из моих весьма скромных познаний.

Я поклонился.

— Милостивый государь...

Сидевшая за столом Темная мать Друзилла хмуро покачала головой. Видимо, с обращением я накосячил. Однако Великий князь не подал вида.

— Прощу, займите место за столом.

Брат Луций, которого я не ожидал здесь видеть, отодвинул передо мной стул, и я устало рухнул на жестковатое сидение. Да уж, восстанавливаться придется долго. Видимо, на этот раз организм решил наказать меня за столь безрассудное использование наших ресурсов.

Я внимательно оглядел собравшихся. Глеб Алексеевич восседал во главе стола. По левую руку от него расположились служители Ордена — старуха Друзилла, брат Луций и еще один мужчина преклонных лет, которого я не знал.

По правую руку, видимо, разместились «силовики» — я узнал подполковника Самойлова, а рядом с ним восседал мужик, словно спрыгнувший со старинного портрета: с роскошными седыми бакенбардами, пышными усами и густой, но аккуратно подстриженной

бородой. Седой как лунь. И, судя по выправке, дедуля был из старой школы. Он внимательно следил за мной, но не сказал ни слова.

Я расположился третьим в этом ряду, рядом с Самойловым и напротив Луция. В окружении недавних знакомых было комфортнее.

— Что ж, первым делом я хочу выразить вам благодарность, Владимир Андреевич, — улыбнулся Великий князь. — Без вашего вмешательства, боюсь, операция бы не состоялась. Однако теперь у нас наконец-то есть возможность донести до государя всю важность ситуации. Теперь мне есть с чем к нему идти.

Я кивнул с робкой улыбкой.

— Счастлив помочь.

— Валерий Карлович, — обратился Великий князь к Самойлову, — Пожалуйста, доложите последние новости.

Подполковник хотел было подняться, но хозяин дома жестом попросил его остаться на месте.

— Новых потерь, к счастью, не зарегистрировано. Трое погибших из отделения, — он поднял на меня глаза. — Увы, среди них наш связной Роман Афанасьев, который проинструктировал его сиятельство.

У меня внутри все оборвалось.

— Роман... Но как?

— Попал в ловушку при пожаре. Вытащить вытащили, но скончался уже в больнице. Надеялись, справится, но... Также десять погибших среди гражданских, в том числе трое охранников и четверо надзирателей. Эта сво... Прошу прощения, все милостивейший государь... Баранов не отдал приказ для эвакуации, и если бы не самоотверженность и самопожертвование надзирателей, жертв могло быть гораздо больше.

Великий князь кивнул.

— Разумеется, о них и их семьях позаботятся. Что по другому вопросу?

— Баранов продолжает говорить. На оправдательный приговор, разумеется, не наговорит, и я буду настаивать на процессе по всей строгости. Однако у нас есть зацепка. Впервые за долгое время мы можем доказать, что они создали сеть. Впереди много работы, но теперь мы знаем как минимум о двух учреждениях помимо Академии, где совершался отбор одаренных детей. И оба этих варианта предстоит аккуратно проработать.

— И поскольку Лазарь со своими прихвостнями отбирали себе и одаренных Тьмой, Орден готов оказать любую поддержку, — добавил незнакомый старик, сидевший рядом с Друзиллой.

— Разумеется, отец Вергилий, — задумчиво отозвался Великий князь. — Сотрудничество Ордена и «Десятки» дает хорошие плоды, и я настаиваю на том, чтобы вы продолжали. Что до Баранова и его участия в деле... Осталось собрать показания ключевых участников, в том числе и нашего гостя Владимира Алексеевича — и я буду готов запустить публичный процесс.

Седовласый сосед Самойлова с достоинством кивнул.

— Господа Давыдова, Мансуров и Волков уже оказали помощь и сейчас находятся под защитой управления. Дело за господином Оболенским.

Я улыбнулся.

— С величайшим удовольствием.

— Ничего иного от вас и не ожидал, особенно после вашего недавнего подвига.

Глеб Алексеевич внимательно слушал доклад, блуждая взглядом по лицам собравшихся. И наконец устался на меня.

— Но прежде чем мы разойдемся, предлагаю немедленно прояснить ситуацию с господином Оболенским, — он поочередно взглянул на начальника Самойлова и старика и отца Вергилия. — Насколько я понимаю, имеет место конфликт интересов?

Я непонимающе пялился то на одного, то на другого, то на третьего.

— Прошу прощения?

Отец Вергилий подался вперед.

— Дело в том, что с учетом силы юноши, мы должны немедленно взять его под крыло Ордена. Сейчас мы не говорим о посвящении, но он должен получать базовые знания послушника! Иначе, если, не приведи Тьма, его сила выйдет из-под контроля...

Друзилла жестом прервала коллегу.

— Я понимаю ваше беспокойство, — проворчала она. — Но могу поручиться за юношу — он вполне способен принимать здравые решения.

— С этим я бы поспорил, — хором отозвались Самойлов и брат Луций.

Я устался на подполковника.

— Так в чем, собственно, конфликт интересов?

— В том, что Десятое отделение желает продолжить с вами сотрудничество, — ответил за него Великий князь. — Насколько мне известно, в данный момент разрабатывается план внедрения нескольких лиц в указанные графом Барановым учреждения. И господин Брусилов считает целесообразным и ваше участие.

Так, значит, вот он какой, этот Брусилов...

Все еще слабо понимая, что происходит, я устался на Великого князя.

— Но как же я могу помочь? У меня ведь нет подготовки... И печать Тьмы...

— За вами все еще сохраняется обязательство пройти курс перевоспитания. У своих товарищей по отряду вы не вызовете подозрений — о вашем участии умалчивается. Для всех вы просто были в карцере. Но вы можете подметить те детали, на которые обычный воспитанник внимания не обратит. Нам нужен Лазарь, Владимир Андреевич. Потому что Лазарь и те, на кого он работает, представляют угрозу существующему порядку. И я прошу вас — прошу не как Романов, но как отец и подданный — помочь в этом деле. У вас есть все качества и дары, которые помогут вам выйти из этой истории живым.

Отец Вергилий возмущенно засопел.

— Но Орден...

— Орден подождет, — отрезала Друзилла. — Глеб Александрович прав. Вопрос того и гляди перейдет в область государственной безопасности. Если уже не перешел.

— И, разумеется, после выполнения этой задачи вы получите право на особый статус в Ордене, — добавил Великий князь. — Помимо перспектив роста во внутренней иерархии, быть может, Верховный отец даже рассмотрит разрешение для вас дать начало собственному роду... За всю историю Ордена лишь единицам дозволялось вступать в брак и основывать новую фамилию.

Брата Луция аж перекошило от удивления.

— На вашем месте я бы согласился, Владимир Андреевич, — прошептал он. — Особенно с учетом того, что вам в линии наследования Оболенских уже ничего не светит.

Все напряженно уставились на меня, и в комнате повисло такое плотное молчание, что было слышно, как пылинки шуршали, приземляясь на стол.

Я поднял глаза на Великого князя и улыбнулся.

— Значит, приключения только начинаются.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Дополнение (Правила Исправительной Академии)

Правила Исправительной Академии им. Императрицы Марии Федоровны.

Порядок приема в Академию.

После уточнения данных прибывшие воспитанники подвергаются личному обыску, а принадлежащие им вещи досматриваются и изымаются в случае их попадания в список запрещенных на территории Академии вещей.

После личного обыска воспитанники проходят медицинский осмотр. В случае подозрений на заражение инфекционными заболеваниями воспитанник отправляется на карантин в лазарет.

Решение о распределении воспитанников по отрядам принимается Администрацией Академии с учетом их личностных особенностей, состояния здоровья, а также тяжести их провинностей.

Воспитанники Академии имеют право:

- на охрану здоровья и личную безопасность;
- на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками Академии;
- пользоваться религиозной литературой, предметами культа, совершать религиозные обряды;
- обращаться с предложениями и жалобами к Администрации Академии;
- распоряжаться личным временем, предусмотренным распорядком дня, не нарушая при этом требований Правил;
- участвовать в культурных и спортивных мероприятиях, пользоваться библиотекой в определенное распорядком дня время.

Воспитанники обязаны:

- исполнять требования законов Российской империи и Правил Академии;
- соблюдать распорядок дня, установленный в Академии;
- выполнять требования сотрудников Академии;
- являться по вызову Администрации, давать объяснения по фактам нарушения установленного порядка пребывания в Академии (в случае неявки воспитанник может быть подвергнут принудительному приводу);
- проходить осмотры и необходимые обследования с целью своевременного обнаружения инфекционных заболеваний, выявления телесных повреждений, а также фактов употребления алкогольных, наркотических средств и их аналогов;
- бережно относиться к имуществу Академии;
- соблюдать требования пожарной безопасности;
- добросовестно относиться к труду и учебе;
- быть вежливыми между собой и в общении с сотрудниками Администрации и иными лицами;
- содержать в чистоте и опрятности жилые помещения, спальные и рабочие места;
- носить одежду установленного образца;

— принимать участие в работах по благоустройству Академии и прилегающих к ней территорий.

Воспитанникам запрещается:

- покидать территорию Академии;
- использовать особые родовые силы без разрешения Администрации;
- приводить в нерабочее состояние средства надзора и контроля;
- продавать, покупать, дарить, принимать в дар либо присваивать предметы и вещи, находящиеся в личном пользовании;
- приобретать, изготавливать, хранить и пользоваться запрещенными вещами;
- курить;
- употреблять алкоголь, наркотические вещества и их аналоги;
- играть в азартные игры;
- выносить продукты питания из столовой Академии без разрешения Администрации;
- без разрешения Администрации подниматься на маяк, крыши зданий, строений и других сооружений Академии;
- оставлять без разрешения Администрации рабочие места и помещения, в которых проводятся массовые мероприятия;
- нарушать порядок переписки, встреч и телефонных звонков, установленный Правилами;
- оказывать групповые неповиновения;
- причинять умышленный вред своему здоровью;
- употреблять нецензурные и жаргонные слова.

Взаимоотношения воспитанников и Администрации Академии.

Воспитанники обязаны здороваться при встрече с Администрацией и другими лицами, посещающими Академию, вставая, обращаться к ним, используя слово «Вы» или имена и отчества.

Администрация обращается, используя слово «Вы» или фамилию.

Распорядок дня.

Распорядок дня включает в себя время подъема, туалета, физической зарядки, приема пищи, развода на работу, нахождения на учебе, воспитательных, культурно-массовых и спортивно-массовых мероприятиях, отбоя. Предусматриваются непрерывный восьмичасовой сон обучающихся и предоставление им личного времени.

Не менее двух раз в месяц в нерабочее время организуются проверки-смотриы всех воспитанников, во время которых проверяется их внешний вид, в том числе состояние одежды.

Привлечение воспитанников к труду.

Воспитанники обязаны трудиться в местах и на работах, определенных Администрацией, с учетом их пола, возраста и состояния здоровья.

В установленное расписанием дня время воспитанники выстраиваются поотрядно в отведенных местах для развода на работу и вывода с работы.

При разводе на работу проверяется, все ли воспитанники обуты и одеты по сезону и в

установленной форме. Лица, одетые не по форме, возвращаются для устранения нарушений в одежде.

Труд воспитанников организуется только на территории Академии.

Воспитанникам запрещается прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов. Отказ от работы или прекращение работы являются злостным нарушением установленного порядка и могут повлечь применение мер взыскания.

Порядок приема пищи.

Воспитанники обеспечиваются трехразовым горячим питанием. Прием пищи производится поотрядно в часы, установленные расписанием дня.

Воспитанники, содержащиеся в карантинном отделении, принимают пищу в столовой Академии отдельно от остальных воспитанников согласно расписанию дня. В помещении лазарета части прием пищи производится в специально отведенных для этого местах с учетом заболеваний воспитанников.

Для поддержания должного порядка во время приема пищи воспитанниками в столовых присутствуют представители Администрации.

Порядок передвижения воспитанников в пределах Академии.

Передвижение групп воспитанников по территории Академии осуществляется строем в установленном Администрацией порядке. При передвижении групп строевой шаг не применяется.

В личное время воспитанники могут передвигаться вне строя в пределах участка, определенного Администрацией. В период от отбоя до подъема нахождение воспитанников за пределами жилого помещения без разрешения Администрации не допускается.

Порядок осуществления воспитанниками связи с внешним миром.

Переписка

Получение и отправление писем без их ограничения производятся только через Администрацию. С этой целью в холле вывешиваются почтовые ящики, из которых ежедневно корреспонденция изымается для отправления.

Письма опускаются в почтовые ящики или передаются Администрации в незапечатанном виде.

Встречи

Воспитанникам предоставляются встречи продолжительностью три часа на территории Академии. Встречи предоставляются с родственниками или иными лицами в присутствии сотрудников Администрации.

Разрешение на встречу дается Администрацией в выходные и праздничные дни по предварительному прошению воспитанника либо лица, прибывшего к нему на встречу.

Воспитанники освобождаются от работы на период встреч с последующей или предшествующей отработкой.

При нарушении прибывшими или воспитанниками установленного Правилами порядка проведения встречи она немедленно прекращается.

Телефонные разговоры

Воспитанникам предоставляется право на телефонные разговоры.

Телефонный разговор предоставляется Администрацией в выходные и праздничные дни, по предварительному прошению воспитанника, в котором указываются фамилия, имя, отчество, адрес места жительства, номер телефона абонента и продолжительность разговора, не превышающая 15 минут.

При наличии исключительных личных обстоятельств с разрешения Администрации воспитаннику может быть разрешен внеплановый телефонный разговор с родственниками.

Порядок разрешения воспитанникам выездов за пределы Академии.

Разрешение на краткосрочный выезд за пределы Академии в связи с исключительными личными обстоятельствами дается Администрацией на основании прошения воспитанника.

На период выезда воспитанник получает принадлежащие ему одежду и обувь.

Особенности содержания воспитанников, отбывающих наказания в строгих условиях (карцер).

Запираемые помещения, в которых содержатся воспитанники, отбывающие наказание в строгих условиях, оборудуются бытовыми удобствами с обеспечением изоляции содержащихся в них лиц от воспитанников, содержащихся в других условиях.

В период пребывания в строгих условиях отбывания наказания воспитанники на занятия не выводятся. Им предоставляется возможность самостоятельной учебы и индивидуальных консультаций с преподавателями.

Спортивные мероприятия с воспитанниками, содержащимися в строгих условиях, не проводятся, за исключением утренней физической зарядки. Культурные мероприятия с воспитанниками проводятся в пределах помещений, в которых они содержатся. Им по их просьбе предоставляется возможность встреч со священнослужителями и пользования библиотекой в условиях изоляции от воспитанников, содержащихся в других условиях.

Трудоиспользование, прием пищи, медицинский осмотр, амбулаторное лечение воспитанников организуются отдельно от воспитанников, отбывающих наказание в других условиях содержания.